

Annotation

Я считала монстром мужчину, у которого самое большое сердце на свете, но нас по-прежнему многое разделяет. Его статус правящего. Политическая арена. Женщина, которую видит его невестой Мировое сообщество драконов трех континентов. Но больше всего — неизученная мощь его собственной силы. Черное пламя, которое либо объединит нас, либо... сожжет дотла.

- [Марина Индиви](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)
    - [Глава 20](#)
    - [Глава 21](#)
    - [Глава 22](#)
-

Марина Индиви

Черное пламя Раграна 2.

Глава 1

Узор начинался от большого пальца, пламенно-черными нитями клубился по предплечью, забирался с моего локтя на плечо. Я смотрела на него, не моргая, не в силах справиться с охватившим меня шоком. От того, чтобы заорать на всю квартиру, останавливала только мысль о том, что в соседней комнате Лар, и я перепугаю его до набликов. Вот только я сама перепугалась до набликов! Это вообще что?! И почему оно на мне?!

Дотянувшись до смартфона, сделала фотку и отправила Вайдхэну с подписью:

«Так и должно быть?»

Это вообще что?! Да, я уже так думала, но у меня другие вопросы просто не складывались. Нет, так быть не должно, этого на мне быть не должно! Дыши, Аврора, дыши. Судя по тому, что оно просто чешется, ничего страшного в этом нет. Вон даже одежда от него не загорелась... Не загорится же? Я отпустила рукав, но он и не думал загораться. Подтянула, зажмурилась, глубоко вздохнула...

Подскочила на постели от звонка смартфона, ввинтившегося в мою тишину и ударившего по напряженным нервам.

— Доброе утро, Аврора, — голос Вайдхэна был сильным и бодрым, по ощущениям, он либо проснулся час назад, либо вообще не ложился.

— Доброе? — шепотом спросила я в трубку. — Ты в этом уверен?

— Оно началось с твоего сообщения, конечно, я в этом уверен. Нет, я не знаю, что это такое, но судя по тому, что с тобой все в порядке — не считая твоего волнения, ничего страшного в этом рисунке нет.

— А, то есть это нормально, что оно вылезло?

Может, это у иртханов в порядке вещей, а я тут просто панику навожу? С губ сорвался смешок.

— Я такого еще не встречал.

— То есть?!

— Оно отдаленно напоминает искусственно созданные печати — одну для иртханов, другую для людей, но расположение и то, что

рисунок возник сам — наводит на мысли, что это нечто совершенно новое. Эволюционный процесс иртханов под воздействием черного пламени.

— А если в переводе на человеческий?

— В переводе на человеческий мой дракон скорее всего так тебя отметил.

Мой дракон!

Меня. Отметил.

— Вайдхэн, — произнесла я, чувствуя, что мой голос дрожит от гнева, — я не камешек в пустоши, чтобы меня помечать.

— Я не сказал: пометил, — а вот этот дракон, судя по всему, собирался смеяться. — Я сказал: отметил. Как бы там ни было, Аврора, сегодня тебе придется встретиться с моими врачами, я хочу увидеть твои анализы.

— Что значит: пометил? — отбросив мысли про врачей, снова спросила я. — То есть отметил?

— Это значит, что он хочет видеть тебя моей парой, но это не телефонный разговор. Просыпайтесь, приводи себя в порядок, и тебя заберут. Утро все-таки доброе, потому что мы скоро увидимся.

На этой оптимистичной ноте он просто отключился, оставив меня размышлять на тему, можно ли считать добрым утро, когда тебя отметил (не путать с пометил) дракон, который хочет видеть тебя парой — парой! — правящему нашей державы.

Про пары я знала ничтожно мало, но после раскрытия тайн, которые до определенного момента иртханы годами хранили в своих информационных закромах и не допускали до людей, мне было известно следующее. Дракон выбирает пару один раз и на всю жизнь. Гибель пары часто приводит к гибели (угасанию) дракона, когда его пламя затухает, и он умирает. У иртханов все посложнее. Например, у них там то ли сочетание, то ли совпадение огней может быть с несколькими иртханессами, и вот когда они уже окончательно определятся, с кем им нравится сочетаться больше всего, они тоже могут создать пару.

Но каким боком все это ко мне?! Я человек! Драконы не выбирают себе в пару людей!

Точнее, никогда раньше не выбирали.

До появления черного пламени, которое бежит в венах Бенгарна Вайдхэна. Может, у его дракона мутация и сбой навигационной системы? В смысле, он что-то там себе напутал?

Я покачала головой, сорвалась с постели и побежала в ванную. Где закатала рукав, взяла губку и начала тереть узорчик. То есть попыталась: стоило мне пару раз поводить по пламенеющему рисунку намыленной губкой, как он обиженно зашипел, капли воды в мгновение ока испарились, а губка...

Пх-х-х!

Полыхнула в моих руках, как факел в экранизации про жизнь Теарин Ильеерской[1]. Я едва успела швырнуть ее в раковину и открыть воду, чтобы затушить пламя, как весь узор на моей руке вспыхнул огнем.

Вспыхнул, предупреждающе прокатился от кончиков пальцев до плеча — и погас! Как будто и не было ничего, только обманчивые искорки-крохи мерцали в густой черной вязи.

На подгибающихся ногах в полуобморочном состоянии я вернулась в комнату и немного посидела на кровати, дожидаясь, пока уймется бешено колотящееся сердце. Сглотнула и снова посмотрела на узор на коже, словно издеваясь, одна искорка полыхнула ярче, как бы подмигнув. Намекая на то, что избавиться от него мне не грозит.

Вообще.

— Ладно, как знаешь, — сказала я. — Но скоро к нам приедут, меня заберут к медикам, и все с тобой станет ясно.

Хэштег #НуДаКонечно.

Дожили. С узорами разговариваю, мыслю хэштегами. С другой стороны, это еще не самое страшное, что со мной случилось за последнее время. Драконы вон всякие помечают. Отмечают. Замечают.

Второй заход в ванную удался. Когда я закончила чистить зубы и вышла из душа, ко мне в комнату постучался вальцгард.

— Риам Этроу?

— Что, за мной уже прилетели? — поинтересовалась я.

— Нет. Ваш сын проснулся.

Я кивнула и увидела, что сонный Лар трет кулачками глаза, а об него, колотя хвостом по покрывалу, трется Чешуйка. Это сколько же там шерсти будет потом...

— Привет, Драконенок, — я шагнула к сыну. — Как спалось?

— Спалось супер, мам! — Лар ткнулся носом в спину виари. — А мы пойдем гулять с Чешуйкой?

Вальцгард посмотрел на меня и покачал головой.

— Не сегодня, малыш. Пойдем лучше проводить водные процедуры.

— А Чешуйка?

— А Чешуйка пойдет гулять с... — я посмотрела на вальцгарда.

— Медлвар, — понимающе представился тот.

— С Медлваром.

— Но я хотел с ней вместе купаться!

— Не уверена, что она любит воду. — Я подхватила Лара подмышки и вытащила из постели. — Все! Пойдем. Вчера ты коварно заснул и не стал мыться...

Я отпустила сына, и он с визгом бросился в ванную. Чешуйка подумала-подумала и направилась следом за вальцгардом, видимо, воду она действительно не любила. Или, наоборот, вчера выпила слишком много воды и теперь понимала, что сначала улица, а потом купания, иначе может случиться неприятность.

Умывашки Лара заняли не так много времени, гораздо больше времени у нас всегда занимала ванна, но сегодня я шустро поставила сына под душ, потому что побоялась не успеть собраться к тому моменту, как за нами приедут. Как выяснилось, боялась я зря: мы не просто успели помыться, мы еще и растерлись огромным полотенцем, на котором был изображен Букси, дракон из любимого мультика сына. Оделись, причесались, покормили вернувшуюся Дрим, которая после прогулок радостно устремилась к мискам. Я уже даже начала думать про завтрак, хотя всегда считала, что анализы делают натошак. В любом случае, Лара покормить не помешает.

Разумеется, скоро должна приехать Ния, но мне нравилось готовить ему завтрак. Мне вообще нравилось проводить время с сыном. Не представляю, как люди умудряются говорить, что устают от детей. Да, я уставала. Временами. Но не от него, а скорее от того, что у меня было слишком много дел, чтобы позволить себе полностью сосредоточиться на этом самом чудесном чуде.

— Так, чудо. Что хочешь на завтрак?

— Пирожное!

Я приподняла брови.

— Ничего себе. А из полезного что?

— Нет ничего полезнее, чем пирожные!

Привести контраргументы я не успела, потому что у меня зазвонил смартфон. Мелодия Зои заставила меня рывком вытащить мобильный из кармана домашних брюк:

— Да... Привет!

— Привет?! Да?! Ты мне ничего не хочешь сказать?

— А должна? — поинтересовалась я.

— Ну это уж тебе виднее, должна или не должна. Ты вообще визор включи. И в сеть зайди! Мне сейчас Мелли из салона позвонила, а то так бы и ходила в неведении, забегавшись по магазинам. Хороша подруга! — Поток информации высыпался на меня вместе с завуалированным упреком, приправленной нотками укоризненных интонаций, но я решила, что сейчас важнее включить визор. И не ошиблась.

— ... со вчерашнего дня у дома риам Этроу, неудачной попыткой похищения сына которой занималась служба безопасности Бенгарна Вайдхэна, — вещала молоденькая светловолосая журналистка, сжимавшая в руке микрофон с эмблемой «Мериуж Айв». Знакомые виды кричали о том, что находится она не просто у моего дома, а в двух шагах от моего дома. — В пресс-службе риамера Вайдхэна заявили, что риам Этроу попросила его о помощи, когда ее сын был похищен родителями отца ребенка, Нарриной и Торретом дель Рандаргим, решившими нарушить закон после неудачно завершившегося для их сына суда. По данным той же пресс-службы риам Этроу очень повезло, что она недавно прошла собеседование на должность личного секретаря риамера Вайдхэна.

Ветер хлестнул журналистку по лицу ее же собственными волосами, а я почувствовала себя так, словно хлестнули меня.

Должность...

Личного... секретаря? Риамера Вайдхэна...

— К своим обязанностям риам Этроу приступает после праздников, а пока...

— Ну! — в голос журналистки вклинился голос Зои. — И это везде. По всем каналам, по всей сети... ничего объяснить не хочешь?! Как ты вообще мне могла такое не сказать?! Как?! А после вчерашнего, после того, что случилось, даже не позвонила. Я же...

— Вот именно! — справившись с первым (или с каким там по счету?) за это утро шоком, я выключила визор и «вернулась» к подруге. — У меня сын пропал, Зои. Мне вчера как бы не до того было. Вот вообще. Не до того, чтобы тебе звонить и сообщать.

— Разумеется. Зачем мне вообще что-то сообщать. Особенно теперь, когда ты личный секретарь Вайдхэна. Мы с Дагом нужны исключительно когда тебя на работу не берут, или когда с Ларом посидеть надо! — рявкнула Зои и отключилась, а я растерянно посмотрела на значок завершеного вызова на экране смартфона.

Это что вообще такое было?

С Зои.

И с пресс-службой Вайдхэна. Они там что, что-то некачественное на корпоративе распили?

— Медлвар? — поинтересовалась я у вальцгарда, который стоял у двери. — Это что, какая-то ошибка? Вы это слышали?

— Нет, риам Этроу. Это не ошибка.

— Нет?

— Об этом вам лучше поговорить с риамером Вайдхэном.

И поговорю! Я с ним обо всем поговорю. Начну с распускающейся на моей руке пламенной вязи, а закончу служебными обязанностями и адекватностью его пресс-службы! Дабы убедиться в том, что не сошла с ума (разумеется, не сошла, вальцгард все подтвердил, но проверить все-таки надо), я открыла сеть и обнаружила там кучу новостных заголовков. В том числе и о том, что я выхожу на работу после праздников. Нет, я определенно не сошла с ума. Но сойду. Если так будет продолжаться.

— Медлвар, откройте, пожалуйста, дверь, — попросила я, услышав знакомый сигнал. — Это, скорее всего, Ния.

Это действительно оказалась Ния, и мы даже успели с ней приготовить завтрак, когда за мной приехали. Двойной комплект вальцгардов: одни — чтобы сменить тех, кто пробыл у нас со вчерашнего вечера, другие — чтобы меня сопровождать в клинику или куда там еще. Возглавлял их невысокий, чуть выше меня ростом, но подтянутый и широкоплечий иртхан. Светловолосый, с пристальным резким взглядом светло-серых глаз.

— Добрый день, риам Этроу, — представился он. — Меня зовут Лоргайн Лэннэ, я отвечаю за вашу безопасность.

— Рада знакомству, — ответила я. — Можно просто Аврора.

— Лучше риам Этроу, — судя по всему, мужчина не впечатлился моим предложением. — Вы готовы? Медики уже вот-вот будут.

— Где будут?

— Там, куда мы вас отвезем.

Просто квест какой-то, а не утро. Проснись непонятно с чем на руке, узнай, что ты непонятно как прошла собеседование, и слетай непонятно куда с ЛэЛэ.

— Хорошо, — не стала вступать в полемику. — Сейчас возьму сумку.

— Мам! Ма-ам, я хочу с тобой! — тут же закричал Лар, чудом не сбросив тарелку с фруктовым пюре на радость облизывающейся Дрим. То, что она ест фруктовое пюре, мы выяснили, когда Лар сунул вниз ложку, потому что виари смотрела на него большими и очень голодными глазами (перед этим смолотив всю положенную порцию корма из собственной миски).

— Драконенок, там, куда я еду, у меня будут брать анализы. Ты тоже хочешь?

— Анализы... бе-е-е-е! — Лар скривился. — Нет! Не хочу!

Так я и думала.

— Тогда лучше подожди дома с Нией и Дрим. Вам точно будет чем заняться.

— Ния, а давай ее искупаем?

Судя по выражению морды, Дрим еще не догадывалась, что ее хотят искупать, но верила в лучшее. Например, в то, что ей дадут еще еды (или что она сама со стола упадет). Покачав головой, я оставила сына на няню, а сама сходила в комнату за вещами. Переоделась, на ходу набросила пальто и опустилась в холле на выдвижную подставку, чтобы надеть сапожки.

Во флайсе я даже слегка задремала: видимо, вчерашнее напряжение и сегодняшнее продолжение не прошли бесследно, а проснулась от того, что мы заходили на парковку, сменив направление передвижения с горизонтального на вертикальное. Открыла глаза и увидела знакомую уже высоту, где жил Вайдхэн. Вот только заходили на посадку мы почему-то с другой стороны, на другой уровень.

— Лоргайн? — вопросительно посмотрела на вальцгарда. Запоздало подумала, что может быть, его тоже стоило называть риамер

Лэннэ, но он это никак не прокомментировал. — Куда мы прилетели?

На парковке, куда мы опустились, помимо нашего было три очень модных флайса, две новейшие модели «Манц»[2], одна спортивная, другая покрупнее и порезче, и раритетная — «Лаунж», которая наверняка стоила столько, сколько квартира в этом доме. Рагранский флайсоконцерн «Лаунж» сейчас занимался исключительно реставрацией и современным техническим оснащением машин, которые выпускали много лет назад, а также знаменитыми на весь мир аукционами с распространением ретро флайсов по частным коллекциям. Благодаря Дагу я много знала о моделях и сейчас на пару секунд залипла на красивые машины: иссиня-черную, серебристо-стальную и пламенно-алую, как закатное солнце в мороз.

— Флайсы принадлежат одному владельцу, — пояснил вальцгард, отметив мой взгляд, — а это — парковка на две квартиры.

Если бы это хоть что-нибудь прояснило.

— И? — уточнила я.

— Одна квартира принадлежит владельцу машин, — терпеливо произнес ЛэЛэ. — А вторая — ваша, риам Этроу.

— Все. С меня хватит! — По выражению лица начальника службы моей безопасности я поняла, что сказала это вслух, поэтому поспешила исправиться: — Эта квартира не может быть моей. Это ошибка. Если риамер Вайдхэн...

— Риамер Вайдхэн оформил ее на вас, риам Этроу. Никакой ошибки нет.

— Как можно оформить квартиру на меня без меня?

Вот теперь лицо вальцгарда просто транслировало мысль: «Вы что, забыли, кто такой риамер Вайдхэн?» Действительно, что это я. Риамер Вайдхэн вон меня на должность секретаря умудрился без меня прособеседовать, а я какие-то глупости о квартире думаю. А его дракон вообще без меня решил, что я его пара. Но, судя по реакции Вайдхэна, еще и без него. Молодец, дракон! Принял взвешенное самостоятельное решение без посторонних, в том числе без того, кто им там рулит в иртханоформе.

Дверца флайса уже пошла ввысь, и я вышла вслед за ЛэЛэ. Следом за мной выгрузилось сопровождение, и мы слаженной шеренгой направились к дверям мимо красавцев-флайсов. Проходя мимо спортивного, я все-таки не удержалась, еще раз зыркнула на

стильный литой капот спортивного «Манца». Если не ошибаюсь, именно эта модель способна развивать скорость, которая достойна профессиональных гоночных флайсов.

— Кто мой сосед? — не удержавшись, спросила у начальника службы безопасности.

— Элегард Роа.

— Тот самый Элегард Роа?

— Тот самый, риам Этроу. Но вы не беспокойтесь, он редко бывает в Рагране, и вам вряд ли помешает. Эта квартира — просто одна из множества. Он предпочитает жить в Аронгаре.

Стоило подумать про гонки. Элегард Роа — гонщик с мировым именем, мировой чемпион, брал первые места восемь лет подряд в соревнованиях в Аронгаре, Ферверне, Лархарре, Фияне — словом, везде, где проводился «Полет Дракона». Так называлась самая известная гонка, трасса которой каждый раз менялась и зачастую достаточно экстремально прокладывалась в специально отведенных для нее местах. Пока я прокручивала все это в голове, мы уже пришли: дверь оказалась не заперта, потому что внутри были вальцгарды, медики, а еще спешно собирающаяся клининговая служба, которая убежала даже шустрее, чем собиралась.

— Риам Этроу, ваши ключи и пропуск на парковку, — мне указали на карты, лежавшие на столике. — Вам нужно будет еще подписать вступление в собственность...

— Потом, — отказалась я.

Ничего я не буду подписывать до того, как поговорю с Вайдхэном, и в принципе ничего подписывать не буду. Для меня это слишком дорогой подарок, и я не уверена, что словом «слишком» могу передать масштабы, насколько слишком.

— Где вам будет удобнее расположиться, риам Этроу? — Ко мне приблизился один из медиков. — У нас приказ провести полноценное обследование.

Хороший вопрос. Если учесть, что я здесь ничего не знаю.

Размерами квартира, конечно, слегка уступала пентхаусу Вайдхэна, но в том-то и дело, что слегка. Просторный холл в кремово-белых тонах возвышался на два этажа, вмонтированная прямо в потолок люстра была оформлена в виде созвездия Первого Дракона: изгибы светильников протянулись вправо и влево, повторяя морду,

контур крыла и хвост. Я могла только представлять, как красиво это выглядит ночью.

По лестнице, уводящей на второй этаж, можно было подняться в пятером в один рядок, справа и слева от нее, полуприкрытые стеклянными ограждениями с плавными линиями металлических поручней, располагались двери. Очевидно, спальни, и снизу я насчитала пять.

— Ваша спальня уже готова, — проследив мой взгляд, прокомментировал ЛэЛэ, — и вашего сына тоже. Еще четыре комнаты вы можете оформить на ваше усмотрение, сделать кабинет или домашний спортзал. Подробнее обо всем вам расскажет домработница, она приедет чуть позже.

— Хорошо, тогда ко мне в спальню, — распорядилась я.

Стоило немалых усилий не глазеть по сторонам, а ведь глазелось! Глазелось так, что с каждой минутой глазелки распахивались все шире, шире и шире. Например, весь первый этаж был сквозной, и, поднимаясь по лестнице, я увидела роскошный домашний кинотеатр, стоявший в зале, из которого открывался совершенно очешуительный вид на Гран Туа, многоярусный центральный городской парк.

Да, пожалуй с «уступает размерами» я немного погорячилась. Квартира была просто огромная. Или сложно огромная. Разве что бассейна здесь не будет... Повернув за ЛэЛэ направо, я споткнулась об эту мысль, потому что бассейн тоже был. Правда, насколько я поняла, как и парковка, на две квартиры, то есть мне придется его делить с Элегардом Роа. О чем я вообще думаю?!

Не буду я ничего ни с кем делить, я здесь первый и последний раз.

Сейчас разберусь с медиками и анализами, а потом поговорю с Вайдхэном. Очень предметно поговорю, на тему, что такие подарки не дарят секретарям. Сделать это нужно было как можно быстрее, и как можно быстрее довести до его сведения, что...

Оказавшись в спальне, я ахнула. Вид, который открывался из зала-гостиной, конечно, поражал, но вид, который открывался из моей комнаты... Кольца аэромагистралей, шпили, иглы, пирамиды высоток вырастали в панораме окон величиной в три моих роста. Но больше всего поражало не это, Мериуж — один из немногих городов мира с пересекающей его рекой, и сейчас я видела ее в разрезе между

строениями. Далекую ленту, сейчас темно-серую, как готовые вот-вот рассыпаться снегом тучи, но все равно прекрасную.

Города и крепости на реках строили нечасто, потому что драконы тоже хотели пить, и это могло спровоцировать... в общем, всякое могло спровоцировать. Пресная очищенная вода, трубопроводы под пустошами — это все как бы объясняло, почему цены на воду в нашем мире везде драконовские, а Мериуж просто не получилось построить иначе. Исключительно потому, что Рива Эльте полосовала нашу страну на две части, от начала и до конца, и именно в предместьях будущей столицы, когда здесь еще только закладывались камни первых замков, очень неудачно. То есть обогнуть ее не получалось никак, город оказывался зажат в тиски пустошей и ее вод, и получился бы не город, а маленькое поселение. Но амбиции живших здесь когда-то ирлханов были непомерными, поэтому все получилось так, как получилось.

А еще мы в детстве гуляли по набережной с мамой и папой, и для тех, кому до мировых океанов — что до Бурлящего, отделившего нас от Ферверна, что до Уютного, на побережье которого устроился аронгарский город Зингсприд — так вот, для тех, кому до этих океанов очень и очень далеко, такие виды просто бесценны. Я почти об этом забыла. Почти забыла о своей мечте и о том, что когда-то хотела жить с видом на Рива Эльте.

Да и с Ларом мы очень редко выбирались в центр, не говоря уже о набережной. Пробки, долгие перелеты, толкучки в аэроэкспрессах (особенно когда ты с коляской) — так себе удовольствие.

— Проходите, риам Этроу, — напомнил о себе ЛэЛэ, и я прошла.

Думала, что с обследованиями получится быстро, но быстро не получилось: медики чуть ли не полевой штаб в моей спальне развернули, а еще развернули меня. Потом завернули обратно. На узор на моей руке они смотрели примерно так же, как и я, разве что в них было больше профессионализма, и в отличие от меня они не пытались оттереть его губкой.

Да они к нему вообще почти не прикасались, как если бы узор был бомбой замедленного действия, зато взяли у меня кучу тестов и анализов, сделали УЗИ всего чего только можно (непонятно зачем), установили переносную капсулу мгновенной диагностики, где меня просканировало с ног до головы туда, сюда и обратно. Именно в тот момент, когда я вылезала из этой самой капсулы в медицинской

одноразовой рубашечке по колено, спасибо хоть плотной, но все равно, и решил заявиться Вайдхэн.

Медики мгновенно подобрались, а я замерла с перекинутой через бортник капсулы ногой, чем напомнила себе пытающегося забраться на карусельного драконенка Лара. Не знаю, кого я там напомнила Вайдхэну, но его глаза потемнели до густой черноты, и голос звучал в точности так же — сильно, когда он скомандовал:

— Оставьте нас.

[1] Теарин Ильеррская — знаменитая историческая личность, ирлханесса. Архивы ее личных записей были экранизированы несколько лет популярным режиссером Джерманом Гроу, кино стало рекордсменом кассовых сборов.

[2] Фервернская марка элитных флайсов.

Глава 2

Почему-то не было ни малейших сомнений, что медиков сдует из комнаты в мгновение ока, и их сдуло. Проследив за тем, как последний «листочек» вылетает за дверь, я резко перекинула вторую ногу через бортик и зря. Потому что первая еще не стояла устойчиво на ступеньке. Пальцы схватили воздух.

«Сейчас будет травма», — мелькнула в голове мысль из прошлой жизни (так любил выражаться папа, когда маленькая я лезла туда куда не надо), но травмы не случилось. В эффектном полете меня поймали сильные руки, и я в одно мгновение оказалась прижата к груди Вайдхэна, удар его сердца во мне отозвался как-то особенно остро. Хотя может быть, отозвался не удар сердца, а ладонь, лежащая на моей талии. В предельной опасной зоне, где талия уже переходит в ягодицы.

Или его близость, от которой я заискрила. Натурально. Рука, на которой был узор, засверкала как подключенная к источнику питания гирлянда, и я глубоко вздохнула:

— О-о-ох.

— Красиво, — неожиданно низким голосом, с такими хриплыми нотками, произнес Вайдхэн.

Пальцами второй руки скользнул по моей коже, и я увидела, как искорки скачут от него ко мне и от меня к нему. Точно сговорились.

— Красиво?! — выдала я. — Это, по-твоему, красиво?!

— Очень, — с совершенно независимым видом произнес этот... иртхан, продолжая исследовать меня, то есть мою руку, и кажется, забрался он уже выше, чем узор. Да нет, не кажется, его пальцы задрали и без того короткий рукав одноразовой медицинской рубашки и выписывали рисунки на моем плече. Тоже мне, дизайнер!

Я уперлась ладонями ему в грудь.

— Хватит!

И даже с силой толкнула. Он явно не ожидал, потому что отпустил, и у меня получилось отступить на несколько шагов.

— Что-то не так, Аврора?

Что-то?! Если я скажу все, это будет слишком?

— Вот это, — я показала узор. — Вот это. — Обвела руками комнату. — И вот это... — Намекая на секретарские обязанности, ткнула в сторону смартфона, где перед тем как дисплей погас была открыта новостная сводка. — Давай по порядку. Секретарь?

Вайдхэн улыбнулся.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Ты опасалась за свое здоровье из-за взаимодействия с моим пламенем, и я нашел отличный способ избежать каких-либо осложнений. Теперь ты всегда будешь рядом со мной, даже в рабочее время. Увы, я не всегда настолько мобилен, как сегодня. Зачастую мне приходится решать дела государственной важности, и, если вдруг что-то пойдет не так, я всегда смогу это исправить.

Я хотела возразить, но достойных аргументов у меня не нашлось. Кроме одного:

— Поставить меня в известность вчера ты не посчитал нужным?

— Поставь я тебя в известность, ты бы придумала много всяких возражений, и мы бы с тобой обсуждали их до праздников, а может быть, даже дольше. В любом случае, ты понимаешь, что я прав, Аврора.

Хватит рычать мое имя! Он его так произнес, что меня слегка закоротило, то есть узор: он нагрелся и снова начал покалывать кожу.

— Во-первых, придумала бы я возражения или нет, я предпочитаю, чтобы со мной обсуждали мои назначения. Во-вторых, я не смогу быть все время рядом с тобой: потому что у меня есть работа в ресторане, и потому что я не стану жить здесь...

Хотя очень хочу. Эта мысль сбила с нужного настроя, а потом еще и Вайдхэн добавил в своем классическом приказном стиле:

— В Грин Лодж ты больше не вернешься.

Это вот что вообще такое было сейчас?

Я скрестила руки на груди, хотя это больше походило на самообъятия.

— С какой радости? — поинтересовалась у этого любителя приказывать и вершить судьбы.

— Танцевать в ресторане тебе будет некогда. Особенно начиная со следующего года. Не говоря уже о том, что у тебя на руке мой узор. Как собираешься его объяснять?

— Я должна кому-то что-то объяснять? — приподняла брови. — А впрочем... давай попробуем. Я не вернусь в Грин Лодж, но и ты больше не вернешься в Ровермарк.

Кажется, его проняло: Вайдхэн на миг лишился дара речи. Правда, потом улыбнулся:

— Отличная шутка, Аврора.

— Это не шутка, — я покачала головой. — Тебе придется объяснять в Ровермарк, почему у тебя новый секретарь живет в соседней квартире, купленной, между прочим, на твои деньги. Как планируешь отчитываться за бюджетные средства?

Вот теперь до него дошло по-настоящему. Ну, или я просто оптимистка, потому что он сдвинул брови и спросил очень низко и тихо:

— То есть ты считаешь, что я подарил тебе квартиру на средства из бюджета?

Нет, набловы лапки! Не дошло. Просто потому что в его мире все по-другому, и не дойдет, видимо.

— Нет, Бен, я пытаюсь тебе объяснить, почему я не могу принять от тебя квартиру, и почему ты можешь хотя бы попытаться уважать мое мнение и мою личную жизнь. Мою работу — я не просто так ее выбрала. Мои решения. Все, что я делаю, думаю и говорю. Я...

— Ты назвала меня Бен?

Я прокрутила в голове только что сказанное, пытаюсь понять, как, каким вообще образом из всех моих слов можно было выцепить только собственное имя? Но он, похоже, именно это и сделал, потому что его рука снова легла на мою талию — опомниться не успела. Пальцы второй скользнули по моему лицу, очерчивая контур подбородка, повторяя его, и поднялись на скулу. От короткого прикосновения уже у меня из головы вылетели все мысли, осталось только сумасшедшее желание податься вперед, чтобы стать к нему как можно ближе, а еще наклонить голову, позволяя ласке разрастись до размеров его ладони.

Но это же... невозможно. Невозможно *так* чувствовать.

Подумала женщина, у которой на руке с утра выросла черная загогулина с красными искорками.

— Я не собираюсь диктовать тебе, что делать, Аврора, — произнес он раньше, чем я успела опомниться. — Эта квартира —

действительно подарок, она ни к чему тебя не обязывает. Это первое. Уйти из Грин Лодж тебе придется... гм, желательно, потому что работа моего секретаря предусматривает очень напряженный график, постоянные командировки со мной и ненормированный рабочий день. Как минимум ты не будешь попадать на половину представлений, которые от тебя будет требовать начальство. Как максимум, я не позволю тебе работать в таком графике и выжимать себя до последней капли. Это второе. Третье... если ты еще раз скажешь, что я не уважаю твои чувства, твою личную жизнь или твое что-то там еще эфемерное, я опрокину тебя на эту самую кровать и буду не уважать, пока наше взаимное неуважение не достигнет пика. Несколько раз подряд.

Я все-таки покраснела. Почувствовала каждой клеточкой кожи, как начинает под его рукой полыхать щека.

— Зачем ты пришел? — спросила я, чтобы немного переключить свои мысли и не думать про взаимное неуважение. — Сейчас.

— Потому что вечером я буду встречать делегацию из Лархарры, а я очень хотел тебя видеть.

Между нашими губами почти не осталось расстояния, но я успела сунуть туда палец. В смысле, вот в это крохотное расстояние, которого почти не осталось.

— Бен, я так не могу, — сказала я. — Для меня...

— Для тебя все очень быстро, я помню, — он не стал отодвигаться и получилось, что поцеловал не мои губы, а палец. После чего я захотела резко его отдернуть, но тогда бы он поцеловал меня. — Все слишком непонятно — это я тоже знаю. Отчасти даже для меня.

Каждое его слово обжигало мою руку дыханием, и эта до безумия странная ласка отзывалась во мне теплом, постепенно перерастающим в жар. Узор начинал раскаляться, из черного превращаясь в насыщенно-красный, но мне боли не причинял. Судя по всему, и ему тоже, потому что моя рука была зажата между мной и широкой грудью Вайдхэна.

— Поэтому ты переезжаешь не ко мне, Аврора, а в эту квартиру. Поэтому ты будешь моим секретарем. Поэтому у тебя будет время, чтобы все понять, а у меня — время, чтобы показать тебе свою жизнь и свой мир. Медленно. Постепенно. Никуда не торопясь...

Мы сейчас все еще про мир или уже про неуважение?

Голос Вайдхэна — низкий, хриплый, гипнотический, отзывался во мне с той же проникновенной силой, с какой отзывались его прикосновения. На мгновение показалось, что он даже звучит во мне, в самой глубине моего существа, отражаясь от моих мыслей, как их продолжение.

Это было странно, непонятно... захватывающе. Настолько захватывающе и необычно, настолько остро и ярко — чувствовать протянувшуюся между нами связь, близость с мужчиной, которого я видела несколько раз, но это абсолютное, безграничное, такое естественное доверие, а может быть, что-то еще, сейчас заставили меня убрать последнюю преграду между нашими губами.

Чтобы меня поцеловать, ему пришлось наклониться еще ниже, а я встала на носочки и, едва ощутив это донельзя правильное, глубокое, невыносимо-желанное прикосновение, почувствовала, как в меня ударило силой. Силой, сравнимой разве что с порывом ураганного ветра, да и то вряд ли.

От ураганного ветра в груди не взрывается пламенный шар, охватывающий все твоё тело и концентрирующийся наивысшей температурой горения на слиянии наших губ.

Его пальцы снова зарываются в мои волосы, и каким-то чудом под этим прикосновением резинка, которой они стянуты, рвется. Что-то рвется в эту минуту и внутри меня: должно быть, сковывающее тело напряжение, потому что в этой близости я растворяюсь и чувствую себя застывшей в воздухе. В невесомости.

Балеринам часто приходится прыгать, и в школе один из преподавателей говорил, что если удастся поймать краткий миг этого полета, это неуловимое чувство, ты уже никогда его не утратишь.

Так ли это?

Не знаю. Я чувствую только его, только его губы, раскрывающие мои откровенно и властно. Только его пальцы, путающиеся в моих волосах. Сильную ладонь на своей талии и бесконечный охвативший нас жар, который больше не воспринимается чужеродным. Наоборот, это нечто настолько естественное, настолько глубокое, это такая связь, что я не представляю, как было раньше. Без нее. Без него...

Это отрезвляет.

Я подаюсь назад, размыкая поцелуй, ловлю губами внезапно ставший невыносимо холодным воздух.

Смотрю в его глаза, и это уже само по себе опасно, потому что бьющееся в них пламя отражает меня. Такую же шальную, с затопившими радужку зрачками.

— Расскажи... — Собственный голос низкий и хриплый, как во время сильной простуды. Приходится взять паузу и сделать вдох. Выдох. Снова вдох: — Расскажи, какие еще узоры возможны? Я хочу понять, что у меня тут нарисовалось.

Он опускается на кровать, увлекая меня за собой. Настолько естественно, как если бы мы уже сотни раз так сидели, но оказаться у него на коленях — это что-то совершенно новое. Для меня. Для него, кажется, нет, потому что Вайдхэн подтягивает меня к себе поближе, устроявая поудобнее. Не сказала бы, что это очень удобно — во всех смыслах, потому что под брюками я чувствую его твердость, а горизонтальная поверхность для неуважения непростительно близко. Но что самое опасное — я глубоко внутри готова к этому самому неуважению.

— Они не имеют никакого отношения к твоему узору, Аврора.

— Совсем?

— Совсем. Первая изобретена иртханами для наказания других иртханов, называется таэрран, наносится на шею и обладает уникальным свойством сжигать все, чем пытаешься ее скрыть. Вторая — харргалахт. Изобретение фервернцев. Они придумали ее, когда придумали реформу, гласящую, что соправителями иртханов могут быть люди.

Его интонации говорят о том, что сам он эту реформу не поддерживает и вообще в одном месте видел Ферверн с его реформами. Правда, ничего такого он не говорит, но я это чувствую. И, кажется, начинаю понимать, что Вайдхэн имел в виду, когда говорил, что чувствует меня.

— И не только соправителями: наносится она иртханом на избранную им женщину, чтобы он мог не сдерживать свое пламя во время...

— Неуважения, — хмыкаю я.

Залегшая между его бровей вертикальная складка разглаживается, он улыбается уголком губ.

— Именно так.

— Я тоже человек, Бен, — напоминаю я. Вспоминаю его реакцию на собственное имя: интересно, почему так? Его никто раньше не называл сокращенным именем? Или называл кто-то особенный? Семья? Отец? Мать? Я так мало о нем знаю, а мне кажется, что мы знакомы целую вечность. Эта двойственность просто выносит мозг, но я понимаю, что он прав. У меня есть время. У него тоже. Нам во многом предстоит разобраться, прежде чем...

Прежде чем — что?

— Ты — другое дело, Аврора.

— Почему другое? Потому что меня выбрал дракон?

— Потому что иртхана может тянуть к обычной женщине или иртханессу — к обычному мужчине, но это никогда не заменит совпадения огней. С тобой все... иначе. Я чувствую тебя, как иртханессу.

— Тебе не кажется, что ты сам себе противоречишь?

Легкая снисходительность в его голосе (или в чувствах?), когда он говорит о людях, слегка раздражает. Или не слегка. Потому что несмотря на все это загадочное драконье притяжение, я по-прежнему человек. Та самая обычная женщина, к которой может тянуть, но это никогда не заменит совпадения огней.

— В чем именно?

— В том, что люди и иртханы не могут быть вместе.

— Я такого не говорил. Я всего лишь говорил, что бессмысленно играть с природой и ляпать на женщину харргалахт, чтобы симулировать выброс пламени с иртханессой. Если же говорить о соправительстве, иртханы с древних времен у власти не просто так. Ни один человек, даже самый серьезный политик, не встанет с иртханом на передовую во время налета. Его банально никто туда не допустит.

— Тем не менее похожие формы правления есть давно, — возражаю я. — Например, в Аронгаре. Там в каждом городе помимо правящего есть мэр, который...

— Занимается бюрократией. Пусть занимается. Это совершенно другое.

Драконосноб!

Я поднимаюсь с его колен очень резко, так резко, что его руки размыкаются, и вместо меня ему остается держаться за воздух.

— Мы закончили обследование? Я могу ехать?

Вайдхэн поднимается, внимательно смотрит мне в глаза.

— Нет. Мы не закончили разговор, Аврора. Ты что, обиделась?

— А ты как думаешь? — интересуюсь я.

— Я думаю, что ты снова хочешь сбежать. Ты всегда так делаешь, когда тебе неудобно или что-то не нравится.

— Ну прости! Я как-то не подумала, что мне должно быть приятно выслушивать, что простые люди во всем не дотягивают до великих иртханов. Мне казалось, что это пережитки прошлого, и, хотя нам и так неоднократно указывали на наше происхождение, во всех цивилизованных странах...

Черное пламя в глазах становится холодным. Просто-таки ледяным, мне даже кажется, что в его взгляд насыпали соли или льда, и сейчас радужку затянет инеем.

— Под цивилизованными странами ты подразумеваешь Аронгару или Ферверн? Которые занимаются исключительно тем, что меряются статусом, силой и хвостами с тех пор, как так называются?

— А ты разве не должен политкорректно выражаться? — огрызаюсь я и оглядываюсь в поисках собственной одежды. Она аккуратно сложена и частично развешена в огромном встроенном пустом шкафу, туда я и направляюсь. В конце концов, чего я ждала? Что он будет считать меня равной себе?

Меня, Зои, Дага... а мне с Зои еще мириться.

Из-за него, между прочим!

Хватаю джинсы, и в этот момент Вайдхэн хватает меня.

— С тобой будет приятно подискутировать... холодными темными вечерами.

Еще и издевается. И совершенно точно не воспринимает всерьез! Когда я уже готовлюсь в очередной раз вырываться, раздается стук в дверь.

— Риамер Вайдхэн, мы провели первую серию анализов. Хотели бы взять кровь у риам Этроу еще раз.

Они так и говорят, из-за двери, но Вайдхэн наконец-то меня отпускает, подходит и распахивает ее.

— Почему? В чем дело?

— Потому что в крови риам Этроу обнаружен маркер черного пламени.

Поскольку в маркерах черного пламени я понимала ровно столько же, сколько в таэрран и харргалахт, я предпочла помолчать и послушать. Можно было бы, конечно, упасть в обморок, но как-то не падалось. Мне кажется, даже если у меня сейчас крылья и хвост вырастут, я останусь спокойна. Относительно. Ну так все в мире относительно, даже терпение и выдержка Вайдхэна. Вон как глазами сверкает!

— Что значит — маркер черного пламени?

Главный по маркерам черного пламени подвис. Нет, ну а что тут скажешь? Я бы тоже подвисла.

— Вы хотите, чтобы я объяснил, как формируется...

— Нет, — перебил его Вайдхэн. Бен. Бенхэн. — Я хочу понять, как он там оказался.

— В том-то все и дело, что ситуация крайне странная...

Да уж, страннее некуда. По-моему, у меня сдали нервы, потому что захотелось хихикнуть. Вместо этого я оставила джинсы в покое, подошла поближе и села на кровать. В обморок падать будет как-то мягче, если вдруг.

— Понимаете, такой маркер мы никогда не видели...

Еще бы вы его видели. Я же уникальная. Меня сам черный дракон выбрал!

Бр-р-р. Понимая, что у меня реально странное состояние, попыталась считать до десяти и обратно и глубоко дышать.

— То есть? — переспросил Вайдхэн. — Вы можете перестать говорить загадками? Я учился в медицинском, я вас пойму.

Дальше посыпался какой-то поток терминов, и это звучало примерно так, как если бы при мне говорили на фиянском или на фервернском. Хотя вру. Фервернский понятнее. Из всего, что они говорили, я поняла только то, что мой маркер неправильный, потому что он формируется в крови человека и постоянно изменяется. Тогда как этого не может быть в принципе, потому что... и вот дальше начинался профессиональный медицинский.

Вайдхэн с каждым словом мрачнел все больше, как будто в него влетела снеговая тучка. Суровая такая снеговая тучка, а когда еще оглянулся и посмотрел на меня, даже показалось, что в лицо полетели снежинки.

— Повторите анализы, — сказал он, наконец.

Теперь у меня брали кровь под его пристальным взглядом. Более чем пристальным и каким-то далеким. Он словно находился в двух местах одновременно, в этой комнате и в своих воспоминаниях или мыслях, или куда там еще способна иртехана забросить фантазия.

Пообещав, что все будет готово в ближайшее время, медики испарились, а Вайдхэн отошел к окну. Сунул руки в карманы брюк и теперь наслаждался панорамными видами. Хотя если посмотреть на его лицо, скорее, не наслаждался, а собирался вылететь сквозь стекло и дохнуть пламенем. Спасибо хоть спиной не повернулся.

— Я умру? — как ни странно, мой голос не дрогнул.

— Что? — он взглянул на меня, морщины на его лбу разгладились. — Ты вообще о чем, Аврора?

О том, что мне страшно.

Вайдхэн приблизился ко мне и опустился рядом со мной на кровать.

— Прости. Я не подумал, что для тебя это...

— Что мне стоило бы все объяснить? — Я приподняла брови. — Это же моя кровь! И в ней завелся какой-то черный маркер...

— Маркер черного пламени.

— Одна набл разница! Я не понимаю, что происходит.

Морщины окончательно разгладились, тучка улетела.

— Я этого тоже не понимаю. Но мы все обязательно выясним, — прежде чем я успела ответить, он положил руки мне на скулы. — Время, Аврора. Дай себе и мне время. Все решаемо.

— Но как такое может быть? Откуда во мне пламя... или его маркер?

И снова тень на его лице, как будто эти события для него слишком... Мрачные? Тяжелые? Неприятные? Но как понять, в чем дело, если он ни о чем мне не говорит?

— О чем они вообще говорили? Я половину не поняла.

— Не считая того, что в твоей крови появился маркер черного пламени... Подожди! — Лицо Вайдхэна снова резко просветлело. Вот а можно мне транслировать то, что в его голове происходит? Если бы можно было, я бы с удовольствием, от трансляции чувств сейчас толку мало.

Но увы, мало того, что трансляции не ожидалось, так еще и он резко поднялся и вышел. Так быстро, что только порыв ветра пронесся

по комнате.

Что это было сейчас?

И не бежать же за ним.

В просторной спальне мало того что было много света и мало мебели, так еще и было довольно свежо. Поэтому я подтянула колени к груди, справившись с порывом забраться под одеяло. Смотрела на Рива Эльте и думала о том, как моя жизнь кубарем полетела с горки во время того визита в Ровермарк. Потом подпрыгнула на кочке, взлетела, и где-то в этом полете мы пересеклись с Бенгарном Вайдхэном, с которым в других обстоятельствах просто никогда бы не встретились. Если бы Зои не подсунула мне это объявление о том, что в отдел кадров Ровермарк требуется секретарь.

Поэтому и отнюдь не только поэтому стоило бы все ей рассказать. Все от начала и до конца. Я вздохнула, сходила за сумочкой, взяла смартфон.

Собиралась уже набрать номер подруги, потом передумала, вспомнив, что она может быть на работе. Сейчас, перед праздниками, в ее салоне не выдохнуть, иногда они даже открываются раньше на полчаса. Покрутила смартфон в руках, отложила. Все равно о таком не говорят по телефону, лучше договориться и заехать к ней в салон во время обеда.

Я собиралась отправить Зои сообщение, но в этот момент в комнату вернулся Вайдхэн. С закатанным рукавом и медицинской впитывающей пластинкой с дезинфицирующим раствором на сгибе локтя. Выглядел он не просто спокойным, а очень спокойным. Расслабленным. И, кажется, подобревшим, потому что в его глазах мерцала улыбка. Та же самая улыбка, которая сейчас была у него на губах.

— Кажется, одно уравнение мы решили, Аврора.

— Правда? — уточнила я. — Какое?

— Откуда у тебя черное пламя. Маркер в твоей крови полностью идентичен моему.

Глава 3

Черное пламя передается столовым путем. Ничего другое мне в голову не приходило, потому что иначе как? Откуда в *моей* крови маркер *его* черного пламени? Стоило мне подумать про это и про столовой путь, как я опять начала безудержно краснеть. Щеки запылали как флаги, а он еще и был так близко в этот момент. Совсем рядом, и его губы тоже. Я вспомнила, где его губы были вчера, и...

Ой, все!

— Откуда? — спросила я, рассматривая собственные руки. Надо было на маникюр записаться, но я протянула время, до последнего, а потом моя мастер (кстати, из салона Зои) заняла уже все места перед праздниками. Поэтому быть мне в праздничную ночь со старым маникюром.

Что только в голову не полезет, чтобы не думать про столовой путь.

— В этом нам предстоит разобраться. — Пальцы Вайдхэна снова легли на мой подбородок, и я невольно подняла голову. — Ты же не думала, что я просто приму это как факт?

Да я еще ничего подумать не успела.

— Это нормально? Для иртыханов. В смысле... разве шаманы не вливали себе кровь драконов, чтобы получить этот маркер? Или это что-то другое?

— Маркер — это еще не пламя, — Вайдхэн посмотрел мне в глаза. — Аврора, ты расстроилась?

Нет, я обрадовалась! Как бы невзначай поменяла вид, и радуюсь тут сию. А как это скажется на Ларе? Я что, обиртханиваюсь? Какой кошмар!

— Я в шоке, — честно призналась я.

— Да, ситуация и впрямь нестандартная, — несмотря на всю нестандартность ситуации, раздосадованным он не выглядел. Я бы сказала, Вайдхэн выглядел чересчур довольным для того, кто разбрасывается своими маркерами в малознакомых женщин. — Учитывая, что шаманы Пустынных земель, да и не только шаманы,

действительно вливали себе кровь драконов, чтобы получить такую силу, а мы с тобой...

— Это из-за того, что произошло вчера? — не выдержала я.

Он приподнял брови:

— Из-за того, что я доставил тебе удовольствие?

Ну вот, он это сказал. Как мне при этом не краснеть?

— Да.

— Нет. Не думаю. В любом случае, нам с тобой предстоит это изучить, потому что мы первые так выпендрились.

Первые. Мы.

Мы!

— Ты так спокойно об этом говоришь...

— Потому что не вижу причин волноваться, — он пожал плечами. — Если это произошло, значит, с точки зрения биологии и физиологии это естественно. Будем наблюдать.

Хорошо ему говорить!

— То есть если бы у тебя в крови завелся маркер обычного человека, ты бы тоже сказал, что не о чем волноваться?

Он нахмурился.

— Вот. А мне ты предлагаешь не волноваться.

— Ну, если хочешь, волнуйся, — Вайдхэн неожиданно притянул меня к себе и поцеловал в макушку. — Безумно не хочется с тобой расставаться, Аврора, но через час мне надо быть в Ровермарк.

Я от такой непосредственности просто очешуела. Он же... он же ведет себя так, будто мы уже встречаемся. Лет десять.

— Ты тоже волновался, — напомнила я, совсем не уверенная, что мне хочется расставаться с ним. Разум мне говорил одно, а все мое существо принимало эту естественность между нами, как само собой разумеющееся. — Когда они только заговорили про маркер. Помнишь?

— Это было неожиданно, — он на миг нахмурился, но тут же отпустил складку между бровей вместе с коротким настроением. — Это вообще другое. Забудь, Аврора. Что касается твоего маркера, который похож на мой, я предполагаю, что мой дракон таким образом отметил твою особенность. Для него.

«А для тебя?» — хотела спросить я, но поняла, что это будет слишком. Между нами и так слишком много всего.

— Сегодня я буду выступать в Грин Лодж, — решила окончательно сменить тему драконов, отмеченных и медицинских аспектов происходящего. — Я не могу подводить тех, кто на меня рассчитывает. Об остальных выступлениях обещаю подумать, но не больше. Я не уверена, что...

— К тебе будет повышенное внимание. Каждую минуту, — его крылья носа дрогнули.

— Да. И что? Мне теперь всю жизнь сидеть в подаренной тобой квартире и не высовываться? — я резко поднялась. — Понимаю, что для тебя все просто: раз — и дракон меня отметил, два — я твоя секретарь, три — живу рядом с тобой. Но это моя жизнь, и я не могу просто взять и выкинуть из нее людей, которые на меня рассчитывают. Не могу выкинуть из нее друзей, потому что ко мне повышенное внимание. Я теперь везде буду ходить с сопровождением? Даже в праздничную ночь в гостях у друзей?

После этих слов Вайдхэн поднялся так же резко, как я.

— Да, Аврора. С сопровождением. — Это было единственное, что он сказал, после чего вышел, оставив меня наедине с капсулой, в которой меня сканировали.

Я провела ладонями по лицу, как если бы это могло помочь, после чего пошла собираться. В холле меня встретил ЛэЛэ и его подчиненные, Вайдхэна нигде не было видно — наверное, ушел к себе или улетел в Ровермарк. Уже во флайсе я отправила Зои сообщение с предложением встретиться в обед и, к счастью, подруга написала, что освободится во второй половине дня минут на сорок. Даже предложила кофейню, где мы сможем посидеть, рядом с ее работой, и я согласилась.

Мне жизненно необходимо было с кем-нибудь откровенно поговорить.

В кафе я пришла первой. Успела заказать кофе и даже наполовину выпить его, когда увидела Зои: она влетела в крутящиеся двери, заозиралась, а, заметив меня, помахала рукой.

— Фух! — плюхнувшись на стул и быстро вызывая меню на экран, выдохнула она. — Ну, что нового?

И в этом вся Зои. Она может тебя обругать так, что обтекать будешь два дня, совершенно не зная о том, что через полчаса та уже отошла. Правда, я про эту особенность знала, поэтому и дала ей

немного остыть. Как выяснилось, Зои уже совсем остыла, потому что, сделав заказ, подалась ко мне и произнесла:

— Ава, прости. Я сейчас вся на нервах... сама понимаешь.

— Про нервы можешь мне не рассказывать, — фыркнула я.

— Надеюсь, этих придурков посадят, — изменившись в лице, подруга сложила руки на груди.

— Бен... гарн Вайдхэн сказал, что больше такой ошибки не повторит, — ответила я. По лицу подруги поняла, что она не знает еще и о том, что он помогал мне с Каридом. В смысле, отправил меня к Доминику, или Доминика ко мне, а Доминик... ну, он действительно классный юрист. Подозреваю, что работает где-нибудь в Ровермарк.

— Даже не знаю, с чего начать, — вздохнула я.

— Начни с самого начала.

И я начала. Хотя, признаться, очень странно было говорить с подругой и видеть торчащих за стеклянной перегородкой вальцгардов. Вот же... Я, к слову, совершенно о них забыла, когда соглашалась на встречу в кафе, но тем не менее по-другому все равно было никак. Зои сейчас работает допоздна, вечером на работу уйду я, и так до праздников.

Я рассказала все, умолчав о том, что у меня была встреча с Беном после того пламенного танца в Грин Лодж. Даже вспоминать, как я ходила по дому Вайдхэна безо всего, мне было стыдно. Или слишком волнующе? Взять хотя бы то, что было вчера, а ведь вчера все было гораздо более откровенно — но нет, почему-то именно тот вечер активно заставлял мое дыхание учащаться, а сердце ускорять ритм.

— Так получается, та ваша встреча в ресторане была не случайной? — уточнила Зои.

— Случайной. Для меня.

Для него, видимо, нет.

— То есть давай-ка проясним, подруга? Когда ты пришла к нему, он сказал, что не хочет видеть тебя в секретарях отдела кадров, отшил, а потом помог с Ларом, с твоим, прости драконы, бывшим, с его очумелыми родственничками, и принял на работу к себе?

— Да.

— Логика восьмидесятый уровень.

— Не все так просто, Зои, — я не стала рассказывать про узор, понимая, что эта информация — не для всех. Из-за этого чувствовала

себя ужасно, потому что сама высказывала Вайдхэну, что у меня есть друзья, а теперь вот у меня от них тайны. Но говорить о том, чего сама не понимаешь, и что пока что, мягко говоря, не изучено... Ну, тут не нужно обладать выдающимися умственными способностями, чтобы понять, что это дело с грифом «совершенно секретно».

— А по-моему, все просто, — хмыкнула подруга.

За время, что мы общались, она успела поесть и теперь налегала на десерт, который прилагался к бизнес-ланчу.

— По-моему, тебя просто хотят... — Зои издала губами «чпок» и даже показала пальцами для достоверности.

— Это было грубо.

— Зато правда, прости уж за прямоту. Или ты подумала, что он все это от широкой души делает?

Я ведь раньше и сама так считала. То есть до того, как узнала, что он помогал мне с Каридом, до того, как он спас Лара. Но сейчас слова Зои вызвали если не тихое бешенство, то уж раздражение — точно.

— Я же сказала, что он помог мне найти Лара...

— Да. Ну и что? Думаешь, для него это сложно? С его связями, как мне пукнуть, простите. Он даже не напрягался особо...

— Зои, хватит, — резко перебила я.

Настолько резко, что она поперхнулась кофе и резко отставила от себя чашку.

— Вот как ты заговорила? Ну пожалуйста, на здоровье. Тешь себя иллюзиями. Только когда он женится на какой-нибудь ир்தханессе, а ты опять будешь рыдать в подушку...

— Иди в жопу, — сказала я.

— Что?

— В жопу. Иди. В драконью. Могу путеводитель нарисовать. — Я поднялась так резко, что остатки моего остывшего кофе выплеснулись на стол. Со мной творилось что-то странное, начиная от того, что такую вот дикую неприязнь к подруге, с которой столько лет дружили, гуляли с детьми, ходили в кино и в кафе, объяснить просто невозможно. И тем не менее я ее чувствовала. Чувствовала, что мне хочется вылить кофе Зои на голову, и, возможно, поэтому поспешила убраться из кафе.

Даже пальто не стала надевать, вылетела на улицу. Вслед за мной вылетели вальцгарды, а морозный ветер начал покусывать щеки.

Только во флайсе я относительно пришла в себя. Пришла в себя и поняла, что все произошло очень странно и очень быстро. Только что мы сидели и мирно разговаривали, и вдруг... получите, распишитесь! Это вообще как? Что это было?

Женские дни у меня в ближайшее время не ожидалось, но я бы и не стала списывать это на женские дни. Это «что-то» возникло внутри меня, когда Зои начала оскорблять Бена, и вырвалось оно таким образом. Что, если это тоже связано с... Я осторожно подтянула рукав, но узор «дремал» и не подавал признаков жизни. Мне кажется, даже красных искорок стало меньше. Я попыталась вернуться к эмоциям, спровоцировавшим нашу с Зои новую ссору, но натолкнулась на стену.

Все было ровно. Как если бы ничего не было.

Расстроенная дальше некуда, я поднялась к себе. Дело было не только в ссоре с Зои. Дело было еще и в том, что я вроде как давно не подросток, а веду себя как подросток. «Иди в жопу» — потрясающий ответ! Просто волшебный. Гениальный. А главное, очень педагогично.

Хорошо хоть Лара рядом не было, иначе бы пришлось объяснять, почему мама послала тетю Зои в... да, не будем повторяться, именно туда. И почему нельзя делать то же самое с детьми на площадке.

В итоге у меня весь день все валилось из рук. Я разбила тарелку, уронила себе на ногу ноутбук (нога, к счастью, не пострадала, а вот ноутбук перестал включаться). К счастью, рядом оказалась Ния, у которой муж как раз занимался ремонтом техники, и она сказала, что сегодня вечером они его посмотрят.

Собираясь на выступление в Грин Лодж, я включила визор для фонового бормотания. И надо же мне было включить его в тот момент, когда показывали новости. А в новостях — лархаррскую делегацию. Там у них все было не как у людей, в смысле, даже не как у иртханов, вот и сейчас приехали не только президент[1] и вице-президент. Приехала еще...

— Алера Орленд Грейторн-Лардарр инд Хамир, — как журналистка выдала это имя без запинки, оставалось только догадываться.

Дочь президента Лархарры.

Алера оказалась очень яркой. Волосы цвета горького шоколада, миндалевидные глаза, этот разрез присущ многим лархаррцам, тоже темные, густые ресницы. Последнее я выяснила, когда ее показали

крупным планом, а потом камера вновь отъехала в сторону. Губы у нее были пухлые, причем, судя по ее отцу, от природы, а фигура — ну очень женственная. Я, например, на верхние формы тоже не жаловалась, в остальном же была слегка угловатой. Для балерины это хорошо, но... Например, у меня никогда не было таких бедер. И жопы.

Да что ж меня сегодня на жопы-то тянет!

Навстречу прибывшей делегации из Ровермарк вышел Вайдхэн и, поприветствовав главу государства и его зама, обратился к иртханессе. Что они там говорили, было не слышно, но, когда он взял ее руку в свою и коснулся губами кончиков пальцев, я просто закипела.

Как чайник!

Серьезно. Мне даже показалось, что у меня температура повысилась, на мгновение, а после того, как делегация вместе с Вайдхэном скрылась в Ровермарк, слово «жопа» было самым цензурным, которое пришло мне в голову.

Щелкнув пультом, яростно швырнула его на диван, но перед глазами все равно стояла иртханесса, в небрежно наброшенной на плечи короткой меховой шубке, из-под которой был виден ярко-синий стильный деловой костюм. Она и двигалась как дочь правителя, и вообще вся ее манера держаться выдавала, что рядом с отцом и Вайдхэном она чувствует себя вполне комфортно. Не то что я...

Жопа!

Крутанувшись на пятках, ушла к себе, быстро покидала в сумку все необходимое и заглянула в комнату к Лару.

— Драконенок, я на работу. Буду чуть позже чем обычно, поэтому ложись спать, и не капризничай. Ния тебя уложит.

— Не хочу! — надулся Лар, который играл с виари большой тряпичной косточкой.

Я наклонила голову:

— А с Дрим дружить хочешь?

— Хочу!

— Тогда показывай ей пример, как послушный мальчик. Иначе она увидит, что ты невоспитанный, и сама станет такой же. А невоспитанную виари дома мы оставить не сможем.

— А если я буду невоспитанным, ты меня тоже из дома выгонишь? — неожиданно заявил сын.

От такого я даже опешила.

Они все сговорились, что ли?!

— Аврора, иди, — мягко сказала Ния. — Мы тут разберемся.

— Да, иди, — поддакнул Лар. — Очень ты нам тут нужна.

— Ларрет! — Вот теперь в голос Нии ворвались стальные нотки, а я... я вылетела из квартиры, мимо вальцгардов, которые от такой прыти быстро перегруппировались: оставлять виари с Ларом и няней без присмотра было нельзя.

Так отвратительно я себя еще никогда не чувствовала! Во-первых, потому что это была моя первая ссора с Ларом. До сегодняшнего дня мы вообще не ругались, да, я умела быть строгой, но я никогда на него не давила. И уж тем более никогда не слышала от него такого. Во-вторых, несмотря на то, что Лар совсем маленький, мне вдруг тоже стало невыносимо обидно. Что я ему вообще сделала?! Он что, правда подумал, что я могу выгнать виари на улицу?

Закусив губу, посмотрела на уменьшающийся за стеклами идущего вверх флайса город.

— Могу я задать вопрос, риам Этроу? — поинтересовался ЛэЛэ, который мгновение назад касался коммуникатора.

— Да?

— Как вы себя чувствуете? Мне показалось, что вы на взводе.

— А вы начальник службы безопасности или психолог? — рыкнула я и тут же добавила: — Простите. Сын грубит. Поссорилась с подругой. Сегодня весь день через... полетел над пустошью. Поэтому да, я немного на взводе.

Или не немного.

— Вы уверены, что вам стоит выходить на сцену?

— Не выйти я не могу. Я подведу людей.

— Хуже будет, если вы выйдете, и произойдет нечто опасное. Для вас и для людей.

— С чего бы? — я приподняла брови.

ЛэЛэ тактично перевел взгляд на мою руку, скрытую под пальто. Точнее, руку-то было видно, запястье с пальцами, а вот узор, на который он намекал, был надежно спрятан. Но твоего же дракона за хвост да над пустошью! Мои костюмы все с открытыми руками.

Балерина с татухой.

Да, такого мир еще не видел.

— Вы же будете поблизости, — сказала я. — Что опасного может произойти?

— Я не владею черным пламенем, — произнес ЛэЛэ. — Мое пламя — истинное, но если ваше...

— Стойте, стойте, у меня нет никакого пламени. У меня маркер пламени в крови, а это разные вещи.

— Честно говоря, нет, риам Этроу. Если в вашей крови есть маркер пламени, то миг, когда оно появится, а в вашем случае, возможно, и вырвется на свободу — вопрос времени.

Ну привет, прилетели!

— И об этом мне забыли сказать?

— Вероятно, риамер Вайдхэн предупреждал вас о том, что лучше временно сменить деятельность.

Риамер Вайдхэн! Риамер Вайдхэн может меня и предупреждал, но о том, что во мне пламя — нет! Или побоялся, что я подожгу свою спальню в новой квартире, если узнаю очередную новость? Да тьфу же! Нет там моей спальни, и квартира тоже — не моя! Не собираюсь я ее принимать в подарок! Или собираюсь?

Что-то все очень запуталось.

— Какова вероятность того, что это случится сегодня?

ЛэЛэ покачал головой.

— Я не медик. Я могу лишь вас предупредить. К тому же, то, что касается черного пламени...

— До конца не изучено и вообще непонятно, я знаю.

Я вздохнула. Бен действительно мне говорил, что мне лучше не ездить в Грин Лодж, но почему ничего не сказал про пламя? Почему вообще так поспешно ушел?

Торопился встречать Алеру, что ли?!

Р-р-р-р!

— Пламя может вырваться только при сильных эмоциях?

Начальник службы безопасности кивнул.

— Поэтому сегодня мы в любом случае перевозим вас в новую квартиру. Чтобы вы были поблизости и находились под постоянным наблюдением.

— Погодите... когда?! Мой ребенок будет уже спать, когда я вернусь...

— Сейчас. Пока вы работаете. Приказ риамера Вайдхэна.

Я прикрыла глаза. Ну вот как тут обходиться без сильных эмоций? И как объяснить этому совершенно непробиваемому ир்தхану, что это так не работает? Что нельзя просто собрать мои вещи, моего ребенка, его няню и запихнуть в новую квартиру, потому что он так решил. Нет, во всем этом есть логика, но должен же быть хоть какой-то диалог!

Ладно. Что толку сейчас об этом думать.

— Я рискну, — сказала я. — Справлюсь с эмоциями и сегодня буду танцевать. Насчет завтрашнего вечера переговорю с генеральным менеджером, а после с риалером Вайдхэном.

Не везли бы меня сейчас в ресторан, если бы я и правда могла рвануть. Зная Бена, если бы существовала такая угроза, сидела бы я сейчас в своей новой спальне или в гостиной, и смотрела то на панорамные виды, то на Алеру. Как он ей руки целует!

Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, прежде чем я относительно справилась с чувствами.

Нет, Аврора, так не пойдет. Соберись, ты же взрослая женщина! Соберись, танцуй, а вечером, после всего, конструктивно поговори с Вайдхэном о его самоуправстве. Кон-струк-тив-но! Можно будет даже список по дороге в новую квартиру составить: что говорить, а что лучше не стоит.

Ох.

ЛэЛэ меня не пытался переубедить, и я еще больше уверилась в том, что все будет хорошо. Вайдхэн хоть и политик, но он никогда не поставит под угрозу ни жизни присутствующих в ресторане, ни мою. Я была в этом не просто уверена, а уверена так, как будто думала о самой себе.

Вот только к чему вообще был этот разговор с ЛэЛэ?

Мотнув головой, уставилась на проносящийся под нами город, и тоже больше не сказала ни слова. Хотя в Грин Лодж мы, разумеется, вызвали ажиотаж. Сегодня никто не стал расчищать наш путь, как во время прошлого визита Вайдхэна, а ввиду того, что близились праздники, артистов, гримеров и костюмеров было как в настоящем театре. Вот они все и залипали на вышагивающую в сопровождении военных ир்தханов меня. Высунувшийся из мужской гримерной Пейт открыл рот.

— Аврора! — это было все, на что его хватило.

Я же слегка зависла, но уже по другой причине:

— Ты что тут делаешь? Ты же взял выходной!

— Я, может, и брал, но Рок умудрился растянуться на льду.

Я ахнула.

— Ничего серьезного, просто сильный ушиб, но танцевать он сегодня не сможет. Сама понимаешь... так что мы танцуем с тобой.

— Но мы же репетировали с ним!

— Ну не страшно. Я видел записи, понял, что от нас хотят, подхватчу. И потом, наше пламя и лед чуть не порвало зал. Так что прорвемся.

С этими словами Пейт еще раз зыркнул на вальцгардов и скрылся за дверью, а я покачала головой. День сегодня определенно странный. С другой стороны, каким еще может быть день, начавшийся с непонятного узора на руке?

— Аврора! Аврора! — Ко мне подлетела мой самый любимый гример, Малика. Судя по тому, что она не вытаращилась на вальцгардов, новость до нее уже донесли. — Там твою заняли для какой-то известной певицы, так что будем сегодня в общей.

— Для *какой-то известной*?

— Да я фиг помню... она сегодня поет в качестве заманушки пару песен, а завтра на корпоративе. Как же ее... а, вот! Сибрилла Ритхарсон! Все, пошли. У нее, кстати, тоже охрана там.

Вывалив на меня все эти новости скопом, Малика развернулась и помчалась по коридору, предлагая нам следовать за ней. Да, может появление Сибриллы Ритхарсон немного понизит градус напряжения? В смысле, сместит акценты. Потому что ферна Ритхарсон, известная фервернская певица — это очень круто. Это очень и очень круто, это гораздо круче, чем Аврора Этроу — секретарь риамера Вайдхэна с новой татушкой, которая танцует балет. Или нет?

— У Мельджера там, наверное, пар из ушей идет, — хихикнула Малика, открывая дверь и пропуская меня в общую гримерную, где переодевались девочки из танцевального ансамбля «Пуанты», которые уже собирались уходить. — Заполучить Сибриллу Ритхарсон в такое время... вообще не представляю, сколько они ей денег отвалили.

Все-таки да. Сибрилла Ритхарсон перетянула внимание на себя, и ура. Будем надеяться, что мне и дальше так повезет, и что уши нашего управляющего — это единственное, что будет сегодня дымиться в Грин Лодж.

В закрутившей меня суете я мигом настроилась на рабочий лад: и когда переодевалась, и когда мне делали макияж и прическу, и когда разминалась у станка. Танцевать мне сегодня предстояло в черном, и черное отлично сочеталось с алой помадой и красными искорками в узоре. А ещё само по себе смотрелось как пламя.

Черное пламя Раграна.

Я подумала о том, каким оно могло бы быть в моем исполнении... то есть, каким оно будет? Когда впервые сорвется с моих пальцев? Подумала — и тут же отбросила эту мысль. Ну ее! И его тоже ну. Не нужно мне никакого пламени, по крайней мере, сегодня.

— Аврора! На выход! — Пейт сунулся в гримерную, за что в него полетел пуант переодевающейся Хелены. — Уй!

Она едва успел спрятаться за дверь, и я выпорхнула к нему. И к вальцгардам.

Короткая перебежка по коридорам — и мы на сцене. Под пристальными взглядами всех гостей, которые пришли сегодня, в относительно свободный от корпоративов день. Относительно, потому что вот, например, слева три столика выкуплены небольшим риэлторским агентством, а вся зона справа — какой-то еще компанией, покрупнее. Я это помню, поскольку нам показывали всю запись перед праздниками, разве что Сибриллу Ритхарсон забыли упомянуть — ну тут все понятно, почему оно до последнего держалось в тайне.

Музыка, вливается в зал, подхватывая наши первые с Пейтом движения, и я в окне вскинутых рук вижу, как стекло VIP-ложи по центру идет вниз.

Открывая мне и залу Вайдхэна. И Алеру.

Глава 4

Если бы я не открывала танец, не знаю, что было бы. Потому что внутри костром полыхнуло пламя — черное или ярости — это ж надо было додуматься притащить эту... Иртханессу! Сюда! И музыка была под стать моему состоянию, поэтому я рывком оттолкнулась от сцены и взлетела.

Справа мелькнул зал, утонувший в приглушенном на время выступления свете, а я считала безумные удары сердца. Один, другой, третий — разворот! Кружение мимо Пейта, уход от протянутых ко мне рук.

И не думать! Не думать о том, как они там мило сидят за столиком.

Глазея на меня!

И-и-иртхан!

Если бы я могла это сейчас озвучить, получилось бы самое изысканное, самое шикарное оскорбление всех времен и народов, повторить которое не смог бы никто. Ладно, риамер Вайдхэн! Хотели представления с огоньком? Будет вам представление с огоньком!

Балет в Грин Лодж допускал отклонения от классического стиля, поэтому сейчас, когда руки Пейта легли мне на талию, и мы закружились вместе, я, вместо того чтобы отпрянуть, подалась вперед. Положила ладони ему на лицо, скользя по резким мужским скулам.

— Ты что делаешь, Аврора? — одними губами спросил он.

— Импровизирую. Доверься мне.

— Только это мне и остается.

Говорить в танце, а если быть точной, в сумасшедшем кружении, достаточно сложно, но сейчас короткое промедление выглядело как мгновение особенной близости. Именно мгновение: когда я положила ладони на его грудь и с силой толкнула в сторону, мы снова разлетелись в разные края сцены. И замерли — на миг.

В балете, как и в танце, как и в любом искусстве, каждый видит что-то свое. Нашу сцену тоже можно было интерпретировать по-разному: столкновение хищников, борьба света и тьмы, противостояние мужчины и женщины, или вообще никак. Просто

наблюдать, следить, следовать за танцем, и за нами наблюдали. Я чувствовала, как текут по коже внимание и взгляды, в такт музыке, замирая — на осторожных шагах — когда сейчас я шла по самому краю сцены.

Пейт — напротив меня, ближе к кулисам.

Музыка замирала, и мы двигались осторожно. Это осторожно, эта предельная концентрация на звучании, слияние света, звука и нашего танца — пожалуй, единственное, что не давало мне полыхнуть.

Под *его* взглядом.

Его взгляд я чувствовала особенно остро, хотя больше в ту сторону не смотрела. Не хватало еще задымиться на самом деле!

Пейт приближался ко мне, все ускоряя темп.

Движение рук, прыжок — и я снова от него ускользаю.

Вдох. Выдох. Он снова рядом.

Протягивает мне руку, которую я обхожу, вскинув голову.

Меняется свет, с белого на красный, и на пачке расцветают алые всполохи, раскрывающиеся штрихами, мазками, сверкающие искрами, как узор на моей руке. Шаг в сторону, неловкое промедление — и я снова в руках Пейта.

— Ты сегодня в ударе, Рор, — шепчет он, а потом добавляет: — Классно придумала с рисунком на руке. Здорово дополняет образ.

Этого тоже в сценарии и на репетициях не было, но мы почти соприкасаемся губами, и меня обжигает яростью. Такой, что наэлектризованным во мне кажется все, от кончиков пальцев до корней волос, и искры до сих пор не летят только каким-то чудом. Я снова отталкиваюсь от Пейта, кружась, вскидываю руки, взлетаю над сценой.

Не хочу туда смотреть, но взгляд сам собой врывается в ложу. Или, точнее будет сказать, в лицо Вайдхэна? Взгляд у него — как черная бездна, до краев затопленная его огнем, ноздри — как у собирающегосядохнуть огнем дракона.

Ну давай,дохни!

Только драконищу свою не спали. Вон ту, которая рядом сидит!

Не знаю, в ком из нас больше ярости, но она словно плавит мои сосуды — наверное, именно так и ощущается жидкое пламя в крови. Плавит — и в то же время дает такие силы, столько энергии, сколько я никогда раньше в себе не чувствовала. Музыка набирает обороты, и

наш танец тоже, кружение становится полубезумным, яростным, сумасшедшим.

Рывок — слияние, рывок — отторжение.

Последние несколько взлетов над сценой, а после Пейт подхватывает меня, подхватывает и поднимает. Полет кажется головокружительным во всех смыслах, зал вращается перед глазами, россыпь света — красные, черные всполохи, в которых тонут лица застывших за столиками людей. В волнах пачки тоже полыхает красное и черное, эти цвета повсюду, и в охватившем меня балетном кружении я чувствую идущий сквозь меня жар.

Поэтому и врываюсь в последний прыжок, как в пропасть, когда музыка взлетает до самых пронзительных нот, а после — падаю в объятия Пейта. И, всей кожей впитывая темный взгляд, дотягивающийся, ударяющий в самое мое сердце, грохочущее набатом, в последний миг подаюсь вперед.

Наши губы соприкасаются, одна ладонь Пейта застыла на моей талии, другая на щеке, мои лежат у него на плечах. Мы так замираем всего лишь на один миг, а зал уже взрывается аплодисментами. Грохочущими, набирающими силу, я даже слышу, что люди вскакивают со своих мест.

Мы кланяемся.

Широко улыбаемся и снова кланяемся, внутри полыхает, все сильнее разгорается что-то, с чем я еще не знакома. Как будто мой основной танец пока еще не закончился. Как будто он только начинается... Хотя зал кричит, я такого не слышала, наверное, никогда.

Не слышала. Не видела такого темного взгляда у Вайдхэна даже в те времена, когда наше общение не задавалось. Да вообще никогда. Мне кажется, он способен придавить к земле с тяжестью бетонной плиты, но я только улыбаюсь и расправляю плечи перед тем, как покинуть зал.

Шум не стихает даже после того, как мы скрываемся за кулисами.

— Ну ты даешь, — Пейт сияет. — Мы, кажется, выдали просто какое-то альтернативное искусство...

Осекается, заметив ЛэЛэ:

— Ну, я пошел.

— Риам Этроу!

Я ловлю напряженный взгляд вальцгарда, опускаю свой... Черный узор уже больше красный, сейчас он выглядит не как морозный, а как собирающаяся прорваться через толщу земных пород магма. Прорваться и огненными брызгами оплавить вокруг все и вся.

Да чтоб меня!

Нет, чтоб его!!! Вайдхэна, который мне все это устроил!

— Риам Этроу, срочно в машину!

Срочно?

— Мне надо переодеться, — говорю я, и понимаю, что переодеться не получится: пламя полыхает так, что мне становится дурно. Мой узор больше не напоминает узор, он напоминает что-то живое, живущее своей отдельной жизнью независимо от меня на моей руке.

Поэтому я позволяю ЛэЛэ накинуть на меня пиджак, скрывая это файер-шоу, и бегу вместе с сопровождением по коридорам, очень-очень быстро. Даже замерзнуть на парковке не успеваю, потому что у меня ощущение, что я сама — ходячий факел, и, оказавшись во флайсе, слегка очешуеваю, потому что там уже сидит этот Бездарн! Вайдхэн!

— Руку дай, — говорит он, хотя мог бы и не говорить — потому что едва его пальцы касаются моих, в меня ударяет током. Напряжение по ощущениям такое, что я давно бы была мертва, если бы не странный узор, защищающий меня от его силы. Или...

Что «или» я не успеваю додумать, Вайдхэн рывком притягивает меня к себе и впивается поцелуем в губы. Таким же яростным, как бушующая во мне сила, пропитавшая меня, как у хорошего кондитера бисквитные коржи крем. От чувств, ощущений, раскрывающего мои губы его жесткого рта я прямо-таки плавлюсь и нисколько не удивляюсь, когда по салону начинает клубиться дымок.

Вайдхэн отрывается от меня только чтобы коснуться коммуникатора сказать:

— Наверх. Быстро. Плевать мне на технику безопасности моего передвижения. Это приказ.

И флайс стремительно взлетает в воздух. Даже без набившихся внутрь вальцгардов.

— Что ты устроила на сцене? — рычит он.

— Что я устроила?! Это ты приволок свою риама Не-помню-как-вас-там-слишком-много-имен.

Он неожиданно улыбается, и уголки его глаз собирают лучики морщин.

— Ревнуешь, Аврора?

— Делать мне больше нечего! Я тут горю.

— Горишь, конечно. Потому что устроила непонятно что.

Я прищуриваюсь.

— То есть тебе можно, а мне нельзя?

— Мне можно, потому что я контролирую свое пламя.

— Ну вот и контролируй дальше! — Я пытаюсь вырваться, но он меня не отпускает.

— Куда? Сумасшедшая женщина!

Я не сумасшедшая женщина! Я женщина-факел. Супергероиня практически.

— Я пришел с Алерой исключительно потому, что ты не отказалась выступить, иначе бы мы пошли в другое место. Мне надо быть рядом с тобой и с твоей силой.

В другое место с Алерой, как мило!

— Мне все равно! — говорю я. — Прекрати это и верни меня к Лару!

— Нет, Аврора. Тебе не все равно. Мне не все равно. Я твоего танцора чуть за ноги над сценой не подвесил, когда ты к нему липла.

От такой откровенности мне только и остается, что моргать, а он снова подается ко мне, накрывает губы своими. И жар, взметнувшись внутри меня, уходит в него. Возвращается ко мне. Снова течет к нему. Это было бы похоже на игру в мячик, если бы не было так похоже на что-то другое, потому что каждая такая волна, прокатываясь сквозь меня, воспаляет каждую клеточку моего тела.

Отзывается в самом низу живота.

Сжигает весь стыд, все «нельзя», все, что стоит между нами.

— Хва-а-а-тит, — выдыхаю я, пытаюсь зацепиться за остатки ускользающего разума. Но разум, кажется, уже ускользнул, потому что остаемся только мы: только я и он, и наше совершенно иррациональное драконическое притяжение. И пламя. Из-за которого меня обжигает холодом, когда дверца флайса идет ввысь уже на

парковке, а после опаляет черными языками, искрящими алым. Лижущими мою руку, хотя по ощущениям — сердце и меня всю.

— Жарко, — хрипло шепчу потрескавшимися, как от температуры, губами.

— Знаю, Аврора. Все будет хорошо. Потерпи.

М-м-м-м...

— А долго? Терпеть? — интересуюсь я, облизнув губы.

И вскрикиваю, потому что под горячей кожей покрывало кажется просто ледяным. А его руки, скользящие по моему телу — невыносимо, болезненно-чувствительно раскаленными.

— Э-э-эй... — пытаюсь перехватить его ладони, потому что он бессовестно меня раздевает. Хотя еще никогда ни один мужчина не снимал с меня балетную пачку. Сказать ему, что ли, об этом? Губы сами собой растягиваются в улыбке.

— Ты будешь первым, — говорю я.

Его лицо надо видеть! Он даже на миг задерживает руки на моих бедрах, а я не выдерживаю и хихикаю. Странно, что у меня из ноздрей дым не идет от жара, но даже это кажется мне смешным.

— Первым, кто с меня снимает балетную пачку, — поясняю я, и Вайдхэн приходит в себя. Надо бы его было сфотографировать, какой контент! Нет, я никому бы не показала, но сама бы любовалась долгими вечерами. Хотя любоваться можно и сейчас, я тянусь ладонью к его напряженному лицу и касаюсь кончиками пальцев скулы. Повторяю широкие надбровные дуги.

Он снова на миг замирает, а потом...

— Аврора, приподнимись, — сердито говорит он. — Помоги мне тебя раздеть.

— Мужчина, вы знаете, как это звучит?

— Я знаю, что ты сейчас сгоришь! — У него кончается терпение и наряд, который является собственностью Грин Лодж, с треском прощается с жизнью. Вот она, сила иртхана в действии! Такое разорвать еще надо уметь, а вот сам он раздевается быстро, практически как сотрудник службы чрезвычайного реагирования. В следующий миг меня подтягивают к себе так плотно, что я перестаю ощущать свое тело, и его, мы как будто сплавляемся.

И это не фигура речи!

Сквозь мою спину в его грудь рвется пламя, сквозь него оно рвется в меня, но прохладнее не становится, наоборот — становится все горячее, горячее и горячее. Хотя чему я, в общем-то, удивляюсь? У меня тут сзади ир்தханопечь с ир்தханопленцем... ой, тьфу, Аврора! Какая ты пошлая.

Руки на моей груди — он обхватывает меня всем телом — напрягаются, а после Вайдхэн резко разворачивает меня к себе. Вглядывается в мое лицо, изумленно и резко произносит:

— Не помогает. — Как будто видит то, чего не вижу я.

А я уже почти ничего не вижу, перед глазами только черное пламя и алые всполохи, и где-то в них возникает его лицо.

— Что — не помогает? — интересуюсь я. — Скорая голая помощь?

— Аврора! — Он резко подтягивает меня к себе, а потом снова впивается губами в губы. Вот так и становится легче, только так и становится, когда он вдыхает бушующее во мне пламя, когда скользит губами по горящему рту. И когда его ладонь ложится мне между лопаток, я вжимаюсь в него сильнее.

Мир стягивается в одну черную точку, потом раскрывается. Плавающей радужкой его темных глаз. Такое единство кажется мне правильным, вот именно такое и только такое — когда объединяющая нас огненная река берет истоки в нем и впадает в меня. Поэтому я и вцепляюсь пальцами в его плечи, когда приподнимаюсь, а после опускаюсь на него. Отражаясь в этих раскрывшихся до предела зрачках, как в зеркале.

Мне еще никогда не было так хорошо, как сейчас!

В эту минуту, когда я становлюсь единым целым с ним, а пламя беснуется в нас, но больше не обжигает.

— Поцелуй меня, — хрипло говорит он, и я подчиняюсь.

А потом подаюсь вверх, и — осторожно вниз. Так, на мгновение, я еще успеваю уловить краткие ощущения нашего совместного помешательства, и меня захлестывает мощью силы.

Пламя.

Близость.

Сбивающееся дыхание.

Его руки на моих бедрах.

Мы отрываемся друг от друга, только чтобы сделать вдох, а черный костер, в котором от нас не должно было остаться даже пепла, сейчас согревает, ласкает, языки стелются по коже, добавляя диких чувственных ощущений.

Как такое возможно?

Мне все равно.

Особенно когда он произносит мое имя:

— Аврор-р-р-ра, — и оно низкой вибрацией отдается в груди и в самом низу живота.

Мир переворачивается, а вместе с ним переворачивается и пламя, взметнувшееся вверх и подхватившее меня, как и он — ладонями под ягодицы. Вайдхэн склоняется надо мной, так невыносимо близко, и произносит странным, невыносимо-низким и хриплым голосом:

— Назови меня по имени, Аврора.

— Бен? — уточняю я сквозь рвущийся из груди стон. Получается не менее низко и не менее откровенно, и я даже не знаю, что больше сводит с ума — его взгляд, от которого по телу прокатывается сладкая волна от макушки до пяток, или прикосновение его пальцев к губам, когда он проводит по ним, словно собирая звуки своего имени на память.

Так сладко, что сдерживаться не получается.

Я и не сдерживаюсь: цапаю его за палец, а точнее, обхватываю губами, слегка прикусываю — и в нашем безумном ритме меня в ту же секунду пронзает таким невыносимым удовольствием, что реальность раскалывается пылающим черным стеклом. Когда она вновь собирается — потихоньку, понемногу — из сладких спазмов, вздымающейся под моими пальцами широкой груди, искрящихся кусочков неоновых вывесок между полосками жалюзи, жара больше нет.

Есть только звенящий остывающий вокруг нас воздух. И биение наших сердец.

[1] В Лархарре политическая система строится таким образом: управляет страной президент, которого выбирают исключительно иртханы.

Глава 5

После того жара, в костре которого я сгорала, сейчас было бы даже холодно. Если бы меня так плотно не прижали к себе, окутывая и оплетая собой, что замерзнуть мне не грозило при всем желании. Только вот...

— Что-то сгорело? — спросила я.

— Ничего критичного, — хмыкнул Вайдхэн. — И никого. А могло бы. Точнее, могла бы. Чем ты думала, Аврора?

В его глазах читалось «уж точно не головой», и я окончательно пришла в себя.

— Это то, что каждая женщина мечтает услышать после того, как...

— На каждую мне плевать. А на тебя нет, — он нахмурился. — Тебе сообщили, что в твоём нестабильном состоянии на сцену лучше не выходить?

— Сообщили, — огрызнулась я. — Только почему-то не ты.

— Я пытался тебе сказать утром. Но понял, что кого угодно другого ты послушаешь быстрее, чем меня. С Лэннэ у вас получился гораздо более конструктивный диалог, чем со мной. К сожалению, не настолько конструктивный, чтобы ты всерьёз задумалась о последствиях.

Я попыталась вывернуться из его рук, но Вайдхэн меня удержал.

— Как я могу думать о последствиях, если ничего о них не знаю?

— А ты хочешь? Знать?

Он смотрел на меня в упор, а я вспоминала, как совсем недавно гладила его лицо. По-хорошему, вспоминать надо было совсем не это, а ещё стоило бы задаться вопросом — какого набла ты вообще творишь, Аврора? Но у меня в голове была одна-единственная мысль, и, если уж говорить откровенно, даже не в голове, где-то в самой глубине моего существа: о том, что эта близость — самое правильное, самое удивительное и самое естественное, что случилось со мной за последнее время.

— Разумеется, я хочу.

— В таком случае тебе придется меня слушать, — теперь уже он провел пальцами по моей щеке.

Я опять завозилась: все-таки паленым воняло настолько, что все разговоры слегка растворялись в аромате... сожженного покрывала? Я поморгала на паленый матрас, подняла голову:

— У тебя нет пожарной сигнализации?

— Есть. Я попросил ее отключить, когда нес тебя сюда. Нет ничего такого, что я не смог бы потушить, хотя... — он улыбнулся. — Ты меня здорово напугала. Когда твое пламя отказалось униматься из-за простого физического контакта.

«Твое пламя».

Вот теперь я в полной мере ощутила, каково это, когда пламя на щеках.

— Ты все еще стесняешься меня, Аврора?

— Я стесняюсь себя.

Стоило вспомнить, что я тут вытворяла, как я к нему прижималась, как сама опустилась на него, и щекам стало еще горячее.

— Почему?

— Потому что я знаю тебя три дня. — Странное чувство, что я знаю его всю жизнь — не в счет. — Потому что ты ходишь по ресторанам с другими женщинами...

Вайдхэн улыбнулся еще шире.

— Все-таки ревнуешь.

— Нет! Просто я не привыкла строить отношения с мужчинами, у которых бесчисленное множество женщин.

— Вот какого ты обо мне мнения, значит?

Он поднялся так неожиданно, что матрас слегка спружинил, а в следующий момент подхватил на руки меня.

— Пойдем лучше в душ. Здесь и правда стоит прибраться.

Просторная ванная, где разместилась огромная душевая кабина, была выполнена в черно-огненных тонах, напоминая о его пламени. Смотрелось достаточно агрессивно и тяжело, но ему шло. И черное, и огненное, и темно-красное. Наверное, для того, кто родился в огне — дважды — такие цвета самое то. Потерявшись в своих мыслях, я опомнилась, только когда Вайдхэн поставил меня на ноги. После чего беззастенчиво шагнул следом и заблокировал дверцы, мгновенно ставшие матовыми.

— Ты какую воду любишь?

— Теплую. Чуть теплее, чем температура тела.

— Так я и думал, — он улыбнулся. Он сегодня вечером подозрительно часто улыбался, и его лицо, временами суровое, сразу преображалось. Не знай я его, сейчас даже представить бы не смогла, что этот мужчина умеет быть жестким, если не сказать жестоким. Впрочем, это было единственное, что я успела подумать — до того, как на нас хлынула вода, лаская кожу. Лучше бы только она: когда на плечи легли ладони, скользкие от геля для душа, меня опять повело. Еще бы эти ладони там и лежали, но нет. Они спустились на спину, к лопаткам, пальцы нежно и в то же время сильно прошлись вдоль позвоночника.

— Ни за что бы не подумала, что тебе нравятся сладкие ароматы, — сказала я, чтобы переключиться.

— Это для тебя. Я предпочитаю более резкие запахи.

На миг я утратила дар речи, а он бессовестно этим воспользовался: во-первых, плотнее прижал меня к себе, на этот раз скользнув ладонями по ягодицам, а во-вторых, продолжил:

— Я не просто так говорил, что тебе не стоит выступать, Аврора. Любая сильная эмоция действительно способна спровоцировать пламя, а в твоем случае еще и экстремально быстро проявить его вовне. Поэтому я пришел в Грин Лодж с Алерой.

— С Алерой.

— Не одной тебе не хочется проговаривать длинные имена, но, если ты настаиваешь, риа́м Грейторн-Лардарр инд Хамир. Это дипломатический ужин, который должен был состояться с ней, с ее отцом и его вице-президентом, но что-то пошло не так. У ее отца и вице-президента.

— Очень удобно.

— Очень. Когда я узнал, что ты все-таки решила танцевать, то в восторг не пришел. По большому счету, в восторг не пришел никто. Особенно руководство Грин-Лодж, которому в экстренном порядке пришлось отказать особому VIP-клиенту. VIP-клиент, подозреваю, тоже в восторге не был, но об этом история умалчивает. Моя пресс-секретарь сказала, что такой стресс как сегодня, она испытывала впервые. Хотя работает со мной давно.

— При чем тут пресс-секретарь?

— При том, что личного секретаря я уже отпустил, а Ланира осталась. Именно ей пришлось решать вопрос с Грин-Лодж и проявлять чудеса дипломатической изобретательности. Именно с ней ты видела меня тогда в ресторане, когда Лар назвал меня Бездарн Гадхэн.

А Ния говорила, что тогда в ресторане с ним была пресс-секретарь. Говорила же! Догадалась. Или знала? Похоже, Ния все-таки знала гораздо больше, чем я могу себе представить.

Правда, при мыслях о Бездарне Гадхэне у меня опять запылали щеки. Хорошо хоть, что свет здесь такой приглушенный, и повсюду красно-черное, можно списать на отблески. Или нельзя? Как-то очень пристально он на меня смотрит. Очень-очень. Даже бровь приподнял.

— Это не я придумала, — быстро сказала я.

Прозвучало как оправдание, и я бы прикусила себе язык, если бы он мне не требовался для дальнейшей коммуникации.

— А кто? — Вот теперь Вайдхэн по-настоящему заинтересовался.

Да, язык точно стоило прикусить.

— Никто. Неважно. Давай закроем эту тему. Я не могу с тобой говорить об этом, потому что ты — власть. А это неуважение к власти.

Пару мгновений он изумленно смотрел на меня, а потом запрокинул голову и расхохотался. Так заразительно, что меня ну очень тянуло к нему присоединиться, вот только я пока не представляла, как развернется тема с Бездарном Гадхэном, поэтому предпочла придержать драконов. То есть смех.

— Ты невероятная, Аврора, — произнес он, скользкими от геля ладонями поглаживая мои ягодицы. Это было сказано так глубоко и проникновенно, что у меня разом вылетели из головы все мысли, а вот чувственные ощущения — особенно там, где это скольжение рождало на коже миниатюрные костерки — зашкаливали за сотню по десятибалльной шкале. — Для тебя я кто угодно, только не власть, милая. Это первое. А второе... я и в самом деле предполагал, что это придумала ты.

— Неужели?

— Именно, — пальцы прошли между полушарий. Без нажима. Мягко и совершенно не так, как тогда, в кабинете. — Именно в тот самый момент.

Удивительно, что он тоже о нем вспомнил. Или неудивительно?

— Нет, я просто использовала незапатентованную характеристику.

— Рано или поздно ты мне о ней расскажешь. О том, кто ее придумал, — это прозвучало как обещание, от которого все внутри вспыхнуло. Даже водичка холоднее стала, и, я подозреваю, вовсе не потому что Вайдхэн забыл оплатить счет за горячую воду. — И обо всем остальном.

— О том, что ты еще не знаешь. — Я приподняла брови в точности, как он, а потом, положив руки ему на плечи, встала на носочки. — Ты хоть что-то еще обо мне не знаешь?

— Такое не исключено. Но я это обязательно выясню. — Он почти касался губами моих губ, и это было настолько сильно... в смысле, не то, что между нами случилось, хотя и это тоже, сколько именно мои чувства — я не просто тянулась к нему всем своим существом, мне кажется, я уже приняла его, впустила его в себя и, увы, здесь пошлость не поможет — совершенно на другом уровне, не на физическом. Это хлестнуло, как порыв ледяного ветра, я положила руки ему на грудь и попыталась отстраниться.

— Почему ты тогда меня...

— Потому что захотел тебя с первой минуты, как увидел. Потому что решил, что ты пришла меня соблазнять.

— Я — что?!

У меня глаза, по ощущениям, стали как у дракона. Таких же размеров. Ну ладно, предположим, что глаза как у дракона мне не грозят, потому что мне бы разорвало лицо, но собственные органы зрения сейчас представлялись очень и очень большими. Круглыми. Выразительными.

— От тебя фонило желанием, Аврора, — на удивление серьезно произнес он. — настолько, что я просто не мог предположить ничего другого. Тогда мне и в голову не приходило, что наша связь... хм... что это выбор моего дракона, и твой на него ответ.

Выбор дракона, значит. А что насчет твоего?

Я чуть не брякнула это вслух, но на этот раз с языком мы подружились. В смысле, я не стала задавать неудобных вопросов, которые совершенно точно не имеют никакого отношения к тому, что сейчас было. Это как на первом свидании спросить: «Хэй, парень, ты на мне женишься?»

— И уж тем более я представить не мог, — продолжал он, — что все получится именно так. Бесконтактная передача пламени... мы с тобой в своем роде уникальны, Аврора. Такого мир еще не знал. И не узнает, пока я не выясню все в подробностях.

Он снова расслабился и поглаживал мою спину, вот совершенно не с целью помочь мне принять душ. Я же, наоборот, напряглась.

— То есть такого никогда не было? Вообще?

— Ни разу. Любая передача пламени между человеком и драконом шла через кровь. Не говоря уже о том, что передача пламени человеку от иртхана считается в принципе невозможной. Больше того, передача не просто от иртхана человеку, передача в спящем состоянии. Когда сила неактивна.

— Ты о чем?

— Судя по всем анализам, Аврора, с маркером черного пламени ты ходишь как минимум со дня нашей первой встречи.

— А?

— Да, у тебя анализы уже развитого черного пламени. Да и случившееся сегодня... ты как иртханесса-подросток — по возрасту пламени в крови. Если я правильно понял, у тебя могут быть перепады настроения и все прочее, сопутствующее.

О-о-о!

— Я бы мог предположить, что маркер в твоей крови был спящим, — он снова на миг нахмурился, а после тряхнул головой, словно сбрасывая какое-то наваждение, — если бы маркер в твоей крови не был моим. По всему получается, что на кухне мы его активировали, а сегодня у тебя произошло полноценное пробуждение пламени. Что, кстати сказать, тоже парадокс. Обычно сначала пламя просыпается внутри и только потом проявляется в физической форме.

Я сейчас взорвусь. Не от пламени, нет, от количества новой поступающей в меня в единицу времени информации.

— Можно поподробнее? — спросила я. — Для тех, кто не знает с детства все эти тонкости иртхано-драконьих премудростей.

— Объясняю на пальцах, — он наконец-то убрал руки с моих ягодиц и загнул первый палец. — Иртханы и иртханессы рождаются с пламенем. В зависимости от уровня силы развиваются и их способности. Сначала ментальные — те, с помощью которого мы отдаем приказы и управляем драконами, затем — проявление пламени,

когда уже физически можно что-нибудь поджечь. Процесс активации и развития внутреннего пламени очень важен. Обычно он проходит без эксцессов, если правильно подготовиться, но случается такое, что по какой-то причине развитие делает резкий скачок. Таких случаев единицы за тысячелетия, тем не менее они были. В этот момент очень важно, чтобы рядом был тот, кто может погасить пламя. Обычно достаточно простого физического контакта, в зависимости от уровня силы, иногда даже просто прикосновения ладоней или объятий в одежде. Но с тобой оказалось недостаточно, потому что у тебя был спонтанный выброс невероятной силы. И да, такого мир тоже раньше не знал.

Вот стою я тут, вся такая уникальная, он загибает пальцы и объясняет мне все. А я... я единственное, о чем по-настоящему могу думать — что я для него значу? После такой близости, наверное, по-другому нельзя, но... Но.

«Хэй, парень, ты на мне женишься?»

— Аврора? — Бен смотрит мне в глаза. — О чем задумалась?

Я не стану это спрашивать. Не стану. Не стану.

— Да так. Ни о чем. Думаю, какие еще сюрпризы ожидать в ближайшее время.

— В ближайшее, я предполагаю, никаких. Самое интересное уже случилось, — он улыбается, а потом добавляет: — Я говорю о проявлении пламени, если что.

— Ах, вот оно как.

— Именно так. Все остальное будет попроще. Я надеюсь.

Меня так и подмывает сказать «давай надеяться вместе», вместо этого я просто киваю.

— Хорошо.

— Ты подозрительно со всем соглашаешься, — прищуривается Вайдхэн. — Завтра тебе лучше не появляться в Грин Лодж.

— Хорошо.

Он приподнимает брови, а я пожимаю плечами:

— Я очень люблю балет, Бен, но не настолько, чтобы вредить другим людям. — Вайдхэн меняется в лице, и я добавляю: — Просто напомни мне сейчас перезвонить генеральному и сказать, что я больше не выйду. Незаменимых балерин нет. Особенно в ресторане.

Почему-то именно эта мысль дается мне больше всего, еще больше даются эти слова. Я будто окончательно отказываюсь от того, от чего уже однажды отказалась. Правда, тогда у меня были совершенно другие обстоятельства и совершенно не было выбора, но и сейчас, по сути, его тоже нет. Я не представляю, как работает это самое пламя, мне нужен учитель или тот, кто хотя бы с азами контроля поможет. Постоянное сопровождение. Обследования — наверняка. После того, что он сказал, обследования мне нужны точно, банально даже для того, чтобы я не навредила собственному сыну.

— Ты очень хотела танцевать? — спрашивает он, глядя на меня в упор.

— Это было давно, — я показываю на душ. — Мы все еще моемся, или проводим сеанс психологической помощи?

Вайдхэн хмыкает:

— Что я тебе говорил про *неуважение*, Аврора? — Он выделяет это слово так, что я просто мгновенно переключаюсь. Но ответить не успеваю: — К слову, о неуважении. В ресторане Бездарном Гадхэном меня назвал Лар, но ты это допустила. Поэтому ты, как мать, и будешь нести ответственность.

— Чт...

«Что» у меня не получается полноценным: меня так резко разворачивают лицом к стене душевой кабины, что воздух вылетает из меня как пробка из бутылки с веоланским, а следом за ним вырывается грудной низкий стон, потому что его ладонь между моих бедер творит совершенно невыносимо-приятные вещи. И ладно бы только ладонь, он умудряется скользнуть языком по моим позвонкам, зубами прихватывая кожу у основания шеи.

«Неуважение» затягивается на три или четыре раза, и пламя в этот раз рассыпает искры прямо под водой, из-за чего душевой кабине грозит преждевременный износ. Когда в последний раз я просто тихо оседаю в его объятиях, прижимаясь к сильной груди, Вайдхэн снова подхватывает меня на руки.

— Можно вообще считать, что мы приняли душ?

— Все относительно.

Меня заворачивают в полотенце и начинают активно растирать, а я сама себе напоминаю желе на ножках. В смысле, настолько же устойчивая — мне кажется, что стоит мне сделать шаг, и я просто

завалюсь набок. Ходить же, после сегодняшнего, буду как двухнедельный драконенок — в смысле, переваливаясь с ноги на ногу и враскоряку. Внутри сейчас настолько приятно печет, что я даже не представляю, что будет завтра.

Танцевать мне, похоже, не грозило бы даже если бы не было пламени.

— Можешь остаться у меня, — предлагает Вайдхэн. — Ния согласилась переночевать.

— А ты подготовился, — хмыкаю я.

— Я всегда за превентивные меры. Либо можем забрать Лара сюда. Здесь много спален.

— Спасибо, но нет. Я пойду... — язык не поворачивается сказать «к себе». — К сыну. Мы с ним несколько необычно расстались сегодня.

Вайдхэн вопросительно смотрит на меня, но я молчу. Рассказать ему о ссоре с Ларом — это повысить уровень нашей близости еще больше, а мне пока надо справиться с тем, что произошло. Хорошо обо всем подумать и решить, что же делать дальше.

— Кофе?

— Только не на ночь. Я лелею мечту дойти до квартиры, поцеловать Лара и лечь спать, а после кофе утром я буду красноглазая, невыспавшаяся и злая.

Это, кажется, тоже уже перебор с близостью, поэтому я прикусываю язык. Вайдхэн как будто все понимает, потому что оставляет меня одну в ванной. Когда я высушиваю волосы и выхожу в комнату, горелым там уже не пахнет. Кровать свеженькая, застеленная заново, на ней — моя одежда, которую, по всей видимости, принесли из моей квартиры.

Когда я одеваюсь, он провожает меня до двери.

— Лоргайн сдал смену, — сообщает, прежде чем ее открыть и явить мне новых вальцгардов. — Завтра утром он опять у тебя.

— Хорошо. Спасибо, — это единственное, на что меня хватает.

Во-первых, потому что я дико сонная. А во-вторых, не забываю про уровень близости, да, и поцеловать его сейчас вот так, при всех... Хотя надо быть слишком недогадливыми, чтобы не понять, чем мы тут занимались (явно не про политику беседовали), тем не менее я просто желаю ему доброй ночи и иду с сопровождением по внутренним

коридорам своего нового дома. В мою квартиру, так же как и в квартиру Вайдхэна, два входа: прямо с парковки и внутренний. Здесь даже в коридорах все отполировано и сверкает, на стенах картины, но я слишком устала, чтобы их рассматривать.

У себя отпускаю Нию, заглядываю в полностью обустроенную детскую. Лар спит, прижимая к себе плюшевого драконенка, рядом с ним храпит Дрим. Храпит как взрослый мужчина, а не как одна изящная виари. Приоткрывает один глаз, когда я наклоняюсь, чтобы поцеловать сына, уркает и переворачивается на спину, раскинув лапы и крылья в разные стороны.

— И тебе доброй ночи.

Дверь я оставляю приоткрытой, как всегда. Сейчас еще и для дежурящего вальцгарда, отвечающего за Дрим, сама иду к себе. Падаю на постель, собираюсь думать про Вайдхэна и про все, что между нами было, и... Проваливаюсь в мягкую, обволакивающую темноту.

Глава 6

Утро начинается с грохота. Рычание доносится откуда-то снизу, оттуда же доносится визг, и я подскакиваю, как ужаленная. Вылетаю из незнакомой комнаты в незнакомый коридор, бегу в комнату Лара, где никого нет, и тут же перегибаюсь через перила, кричу:

— Лар!

— Все в порядке, — доносится справа голос ЛэЛэ.

— Точно?

Начальник службы моей безопасности тактично выдерживает паузу, и я спускаюсь по лестнице. Кухня здесь в самом конце квартиры, и вот на ней творится просто что-то невероятное. Пакет корма для виаров валяется посреди, изодранный в клочья, по всей кухне рассыпан корм, довольная Дрим его подъедает, правда, уже как-то лениво — видимо, объелась. Мой сын, забравшийся на столешницу по пирамиде из стульев — к барному приставлен детский, к детскому — детская подставка для ног, чтобы было удобно умываться (по всей видимости, притащил из ванной).

Пока я шоке смотрю на все это, Лар тарабанит половником по вытащенной непонятно откуда посудине, она вырывается у него из рук, съезжает со стола и с грохотом падает на пол. Перепугавшаяся Дрим подскакивает, взлетает и врезается в шкафчик, из-за чего внутри тоже что-то разбивается.

Только сейчас я замечаю не менее очешуевского вальцгарда, который командует виари в срочном порядке:

— Сидеть.

И я воочию вижу, как действует этот их пресловутый голос, подчиняющий драконов. Во-первых, он лишен всяких интонаций и эмоций, во-вторых, в нем приказ, который нельзя не исполнить. Дрим немедленно пикирует вниз, а я плотнее запахиваю халат (кошмар какой-то, я ведь не привыкла, что в моем доме посторонние мужчины!) и поворачиваюсь к сыну.

— А-а-а-а-а-а-а! — стоит ему увидеть меня, он начинает вопить и прыгать на одном месте.

— Лар...

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!!!!

— Лар! — повышаю голос я, но какой там.

В моего сына словно взбесившийся дракон вселился. Он зажмуривается и кричит так, что у меня в ушах начинает звенеть:

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!!!!

Я подбегаю к нему, чтобы стянуть со стола, когда в меня запускают половником. Едва успеваю увернуться, половник врезается в шкафчик и разбивает стекло.

Ну это уже слишком!

Подхватываю сына на руки и несу с кухни, а он вырывается так, словно я желаю ему зла. Колотит меня кулачками, с невиданной для малыша силой вцепляется зубами в плечо. Не больно, ткань халата достаточно плотная, чтобы смягчить укус, но все равно ощутимо, а еще, я бы сказала, обидно. Тем не менее я крепче прижимаю пылящего и недовольного Лара к себе, поднимаюсь по лестнице, если не сказать взлетаю, прямо в его комнату.

Мимо еще одного вальцгарда и ЛэЛэ, которые явно удивлены. Еще бы!

Хлопаю дверью, сажаю сына на кровать:

— Лар! Ты что устроил там внизу?

— Ничего! — кричит он.

И это мой сын, который никогда не повышал на меня голос.

— Ничего? Ты разбил шкаф и перепугал Дрим до полусмерти. Не говоря уже о том, что ты набросился на меня. Разве так я тебя учила себя вести?

Вместо ответа Лар подскакивает на кровати, глаза сверкают. Он снова начинает прыгать, только на сей раз не кричит, а кривляется — показывает мне язык, тянет себя за уши, а потом пальцами тычет в меня и кричит:

— Мама — кака! Мама — кака! Мама — кака!

Сказать, что я в шоке — значит, ничего не сказать. У меня никогда в жизни такого не было! Ни разу. Лар всегда был эмоциональным и похулиганить если и любил, то всегда останавливался, стоило мне взять его на руки или попросить не делать этого. Теперь же передо мной неуправляемый ребенок, который совершенно точно меня... ненавидит.

Его чувства вонзаются в сердце, как отравленная игла, и какое-то мгновение этот ледяной коготь прокручивается внутри меня, а потом точно так же, разом, отпускает. До той минуты, пока Лар не хватается плюшевого драконенка, чтобы в меня запустить.

— Хватит!

Я резко шагаю к сыну, перехватываю игрушку и отнимаю.

Лицо Лара кривится:

— Ненавижу тебя! — кричит он. — Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Он бросается на меня, чтобы отнять драконенка, я не отдаю, и тогда сын ногтями вцепляется мне в руку прямо поверх узора. Больно настолько, что на глаза невольно наворачиваются слезы, а потом рисунок под его рукой вспыхивает. Неярко, не так как вчера, но Лар с криком отдергивает руку и начинает реветь. Не в силах поверить в то, что произошло, я хватаю маленькую ладошку сына и разворачиваю.

На нежной коже алыми пятнами расцветает ожог.

Черное пламя Раграна

— Да, ситуация, разумеется, не самая простая, — говорит сидящий напротив него Рогас инд Хамир. У него, как и у его дочери, имен больше, но достаточно будет и первого. — Все же супруги дель Рандаргим — граждане Лархарры. Но я думаю, мы с вами вполне сумеем прийти к соглашению, риамер Вайдхэн.

В его словах явно читается продолжение: «Если вы примете мою дочь в качестве своей особой гостьи, а впоследствии и в качестве жены». И это при том, что все прекрасно все понимают, включая саму Алеру. С того самого момента, как он назвал Аврору секретарем, но никто не воспринимает ее всерьез. Правда, кто способен всерьез воспринимать женщину, человека, рядом с иртханом, в крови которого черное пламя? Сейчас ему это даже на руку, потому что лишнее внимание к Авроре ни к чему.

Хотелось бы верить, что Халлоран, Ландерстерг и глава Фиянского Содружества тоже не станут акцентировать на этом внимание. Сейчас главное — изучить ее пламя и их странную связь до того, как они все начнут о чем-то догадываться. Самое сложное в этом уравнении — Ландерстерг, который ближе всего к черному пламени. Самое опасное — Эстфардхар, который по-прежнему сидит в

Аронгаре под замком, хотя, по-хорошему, должен был быть казнен после основательного допроса.

Его отцу не дали ни малейшего шанса оправдаться, этой твари — все возможности. Раньше ему показалось бы странным, что именно Халлоран на это ведется, но раньше он наивно верил в принципиальность почти бессменного Председателя Совета Аронгары. Сейчас все как на ладони и гораздо понятнее, чем через призму розовых очков: Халлорану выгодно иметь под рукой дракона с черным пламенем. Неплохое оружие в арсенале, когда на мировой арене Рагран, где есть он. И Ферверн, где есть Ландерстерг.

— Мы говорили не только о супругах, — напомнил он. — Карида дель Рандаргим тоже должны судить в Рагране.

— У вас слишком суровые законы, риамер Вайдхэн. — Рохас даже смеется, правда, потом мгновенно становится серьезным: — Думаю, разговор об этом мы вполне сможем продолжить уже после праздников.

Между слов: «После того, как вы покажете Алере Рагран».

Его изначально тошнило от политики, хотя бы потому, что для политика он был слишком прямолинеен. Кто-то называл это набловым характером, возможно, в какой-то мере так оно и было, но своим характером он гордился. Умением называть вещи своими именами. Не стеснясь, говорить в лицо то, что думает. Думать о том, о чем, а точнее, о ком хочется: сейчас, например, он с большим удовольствием думал бы об Авроре, чем обо всем этом дерьме.

О том, как она просыпается и сладко потягивается в постели. Как слегка краснеет, вспоминая о вчерашнем — это ее умение краснеть казалось ему невероятно очаровательным. Как сдерживает учащающееся от воспоминаний дыхание, закусывая губу...

Хотел бы он проснуться вместе с ней, но, к сожалению, это пока невозможно. До тех пор, пока не будет изучен парадокс черного пламени. Если с другими драконами все понятно, то с глубоководными — увы, нет. Они не оставили инструкции по использованию выданной силы и уж совершенно точно не объяснили, как это возможно: бесконтактно наделить женщину черным пламенем.

Проснуться вместе с ней не получилось, но он отправил ей сообщение, в котором пожелал доброго утра.

На которое она так и не ответила.

А ведь раньше ему бы даже в голову не пришло, что, встречая делегацию из Лархарры, можно постоянно кидать взгляды на дисплей смартфона.

— Вполне, — не поддается на провокацию он. — В таком случае, мы можем вернуться к цели вашего визита в том числе.

Цель была проста: экономическая поддержка. Раньше за экономической поддержкой обращались в Аронгару (чаще всего) и до прихода к власти Ландерстерга — в Ферверн. Но последние годы темпы развития Раграна несколько удивляли Мировое Сообщество и общественность в целом.

— Да, пожалуй, — соглашается Рогас, но довольным не выглядит. Кому же приятно, когда инициатива от тебя ускользает. «Не нравится» выражается сухим тоном и поджатыми губами, едва уловимые черты, которые он вчера изучил в том числе по Алере.

Инд Хамир с дочерью очень похожи, она унаследовала от отца и крупные черты лица, и цвет глаз, и разрез. А вот скулы и овал, похоже, от матери. Цвет волос — под вопросом, потому что инд Хамир полностью седой, у него даже брови будто выбеленные снегами. Его правая рука, или попросту поддакиватель, вице-президент, сидит молча, как прищип[1] под перевернутым ведром. По сути, эту должность можно было бы упразднить, но она очень выгодна в том плане, что инд Хамир регулярно спихивает на своих вице-президентов косяки, в том числе экономические просчеты и кризисы. Именно поэтому вице-президенты на должностях не держатся, а инд Хамир держится очень хорошо.

Быстрый взгляд на смартфон. По-прежнему темный экран.

Вот только стоит ему начать говорить, как дисплей вспыхивает.

Это не сообщение от нее, это вызов от Лэннэ. Срочный, поэтому он говорит:

— Прошу прощения, — поднимается и выходит в смежный кабинет. Кабинет в кабинете, комната отдыха, которую возможно превратить в бункер или сейф одним нажатием кнопки. Полная блокировка ото всего, что происходит снаружи, а если быть точным, от того, что происходит изнутри. Он сделал это, потому что не знал, чего ждать от черного пламени.

— Слушаю.

— У нас непредвиденные обстоятельства. Ребенок начал капризничать, швыряться вещами. Риам Этроу забрала его в детскую, где они, по всей видимости, сильно поссорились. Она его обожгла.

— Что?!

— Через узор. Не сильно. С мальчиком все хорошо, медики уже обработали ожог, наклеили детские обезболивающие пластины, говорят, что к вечеру не останется и следа. Но он продолжал кричать и обзывать, а риам Этроу после ухода медиков закрылась у себя в спальне и не реагирует на просьбы выйти. Никак. По ощущениям, она в шоке, а вы просили докладывать обо всех ситуациях, способных спровоцировать пламя.

Разумеется, она в шоке. Лар для нее смысл жизни, а она его обожгла. Он прислушался к себе и понял, что просто не чувствует Аврору. Совсем.

— Скоро буду.

Нажав отбой, вернулся в кабинет, где инд Хамир и его помощник уже выглядели не просто недовольными, а раздраженными.

— Сожалею, но я вынужден вас покинуть. Эден инд Хамир. Эден дель Регор, продолжим нашу беседу чуть позже.

— Что? — вскинулся инд Хамир, сдвигая брови и поднимаясь. — По какой причине?

— Экстренные обстоятельства.

— Какие именно?

— Экстренные, — он широким шагом прошел к дверям и распахнул их.

— В наших краях, риамер Вайдхэн, — голос инд Хамира звенел от гнева, — прервать переговоры без объяснения причин считается оскорблением.

— В Рагране, — теперь раздражение примешивается и в его голос — там его женщина, которой нужна помощь, а он тратит время на пустые разговоры с этими недодраконами, — не принято оскорблять гостей. Но если гостям настолько хочется оскорбляться, им это не запрещается.

Вот выйти из кабинета первым — это действительно дурной тон, но именно так он сейчас и поступает. Потому что ждать, пока они вынесут свои тела в приемную времени нет. Потому что он не знает, не

чувствует, что с Авророй, а когда почувствует, может быть слишком поздно.

— Трин, проводи гостей, пожалуйста, — на ходу бросил секретарю, касаясь коммуникатора и вызывая водителя.

Он у нее уже через полчаса. Было бы гораздо быстрее, если бы не наблова истерика, которую инд Хамир закатил прямо в приемной. Натуральная истерика, недостойная не то что президента Лархарры, возглавляющего страну уже несколько приличных сроков (бессменно, пустившего корни в пески), а даже женщины, которая умеет держать себя в руках. Впрочем, до его истерики ему нет никакого дела, а вот до одной маленькой, хрупкой, но очень сильной женщины есть.

Поэтому он сейчас взлетает по лестнице к ее спальне и стучит костяшками пальцев по двери:

— Аврора! Аврора, открой.

Она открывает на удивление сразу же, как будто только его и ждала. Белого цвета, у нее и без того светлая кожа, но сейчас она кажется просто белее снегов. Он шагает внутрь, ощупывая ее взглядом — а потом резко притягивает к себе и обнимает. В его руках Аврора кажется еще более хрупкой, но сейчас ощутимо напрягается.

— Бен, — тихо говорит она, явно пытаясь отстраниться, — я его обожгла. Я причинила ему боль. Я не нарочно, но... но...

Вот видно же, что сейчас заплачет. Странно, но представить именно ее плачущей очень сложно, настолько нестигаемый стержень чувствуется внутри этой женщины. Поэтому он увлекает ее за собой на небольшой диванчик у окна и, глядя ей в глаза, спрашивает:

— Что произошло?

Пока Аврора собирается с мыслями, он думает... да всякие совершеннейшие нелепости. О том, что только одна женщина до нее называла его так, но никаких чувств в словах той женщины не было. Не было в ней и доверия к нему, и желания стать ближе, вообще ничего — а Аврора тянется к нему изначально, подсознательно и так искренне, так до безумия откровенно, сама того не понимая, что даже это одно просто сводит с ума.

— Мы поссорились, — она вздыхает. — Сильно. Лар вцепился в мою руку, и...

Он берет ее за руку, разворачивает и смотрит на красные, налившиеся кровью лунки — следы от детских ногтей. Нежная кожа

содрана, это видно даже несмотря на узор, который сейчас обманчиво-спокоен, но только узор. Его самого обжигает яростью при мысли о том, что этот мальчишка причинил ей боль.

— Он тебя защищал, — это получается на удивление сухо. Просто потому, что хочется сдержать звенящие в голосе эмоции: ей они точно не понравятся.

— Кто?

— Узор. Пламя. Он воспринял поведение твоего сына как агрессию.

— Но он же ребенок!

— Он причинил тебе боль, Аврора. В животном мире понятия ребенок нет. Если драконенок не в игре пытается укунить или поцарапать брата, сестру или родителей, ему прилетает.

— Но мы не в животном мире! — Ее глаза широко распахиваются. — Это мой сын! Я причинила ему боль!

— А он причинил боль тебе.

Аврора сверкает глазами:

— Я не хочу этого! Я об этом не просила! Мне вот это вот все... — Сердито дергает рукав вниз. — Не нужно!

— Но оно есть.

— Я не хочу обжигать своего сына!

— Значит, кому-то придется объяснить твоему сыну, что обижать маму не стоит.

Она качает головой:

— Ты сейчас серьезно?! Поверить не могу.

— Да, я серьезно. Серьезнее некуда. Я буду учить тебя взаимодействию с пламенем, Аврора, но эта ситуация — не твоя вина.

— А чья? Маленького ребенка? — теперь в ее голосе звучит сарказм.

— В том числе. Ему надо учиться ответственности за свои действия уже сейчас.

— Кошмар. Скажи мне, кто тебя воспитывал, и я оторву ему руки и язык! — Слова срываются с ее губ раньше, чем она успевает их остановить, и это неожиданно больно. Еще больнее, когда обжигает ее чувствами, когда она понимает, что сказала, и слишком много всего накладывается — эмоций, воспоминаний, все это в крошечном отрезке

времени, чтобы удержать в себе возможный резкий ответ. Поэтому он поднимается и говорит:

— Я его приведу, — и выходит раньше, чем Аврора успевает что-либо сказать.

Когда ее нет рядом, не так больно. Конечно, она говорила на эмоциях. Конечно, она не так давно его знает, но это все равно получается больно. Настолько, что он даже не ожидал, что приходится остановиться у дверей детской, чтобы перевести дух.

Эстфардхара он долгое время считал отцом. Он в самом деле думал, что Кроунгарду есть дело до мальчишки, которого тот вывез из страны, из города, разрушенного пламенем благодаря его же собственным усилиям.

Наивность — страшнее глупости, и он за нее заплатил сполна. К сожалению, не только он. Кроунгард убивал, не глядя: для достижения своих целей и изучения силы глубоководных фервернских, для создания нейросети, с помощью которой он собирался управлять драконами всего мира. Начал с отца и его окружения, явно собираясь использовать его мать в политических играх — но просчитался: мама, лишившись пары, не выжила. Походя избавлялся ото всех неудобных и ото всех, кто мог нарушить его планы. Он чуть не уничтожил Ландерстерга и его будущую, между прочим, беременную жену, но даже после всего этого миротворец миротворцев Рэйнар Халлоран, Председатель Совета Аронгары, щедро предоставил ему право жить дальше.

Разумеется, исключительно для того, чтобы раскрыть всю историю с нейросетью.

Мысли об Эстфардхаре немного прочищают разум и остужают эмоции, поэтому в детскую он заходит уже совсем в ином настроении. Насупившийся Лар сидит на кровати, Ния ему читает, но видно, что мальчик недоволен и злится. Еще более недовольным он становится, когда видит его, это чувствуется настолько тонко, насколько возможно. Детские эмоции самые чистые. Даже когда они злые.

— Риамер Вайдхэн, — Ния поднимается ему навстречу, — с Ларом все хорошо. Мы обработали ожог, все затянется уже...

— Я знаю. Оставь нас.

Это все-таки получается резко, и женщина поспешно откладывает электронную книгу и выходит. А он шагает к Лару и произносит:

— Ну что, парень, поговорим?

С детьми ему раньше общаться не доводилось, но он никогда не пасовал перед трудными задачами. А в том, что эта задача будет потруднее инд Хамира, Халлорана и Ландерстерга вместе взятых, сомневаться не приходилось. Вон как брови сдвинул и сопит — сердито, как обиженный драконенок. Того и гляди выдохнет дым и побежит царапать когтями пол.

— Что скажешь? — опустился в кресло, в котором сидела Ния, чтобы быть на одном уровне с ним. Общаться на равных — это обязательное условие.

— Ничего! — выдохнул мальчишка.

— Совсем ничего?

— Совсем!

Еще и щеки раздул, и явно собирается отвернуться.

— Хорошо. Тогда скажу я. Твоя мама очень расстроена, потому что ты сделал ей больно. Ты не просто ее обидел, ты ее поцарапал. Намеренно, насколько я понимаю.

— Это она сделала мне больно! Она меня обожгла! — и глазами сверкает: действительно, как драконенок.

— Она сделала это не специально. А ты специально — и это большая разница. Мужчина должен женщину защищать, а не делать ей больно.

— Я маленький!

— Нет, Лар, ты не маленький. Ты мужчина, а значит, ты сильнее. Всегда.

Мальчишка надулся еще сильнее, а он сцепил руки на коленях и подался к нему:

— Почему вы поссорились?

Плотно сжал губы. Не хочет отвечать.

— Хорошо. Я никуда не спешу. Подожду, пока ты расскажешь, — он откинулся на спинку кресла, рассматривая его. Совсем маленький еще, и, насколько становилось понятно по отчетам Нии, очень развитый. Аврора хорошо с ним занималась, воспитывала его одна, несмотря на все сложности, на все свои вечерние рабочие часы и на то, что приходилось крутиться рядом с этим карапузом, когда он еще не мог ходить сам. Честно — Бен и представить себе не мог, каково это.

При одной мысли о том, что нужно столько всего сделать, и при этом остаться на ногах и в здравом уме, у него волосы на голове дыбом вставали. Почему-то считается, что быть матерью просто, но... в свое время он думал, что будет воспитывать чужого ребенка, и он был на это готов. Даже изучал тему, насколько это было возможно в тех обстоятельствах, прикидывал, как ему быть с младенцем, когда можно будет взять няню, что на это скажет сама Лаура.

И совершенно точно не догадывался, что вот так окажется один на один с совершенно обычным человеческим сорванцом. Конечно, у парня сейчас стресс за стрессом — похищение бабушкой и дедушкой, чтоб им гореть в пустошах, папаша, который пытался манипулировать своим появлением, теперь еще какой-то незнакомый мужик, который претендует на внимание мамы, и сама мама становится другой.

Он не представлял, как это воспринимается со стороны маленького человека, но даже иртыханы перемены пробуждения пламени чувствовали невыносимо остро. А как это чувствует он? Ния сказала, что Ларрет совсем перестал картавить после похищения, начал выговаривать слова так же четко, как все взрослые, и это тоже тревожный звоночек. Потрясение сказалось на нем гораздо сильнее, чем кажется на первый взгляд — если даже спровоцировало изменение речи, но грузить этим Аврору сейчас просто жестоко.

Ей бы разобраться с тем, что происходит с ней. Почувствовать, прочувствовать, принять. А тут еще сын истерики закатывает и агрессивничает.

Он не смотрел на часы, смотрел только на парня, который вцепился в своего плюшевого дракона, как в спасательный круг, и молчал. Поэтому не представлял, сколько прошло времени до того, как ребенок выпалил:

— Я не хочу с вами разговаривать!

— Почему?

Вопрос, кажется, поставил Лара в тупик.

— Потому что... потому что мама не хочет дружить с папой, а с вами дружит!

Ну да, чего и следовало ожидать. Выяснять, что наговорили эти горе-бабушка и дедушка даже не требовалось.

— А тебе не приходило в голову, что это твой папа не захотел дружить с твоей мамой? Потому что испугался, когда узнал, что ты

вот-вот появишься. Потому что не захотел брать на себя ответственность и воспитывать такого классного парня.

Лар широко распахнул глаза. Ресницы у него были длинные, густые, из-за чего внешность казалась просто кукольной. Мгновение мальчик растерянно смотрел на него, а потом снова нахмурился и сжал губы:

— А бабушка сказала, что мама не захотела с папой дружить! Поэтому она его ко мне не пускала!

— А я сейчас скажу, что драконов не существует, и ты мне поверишь?

— Нет! Потому что они существуют!

— Хорошо. Тогда скажи мне, как можно здорового сильного мужчину — такого, как твой папа, не пустить к тебе и удержать такой хрупкой и маленькой женщине, как твоя мама?

Лар растерянно моргнул.

— Или, может быть, причина в другом?

Ребенок заморгал еще чаще, вцепился в плюшевую игрушку с такой силой, что будь этот дракончик живым, ему бы не поздоровилось.

— Почему папа не захотел со мной дружить? Потому что я плохой?

Потому что твой папа набл. Вслух, он, разумеется, этого не сказал.

— Потому что ему не хватило сил понять, от какого сокровища он отказывается. А точнее, сразу от двух.

Вот теперь у Лара задрожали губы.

— А мама... теперь тоже меня бросит, потому что я ее поцарапал? И потому что есть ты?

Он подался вперед и показал на дверь:

— Твоя мама никогда от тебя не откажется, Лар, но ей сейчас очень сложно. Она переволновалась, когда тебя увезли. У нее в жизни много перемен, с которыми она пытается справиться, и ей очень нужна твоя поддержка.

— Но я ей не нужен! Она не сможет любить и тебя, и меня.

Любить. Странное, забытое слово, которое он так и не распробовал. Если честно, и сейчас думать об этом не хотелось, но у детей свои категории.

— В твоей маме столько любви, что хватит на целый мир.

«Чего нельзя сказать обо мне».

— Но этот мир никогда не будет для нее таким ярким без тебя.

Да, разговор действительно оказался не из легких: он чувствовал себя так, словно снова валялся во льдах Ферверна, истекая кровью и прощаясь с жизнью. А ведь всего-то с ребенком поговорил, дракона вашего за ногу! Если это всегда будет так, то лучше каждый день вести переговоры с инд Хамиром по пять часов и каждое утро совершать совместную пробежку по Хайрмаргу на пару с Ландерстергом.

— Я к маме хочу! — всхлипнул мальчишка.

— Так пойдем.

Он протянул ему руку, и Лар, отцепившись от своей плюшевой игрушки, вложил крохотную ладошку в его. В это мгновение он и сам не понял, почему его так сильно ударило. Возможно, потому что слишком часто представлял, как это будет с ней — с Лаурой, с ее ребенком.

Поэтому, когда уже в ее спальне мальчишка бросился к Авроре с криком:

— Мамочка, прости меня! — А она со слезами на глазах опустила его обнять, это оказалось слишком.

Он развернулся и вышел в ту же секунду, как ударился о ее глубокий, пронзительный взгляд. Так и не услышав, что Аврора хотела ему сказать.

[1] Грызун размером с морду взрослого виара. Живет в городах, преимущественно на помойках и в местах утилизации пищевых отходов.

Глава 7

Я не привыкла, что мне не нужно вечером идти на работу. Еще больше я не привыкла к тому, что кто-то решает мои проблемы, особенно мои проблемы с сыном, потому что привыкла быть одна. Тем не менее Бен не просто их решал, он их решал и исчезал. Ничего не требуя взамен и делая вид, что вообще ничего не было.

В этот раз он исчез на несколько дней, и мое пламя на удивление вело себя спокойно. Оно не пыталось больше вырваться, не пыталось никого обжечь, со мной рядом постоянно были вальцгарды и ЛэЛэ (который покидал меня только ближе к вечеру, а утром неизменно возвращался). Что же касается Вайдхэна, я следила за ним по визору и в соцсетях: он проводил Лархаррскую делегацию, оставив всех журналистов гадать, что же получится из их знакомства с Алерой. Я журналисткой не была, и, хотя я очень хорошо помнила, что он сказал мне в тот вечер, мысли про Алеру не выходили у меня из головы.

Не просто же так она появилась в Рагране. А еще ее не нужно было представлять секретарем. К слову, о секретарях: его личная помощница Трин, которую мне предстояло заменить, скинула мне все что необходимо, чтобы я могла подготовиться к работе. По защищенному соединению, разумеется, а еще мы с ней каждый день общались, и я задавала ей кучу вопросов. Даже сама мысль о том, чтобы накосячить рядом с ним повергала меня в состояние, близкое к шоковому, и у меня начинал дергаться глаз. К счастью, не буквально, мне хватило и пламени, которое пока что утихомирилось, но вполне способно было создать мне проблемы в будущем.

Что касается обучения тому, как с пламенем обращаться, ЛэЛэ передал мне, что этим займется лично Вайдхэн после праздников, но лично Вайдхэн мне больше ничего не говорил. И, хотя мы теперь были соседями, он не появлялся и никоим образом не давал о себе знать. Что касается меня, я не представляла, с чего начать разговор с ним после того, что я брякнула. Да и надо ли его начинать?

Может, он уже и думать забыл о том, что я сказала, а я только себя накручиваю и маюсь дурью. Может, ему и мои извинения, и все остальное до пустоши. Может, я просто, как всегда, придумываю себе

то, чего нет? А в том, что придумывать я умела, сомневаться не приходилось.

Если бы не умела, у меня бы сейчас не было Лара. Да, разумеется, Карид за мной очень галантно ухаживал, был обстоятельным, внимательным и вел себя так, что я ни разу не задумалась о том, что меня отправят на аборт. В том, что он на такое способен. Представить, что Вайдхэн отправит свою женщину на аборт, я не могла, равно как не могла себе представить, что такой мужчина просто отойдет в сторону, если ему что-то нужно. Что-то или кто-то, в данном случае я.

Поэтому я до сих пор с ним не говорила. Поэтому все мои дни проходили крайне однообразно: утром занятия спортом, днем прогулки с Ларом — он был в восторге от нашего нового района и от того, что мы можем ходить в парк Гран Туа, представляющий собой многоярусное чудо света. Это действительно было нечто уникальное. Да, во многих странах были зимние парки, некоторые даже закрытые утепляющими щитами, вечнозеленые, но такого спиралевидного вырастающего в самом сердце мегаполиса уникального растительного ансамбля больше не было нигде. Засыпанный снегом, украшенный перед праздниками, он привлекал и мериужцев, и туристов, живые ленты[1] пестрели фото и видео, сделанными здесь.

Зои вот тоже выложила фото — правда, не из Гран Туа, а с места работы, с подписью: «Задраконилась в край», и я уже с полчаса смотрела на нее, не зная, ткнуть в звездочку или не стоит. Потому что с ней мы не общались тоже. Вообще. Никак.

Как выяснилось, не только я об этом думала, потому что забравшийся ко мне на колени Лар, прибежавший от Нии, заглянул в телефон, а потом мне в лицо:

— Мам? А когда мы поедем к Зои и Кати?

Он не спрашивал об этом раньше, но я раньше как-то и не задумывалась, что Лар тоже может скучать. По Зои. По Кати, с которой было так весело играть вместе, и еще веселее — отдавать ей все игрушки. Кати он готов был отдать все, что она ни попросит, а просить Кати умела. При этом даже в своем крохотном возрасте умудрилась понять, что Лар отдаст ей все, поэтому чаще всего на ее стороне скапливались горы игрушек, а со стороны Лара было одиноко и пусто. На самом деле мой сын мог просто часами сидеть и смотреть, как она играет, если дочка Зои не хотела с ним делиться, и ему это нравилось.

Кажется, он приходил в восторг от того, что Кати творила с игрушками.

— Сегодня, — сказала я. — Поедем сегодня.

— Правда? Правда, правда, правда?! — Сын так запрыгал у меня на коленях, что рисковал свалиться, пришлось заключить его в кольцо рук.

— Правда.

Тем более что до праздничной ночи осталось два дня, и помириться (или не помириться) с Зои стоило сегодня. Хотя бы потому, что я так и не купила себе платье, в котором пойду на праздник, так может, и не стоит его покупать. Если с Зои мы не помиримся, то платье мне точно не пригодится, я просто лягу спать ночью.

Драконы, что же за бред-то в голову лезет, а?

Ехать к Зои я решила вечером, когда она уже точно закончит работу, и, несмотря на то, что для Лара это было достаточно поздно, взять его решила с собой. Я и так выдернула его из привычной жизни слишком резко, пусть хоть немного окупнется в знакомое. Впечатления впечатлениями, конечно — все новое всегда привлекает, но судя по тому, как он сейчас ерзал, встреча с Зои и Кати для него была не менее важна, чем для меня.

Звонить и предупреждать заранее я не стала: решила, что говорить нужно с глазу на глаз, поэтому вечером отпустила Нию и выдвинулась с вальцгардами и Ларом в сторону дома подруги. ЛэЛэ был не особо доволен, но журналисты уже перестали обрывать мой телефон — видимо, утратили надежду, да и история с Алерой казалась миру куда более привлекательной в настоящий момент, поэтому он возражать не стал.

Во флайсе Лар крутился на сиденье, «прилипал» ладонями к окну, постоянно спрашивал, когда мы приедем, и сна у него не было ни в одном глазу. Из-за чего я окончательно уверилась в том, что правильно поступаю, когда взяла его с собой.

Дверь нам открыл Даг: увидев вальцгардов, растерянно замер, но тут же кивнул, приглашая войти. И нас с сыном, и их. На руках у него была Кати, которая тут же потянулась к Лару:

— Лаф!

— Кати!

Дагу даже пришлось поставить дочку на пол, осторожно ее поддерживая, чтобы они с Ларом могли обняться.

— Пожалуйста, подождите за дверью, — попросила сопровождающих я. — Здесь мне ничего не угрожает.

— Аврора, мы обязаны все проверить, — негромко произнес ЛэЛэ. — А кроме того...

Он не договорил, но я и без слов поняла: узор. Пламя. Угрозой здесь могу быть я, поэтому не стала больше ничего говорить. Вообще в том, что касается безопасности, у Вайдхэна все было просто на высшем уровне. Я, конечно, не знаток службы безопасности и телохранителей, но то, как слаженно они работали, говорило само за себя.

— А давайте-ка сделаем так, — Даг помог мне снять пальто, и я осталась в легкой блузке и джинсах. Что же касается друга, он наклонился и подхватил сразу и свою дочку, и моего сына на руки. — Мы сейчас все вместе пойдем играть. Да?

— Да-а-а-а! — Хором воскликнули сын и Кати.

— Зои пока на работе, — Даг покосился на вальцгардов, но комментировать никак не стал. Вообще. За что я была искренне ему благодарна. — Точнее, была на работе, сейчас уже летит домой. Отписалась недавно.

Я закусила губу.

— Так, сначала мыть руки.

— Мыть руки! — радостно воскликнул Лар.

Руки мы с ним мыли вместе, а потом он, даже не дожидаясь меня, убежал к Дагу с малышкой. Я же ненадолго задержалась у зеркала, вглядываясь в свое отражение: вроде бы все как прежде, Аврора как Аврора — светлые волосы, голубые глаза, высокие скулы, вздернутый нос. Но что-то все-таки изменилось, не внешне, нет. В моих глазах не искрило черное пламя Раграна, доставшееся мне от Бена, но достаточно было даже знания о том, что оно во мне есть.

Улыбнулась себе и огляделась: маленькая симпатичная ванная, совмещенный санузел — туалет и душевая кабина, раковина, зеркало над ней, шкафчики со всякими пузырьками, подставка для зубных щеток — и все это в таком милом беспорядке, таком привычном... Каждый раз, когда я приходила к Зои и Дагу, я видела этот уютный

беспорядок, который стал частью моей жизни, частью теплых чувств, которые я испытывала к друзьям.

Их небольшая, но очень уютная квартира — тоже. Наши совместные посиделки, наше общение, даже наши словесные перепалки, когда мы цеплялись за что-то. Вот только как эта прошлая жизнь будет сочетаться с моей настоящей? И... сможет ли она с ней сочетаться?

Тряхнув головой, вышла из ванной и направилась в спальню, где Даг уже изображал страшного дракона.

— Р-р-ры-ы-ы-ы! — рычал он, растопылив руки и наступая на Кати и Лара. — Р-р-ры-ы-ы-ы! Сейчас я вас всех съем!

Судя по хохоту дочери, драконов она не боялась, хотя радостно ковыляла вместе с Ларом прятаться в большой импровизированный шалаш, созданный из стульев и накинутого на них покрывала. Прислонившись к двери и обхватив себя руками, я с улыбкой смотрела, как Кати заползает в «пещеру», когда вдруг мой сын остановился, развернулся и выдал Дагу:

— Стоять! Я Черное пламя Раграна!

Не знаю, кто из нас больше очешуел — я или Даг — а вот Кати в своей пещере залилась радостным смехом. Выползла, опираясь на пухлые ручки уставилась на отца, который замер, как дракон перед иртвахом. Реально. Я тряхнула головой, отгоняя наваждение и ассоциацию, и в этот момент услышала голос Зои:

— Что я пропустила?

— У нас тут...

— Драконьи игры! — сказал Лар гордо. — Но я Черное пламя Раграна, и я победил. Дракон развернулся и улетел.

— Ого, — Зои перевела взгляд на меня. Совершенно нейтральный — ничего по нему не скажешь, и тут же снова посмотрела на мужа.

— Ну, я полетел, — сказал Даг.

— Птенцов заberi.

Надо отдать ее мужу должное, намек он понял. Забрал детей и «улетел» на кухню, добывать еду для своей драконицы, а выражаясь человеческим языком, накрывать на стол под бдительными взглядами дочки и Лара. Мы с Зои остались одни, и я заметила, что подруга выглядит уставшей. Очень уставшей — всегда бодрая и энергичная, она сейчас даже несколько осунулась, волосы, обычно уложенные (у

Зои был бзик на тему укладок и обязательных причесок даже в быту), сейчас были просто стянуты в пучок, из которого уже пружинками торчало несколько прядей.

Глядя на нее, я поняла, насколько я соскучилась.

А что поняла она, я не знаю.

— Прости меня, — мы сказали это одновременно, переглянулись, а потом, не сговариваясь, шагнули друг к другу и обнялись.

— Прости, Ава, я тебе кучу всего наговорила, — прошептала она. — Просто драконья жопа какая-то в последнее время, понимаешь... Дага уволили...

— Что?! — ахнула я.

— Да ну, — она отстранилась, устало махнула рукой. — Мы не хотели тебе говорить, но этот Ломеро стал гайки закручивать, а потом так неожиданно оказалось, — она выделила последнее слово, — что ключи от флайса одного из постояльцев исчезли, а у другого царапина на фаре обнаружилась, которая стоит как зарплата Дага за пару месяцев. Наверное, не стоит говорить, что он в эту смену работал, и это были его клиенты. Короче, уволили его, еще и со штрафом, так что он теперь ищет работу, найти не может. Злой все время. С ним мы тоже раз десять уже поругались, и помирились.

Она вздохнула.

— Но это все равно не повод тебе говорить то, что говорила я.

— Почему ты мне не сказала?! — воскликнула я.

— Про что?

— Про Дага! Про все это. Сразу. Вы... мы же друзья. Что значит — не хотели тебе говорить?

— Ну а что бы ты сделала?

Я — ничего.

А вот Вайдхэн...

На словах прикусывают язык, интересно, что прикусывают на мыслях? Потому что Вайдхэн только и делает, что достает меня из задницы, и просить его о чем-то таком я не имею права. А вот посмотреть, какие вакансии будут в Ровермарк, когда стану его личным секретарем — вполне.

— Пока не знаю, но что-нибудь придумаю, — сказала я. — Точно. Я обещаю.

Зои махнула рукой.

— Ладно. Чего уж теперь — все равно праздник завтра.

— Праздник... да, — я улыбнулась. — Представляешь, я сегодня думала, что хочу с тобой помириться, и о том, что если не помиримся, платье мне покупать незачем...

Зои непонимающе уставилась на меня, и я пояснила:

— Праздничное. Решила, что лягу спать и просплю до утра. Так что если не помиримся, то платье покупать не придется.

Когда до подружки дошло, она рассмеялась. Хохотала так, что поперхнулась, и мне пришлось стучать ее по спине. Правда, даже прокашлявшись, она все еще продолжала смеяться.

— Еще я думала, как подарить вам подарки.

— То есть подарки ты нам уже купила, а платье нет?

— Да.

— Ну, это главное.

На сей раз рассмеялась я.

— Всем. Кроме Кати. Мы с Ларом хотели выбрать подарок тогда, когда его похитили...

Зои мигом перестала улыбаться.

— Да, если бы не этот большой парень, кто знает, как все могло бы быть.

Я покачала головой:

— Давай об этом больше не будем. Просто скажи, что она хочет?

— Она сейчас хочет все. В магазине игрушек, — фыркнула Зои. — Возраст такой, сама понимаешь. Дай и хочу, по-моему, это два первых слова, которые она выучила.

— Вся в маму.

— Очень смешно, — фыркнула подруга.

Как раз в этот момент к нам постучал Даг:

— Ава и моя дорогая жена! Я понимаю, что у вас тут серьезный женский разговор, но ужин накрыт, а Кати уже собирается создать индивидуальный узор из макаронин. Поэтому я вас очень жду.

— Ладно. Поговорим о твоих новостях завтра, — Зои вздохнула. — А то чувствую, что помимо узора из макаронин мне придется еще осушать озеро из сока или море из супа. Кати очень не любит, когда ей скучно.

— У нее сейчас есть Лар.

— На это вся и надежда, — хмыкнула она. — Вот только не думай, что тебе удалось избежать серьезного разговора. В частности, о том, что происходит между тобой и Вайдхэном, и куда ты переехала.

Хотела бы я знать, что происходит между мной и Вайдхэном. Потому что он появляется в моей жизни, вспыхивает как сверхновая и исчезает как дракон в облаках. Не иртхан, а одна сплошная непредсказуемость.

— Переехала? — постаралась переключиться на вторую часть вопроса.

— Ну да. Я тоже к тебе приезжала. Пару дней назад. Наткнулась на закрытые двери, а поскольку Лар в такое время всегда дома...

Я вздохнула: да, нам о многом придется поговорить.

— Пойдем предотвращать озера сока и моря супа, — кивнула на дверь.

И, когда подруга вышла первой, все-таки не удержалась. Достала смартфон, написала: «Увидимся?» и нажала отправить быстрее, чем успела себя остановить. После чего направилась вслед за Зои на кухню.

Возвращались мы достаточно поздно, но ответа я так и не получила. Почему-то вот это молчание разозлило меня больше всего: ну не можешь ты увидаться — так и напиши, почему нужно включать игнор?! Тем не менее эту вспышку я погасила тут же, стараясь не «искрить» эмоциями на весь Рагран. Мне хотелось, чтобы мы с ним хоть раз нормально поговорили, безо всех вот этих драконовых штук и экстренных ситуаций, когда то я горю, то мы оба.

Про «мы оба» я вообще старалась не думать, потому что оно вписывалось в рамочную историю о том, как мужчина был очень заинтересован в женщине, потом получил, что хотел, и благополучно свинтил до лучших времен. В моем, то есть в нашем случае, до очередной особенности черного пламени.

Эта мысль вызвала очередную вспышку раздражения, а потом я заметила, что мы как-то осторожно садимся на парковку, немного дальше, чем обычно. Стоило нам опуститься, поняла почему: привалившись к одной из своих роскошных машин и беседуя с кем-то по видеосвязи, там стоял мой сосед.

Гонщик.

Элегард Роу.

Заметив меня, мужчина приподнимает бровь, и я чувствую себя очень странно. Как минимум раздетой, а как максимум... Ну, я даже не представляю, какой тут может быть максимум. Есть такой тип мужчин, которые смотрят на женщину, автоматически представляя ее без одежды и даже без белья. Похоже, этот... Элегард как раз относится к их числу, потому что он пробегается по мне таким взглядом, что мне раз десять положено покраснеть.

Вальцгардов он в принципе не замечает, как будто я не с сопровождением иду, а одна, и это, надо сказать, здорово раздражает. Не то, что он не замечает вальцгардов, нет — это даже плюс, я уже давно устала от того, что на меня все глазаю везде, где бы я ни появилась, будто я не с охраной хожу, а с ручными драконами — а то, *как* он замечает меня.

Если бы не это вот «замечает», Роу можно было бы назвать весьма привлекательным. Огненно-рыжие волосы, как вспышка костра в пустоши ночью, модная короткая стрижка, глаза темные — сейчас цвета не различить даже при освещении парковки, резковато-грубые черты лица, широкие плечи. Такая истинно мужская внешность и истинно мужская харизма, благодаря которой он, должно быть, и привык смотреть на женщин именно так.

Мы как раз идем мимо, когда он отключает связь и теперь уже смотрит в упор на меня. Вальцгарды подбираются, но их военные навыки явно ничто в сравнении с тем, как подбираюсь я. Особенно когда он насмешливо произносит:

— Привет, соседка.

— Добрый вечер.

Мне приходится призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы ответить вежливо. Мало того, что Вайдхэн так и не ответил на мое сообщение, так еще и всякие Роу взглядами щупают, даром что щупалец нет. Представить этого парня со щупальцами почему-то получается с первой попытки, и теперь я хочу это развидеть. Мало того, я теперь еще и пытаюсь выкинуть ее из головы, потому что мне хочется рассмеяться совершенно не к месту, а вот его, похоже, переклинивает.

Взгляд из щупающего вмиг становится серьезным, сосредоточенным и глубоким, а еще темным — как будто в бездну смотрюсь. Вот только эта бездна совершенно точно смотрит не на

меня, а на Лара, который, задрав голову, с истинно мальчишеским восхищением спрашивает:

— Это твои машинки?

Нет, я ничуть не удивлена, потому что мне несколько раз приходилось ловить сына в попытках потрогать флайсы, которые, если быть откровенной, в самом деле безумно красивые. Я ему объяснила, что трогать их нельзя без разрешения владельца, и Лар вроде как понял, а сейчас вот, пожалуйста.

— Мои, — неожиданно серьезно отвечает гонщик, после чего опускается, чтобы быть с моим сыном на одном уровне — глаза в глаза. Вальцгарды просто каменеют, и я их понимаю: у них внештатная ситуация. Да что говорить, у меня тоже внештатная ситуация, и что с ней делать я не представляю.

— А потрогать можно? Мама сказала, можно, если ты разрешишь. Если они твои, то ты ведь владелец, правильно?

Уголки губ Роу чуть приподнимаются, я бы даже сказала — вздрагивают. Как будто он пытается не улыбнуться, или не знает, стоит ли ему улыбаться.

— Правильно. Ты где научился так говорить?

— Меня мама научила! И сказала, что флайсы трогать нельзя, пока ты не разрешишь.

Вот теперь взгляд опять переводят на меня, и смотрят чуть более внимательно, уже не как на женщину, которую хотят раздеть. После чего Роу поднимается и отступает, указывая Лару на машины.

Восхищение в глазах сына надо видеть!

Он словно не верит, что это происходит с ним. Осторожно подходит и кладет ладошки на дверцу, а после выдыхает:

— Ва-а-ау! Она такая красивая! — запрокидывает голову, смотрит на Роу так, словно он ему дракона с неба достал, и в этот момент что-то меняется. Я прямо вижу, как темнеет лицо мужчины.

— У тебя мама тоже красивая. Давай меняться. Я тебе машину, а ты мне маму.

Лар растерянно моргает, не понимая, а я подбегаю, подхватываю сына на руки и сообщаю:

— Чтоб тебя дракон сожрал, задница наблова!

Осознаю, что сказала все это при Ларе, но мне уже все равно, я так стремительно лечу к своей двери, что все остается за спиной в

секунды. Вальцгарды проходят следом за мной, а я ставлю растерянного сына на пол, опускаюсь рядом с ним на корточки и заглядываю в глаза:

— Все хорошо, родной?

— Мам, я не хочу менять тебя на машину!

— Даже не сомневаюсь.

Мне хочется вернуться и как следует пнуть Роу в причинное место, чтобы у него там все отсохло и отвалилось. Потому что не завидую я его ребенку, если он у него будет.

— Но этот мужчина сказал...

— Этот мужчина просто пошутил, — глажу Лара по голове. — Но с чувством юмора у него не очень, поэтому его шутки никто не понимает, кроме его самого.

Наблова задница! Сказануть такое, когда ребенок тебе доверился!

У-у-у-у!

Справляюсь со своими чувствами только потому, что рядом стоит расстроенный Лар. Даже выбежавшая Дрим не спасает положение, менее грустным сын не становится. И я могу понять: для него владелец таких машин — это почти повелитель драконов, только без драконов, а на поверку оказывается наблова задница набловой задницей!

— Мам... а что такое задница наблова? — спрашивает Лар, пока мы раздеваемся.

Вальцгард за моей спиной то ли поперхивается, то ли не может сдержать смех.

— Это очень, очень плохой человек.

— То есть тот дядя плохой?

Я вздыхаю.

— Ему просто понравилась твоя мама, — приходит на помощь вальцгард. — И он вот таким образом это показал.

Теперь уже поперхиваюсь я, а Лар произносит:

— Но мама назвала его задницей набловой. И потом, она уже нравится Бенгаррну Вайдхэну!

Так, все. Можно я пойду спать?

— Спасибо, — говорю вальцгарду, который явно не знает куда себя деть. Киваю второму, беру Лара на руки и иду к лестнице. — Драконенок, пожалуйста, не повторяй то, что я сегодня сказала.

— Почему?

— Потому что это плохие слова, а я вышла из себя, и поэтому так сказала.

— Но ты же правда нравишься Бенгаррну Вайдхэну, — он снова растягивает «р» в его имени, а я думаю, что оно было здорово подошло для тренировки в логопедической практике.

Драконы, о чем я только не думаю, когда дело касается Вайдхэна.

— Давай-ка лучше купаться, — несу сына в ванную. — Купаться-купаться-купаться!

Несмотря на то, что поздно, Лар купается с удовольствием, а я почти не чувствую усталости. То ли на мне так сказались примирение с Зои, то ли вспышка адреналина на парковке. Уложив сына спать после ванны и оставив его на попечение довольной, наигравшейся с мыльными пузырями, Дрим и вальцгарда, иду к себе.

Сообщение по-прежнему одинокое, без ответа, и я швыряю смартфон на постель. Внимание привлекает какой-то огонек в коридоре, высовываю нос за дверь: на самом деле огонек не в коридоре, а на улице, у бассейна. Приблизившись, смотрю на Элегарда Роу, который стоит на краю крыши и курит. Словно почувствовав мой взгляд, поворачивается ко мне и поднимает голову. На лице — ухмылка.

Не удержавшись, показываю ему неприличный жест и с чувством выполненного долга иду спать.

[1] Аналог сторис, рилс в Инстаграм или ТикТок.

Глава 8

Проблемы с совместным празднованием Перемены года начались, когда мы с подругой созванивались по поводу того, что мне принести на праздничный стол и в процессе выяснилось, что Зои не хочет, чтобы за нашим праздником наблюдали вальцгарды. Я ее отлично понимала, особенно учитывая, что в не слишком большой квартире подруги помимо нас соберется еще пятеро гостей, а если туда добавить и вальцгардов... да даже если отбросить количество набившихся в комнату людей и иртыханов, появление вальцгардов однозначно вызовет живой интерес ко мне, и праздник превратится в перекрестный допрос.

Родителей Зои вообще мало что могло смутить, поэтому неудобных вопросов точно избежать не получится. Поэтому я спросила у ЛэЛэ, какие у нас варианты. ЛэЛэ, к моему удивлению, сразу не отказал, а ушел звонить. Подозреваю, что своему Биг Боссу, который по-прежнему меня игнорировал. Мне даже стало интересно, если я ему просто позвоню — он не ответит?

Эту мысль я отбросила за ненадобностью: его молчание после моего сообщения и без того отличный ответ. Никакие дополнительные вопросы не требуются.

Что я чувствовала по этому поводу?

Не знаю. Я запретила себе об этом думать, особенно в предпраздничный день, и поехала по магазинам. А когда вернулась из совершенно головокружительной восторженной суеты, выяснилась вот эта история с вальцгардами. Хотя, по-хорошему, мне стоило подумать об этом заранее и заранее все обсудить, но голова была забита другим.

Куда исчез Вайдхэн, да.

Дура ты, Аврора. Какая же ты все-таки дура!

Вот так обругав себя, я направилась к Лару, Ние и пребывавшей в радостном возбуждении Дрим. Ее, в отличие от меня, совсем не смущало, что бывший хозяин к нам не заглядывает, она как будто впитывала все настроение моего сына. Поскольку Лар был в восторге от предстоящего, она тоже. Крутилась вокруг стола на кухне, хлопала крыльями, при этом не забывая умильно заглядывать в глаза в надежде, что ей перепадет печенье.

— Как вы тут? — спросила, глядя на составляющую посуду в машинку Нию.

— Мы поели, — ответила она. — Сейчас пойдем спать. Правда, Лар?

— Нет, — скуксился сын. — Не хочу спать.

— А на праздник с мамой хочешь?

— Хочу!

— Тогда надо немного отдохнуть, чтобы ты не заснул вечером, и маме не пришлось ехать без тебя.

Спасибо всем, кто послал мне Нию. Хотя я знаю, кто мне ее послал, и тот факт, что сейчас мне хочется послать его, не отменяет благодарности за самую лучшую в мире няню! Еще несколько месяцев назад я даже представить не могла, какое это счастье. Когда рядом с моим сыном находится женщина, которая безумно любит детей, а ее присутствие позволяет мне спокойно поехать в торговый центр перед праздником и не тащить с собой ребенка, который только устанет ото всей этой суеты.

— Все, пошли! — Она подхватила Лара на руки. — Мы и так припозднились. Собиралась уложить его после обеда, — пояснила мне, — но потом поняла, что после полдника будет лучше. Все-таки вы сегодня допоздна.

— Да. Спасибо, — я благодарно улыбнулась, а, оставшись одна, огляделась.

Просторная кухонная зона, отделенная от зала на первом этаже лишь высоченной стеной-перегородкой, была раза в три больше, чем квартира, в которой мы жили еще неделю назад. Вся техника современная, ультрановая, мягкие пастельные оттенки в интерьере — белый, бежевый, пудровый. Ничего лишнего, все убирается клининговой службой, названия которой я даже не знаю.

Зачем вот это вот все? Для женщины, которая ничего для тебя не значит.

— Риам Этроу. — Я вздрогнула и обернулась: ЛэЛэ подошел так бесшумно, что я даже не услышала.

Одно слово — иртхан!

— Да?

— Риамер Вайдхэн сказал, что ваш праздник у подруги без сопровождения допустим, но нужно будет сдать анализы.

Вот тут я всерьез зависла.

— Зачем?

— Такое условие. Мы должны посмотреть, как ведет себя пламя в вашей крови.

— А оно в разные времена ведет себя по-разному? — уточнила я. — У него что, настроение меняется?

У ЛэЛэ дернулись уголки губ.

— Нет, риам Этроу. Но это позволит нам понять, можем ли мы оставить вас в квартире подруги на какое-то время или нет.

— Хорошо, — махнула рукой. — Давайте ваши анализы.

Начальник службы *моей* (с ума сойти!) безопасности кивнул и вышел, а я собиралась налить себе воды, когда услышала звонок. Переливчатый, эхом прокатившийся по огромной квартире от холла, до, казалось, самого дальнего уголка.

Когда я вышла к дверям — внутренним, а не тем, через которые так удобно заходить с парковки — вальцгарды уже встречали непрошеного гостя. Непрошеного, потому что им оказался не кто иной, как Элегард Роу, который стоял в дальнем холле.

С букетом цветов и подарочной коробкой.

От такой наглости, я, мягко говоря, очешуела. Не то чтобы я агрессивно настроена, но мне захотелось этим букетом его треснуть, а коробку надеть голову. И нет, я не Вайдхэна хотела треснуть букетом, правда-правда, а вот этого конкретного типа, который стоял у меня в дальнем холле после всего, что наговорил вчера.

— Я пришел извиниться. И поговорить, — выдал он раньше, чем я успела отнять букет и коробку и воплотить свои мечты в жизнь. Тем более что цветы он мне протягивал сам, совершенно очевидно не догадываясь о моих на них планах. — Это вам. В коробке подарок вашему сыну. Точная копия первой гоночной модели из прошлого века.

— Вы всерьез считаете, что нам это нужно? От вас? — Я наконец-то обрела дар речи. — Извиниться — пожалуйста, извиняйтесь. Только не передо мной, а перед ребенком, он в отличие от меня вообще ничего не понял. А вот насчет поговорить...

— Аврора, я прошу прощения. У вас. У вашего сына могу попросить тоже, но только после того, как мы поговорим.

Нет, он еще и по имени меня называет! Откуда узнал только?

Хотя, если уж быть откровенной, сейчас мое имя точно знает весь Рагран, и, есть такая возможность, что кто-то из других стран, если новости просочились за пределы моей.

— Хорошо, — я сложила руки на груди. — Говорите. Тут. Все, что хотели, а потом уходите.

Элегард огляделся, но не нашел ничего, на что поставить подарок и цветы — декоративный столик (с ума сойти, из дерева[1]!) — стоял чуть поодаль, поэтому он опустил коробку на пол, накрыв ее сверху букетом.

— У меня был сын. Примерно как ваш. Погиб два года назад вместе с матерью. Я сам не ожидал, что меня так накроет, когда вас увидел, но вот накрыло. Поэтому... — Он махнул рукой. — Просто заберите этот наблов флайс и отдайте ему. Цветы можете выбросить, если хотите.

Он не стал дожидаться моего ответа, просто развернулся и вышел за по-прежнему открытую дверь, а я стояла и смотрела на нее, пока меня не отпустило после его слов. Когда отпустило, и я все-таки добежала до двери, выглянула в коридор — Роу уже не было. Мне не оставалось ничего другого, как просто ее закрыть и, под взглядами вальцгардов, поднять цветы.

— Поставьте в воду, пожалуйста, — попросила я. — А машину отнесите Лару.

— Мы должны проверить...

— Да, разумеется, проверяйте, — махнула рукой и ушла на кухню. Это больше напоминало бегство, да что там, оно бегством и было.

На кухне я налила себе воды, и, сама не знаю зачем, полезла в сеть читать про Элегарда Роу. Точнее, не про Элегарда. Про его семью, хотя они не были его семьей. Так и не стали. У него была интрижка с Сельен Морэ, рагранской моделью, и она родила от него сына. Злые языки писали, что ребенка Морэ завела, рискуя карьерой, чтобы привязать к себе Роу, но Роу оказался нелюбителем брачных уз, и Морэ осталась с ребенком, без мужа и без карьеры. Справедливости ради, — писали источники, — без средств к существованию Роу их не оставил, регулярно откупался деньгами, и достаточно хорошими, чтобы содержать и мать, и ребенка.

На его же деньги Сельен с сыном поехали в Аронгару (сама модель больше нигде не работала), чтобы посмотреть на гонки, в которых должен был участвовать Роу. Кто-то даже писал, что мир ждет возрождение их романа, и, возможно, создание семьи, но так это или нет, никто не узнал. Они с сыном погибли в катастрофе, когда летели от телепорта в отель.

Я не знала, насколько я выпала из реальности, в себя пришла от того, что моего плеча мягко касался ЛэЛэ.

— Риам Этроу, приехали медики.

— Да. Иду. — Я обернулась, и начальник службы безопасности изменился в лице.

Только сейчас я поняла, что у меня щеки залиты слезами, и что к стакану с водой я так и не притронулась.

— Риам Этроу, что случилось? — Взгляд вальцгарда мгновенно стал цепким, а голос — сильно, профессионально-резким, как будто он готов был за меня убивать.

Возможно, так и оно и было, не знаю.

— Ничего, — покачала головой, не желая больше вдаваться в подробности. — Эмоции.

— Выпейте воды. — Он вручил мне мой стакан, а потом выдернул из кремово-дымчатой тяжелой подставки несколько сипроновых платочков. — Вот. Возьмите.

— Спасибо.

Я действительно приняла платочки из его рук и ушла в ближайшую гостевую ванную, а вернулась уже к медикам, которые на этот раз ждали меня в центре гостиной. Приехали сразу с целой переносной лабораторией, как обычно, но в этот раз без сканирующей капсулы.

Меня усадили на диван, измерили показатели, после чего взяли кровь.

И спустя двадцать минут уже стали собираться, на ходу кивнув ЛэЛэ.

— Мне никто не хочет ничего объяснить? — поинтересовалась я у начальника службы безопасности.

— Я объясню, — пока медиков провожали его подчиненные, он опустился рядом со мной на диван. — Хорошая новость, риам Этроу:

вы сможете поехать к подруге, и вам не потребуется сопровождение в квартире.

— Есть еще и плохая?

Иртхан улыбнулся.

— Зависит от того, как вы ее воспримете. Маркер черного пламени из вашей крови исчез, Аврора. Пламени в вас больше нет.

— Что? — я вгляделась в лицо вальцгарда, как будто хотела найти там объяснение услышанному. Его слова показались мне абсолютной бессмыслицей, на миг даже подумалось, что я разучилась понимать рагранский.

— Пламя. Оно исчезло.

Я перевела взгляд на подтянутый рукав, а после — на узор, который на мне остался. Никуда не делся. Не выгорел. Не слинял, но пламени больше нет. Это как? А главное — что это значит?

Это значит, что ты можешь вернуться к старой жизни, Аврора. Спокойно танцевать в Грин Лодж, если тебе еще не нашли постоянную замену, и...

— Риам Этроу...

— Аврора, — автоматически поправила своего безопасника я, хотя в реальность до конца так и не вернулась.

Получается, что дракону Бена я больше не нужна? Или я ему не нужна потому, что я не нужна ему...

Мне захотелось сбежать к себе и разреваться, но разве так реагируют на хорошие новости? В смысле, на новости о том, что я спокойно могу праздновать у подруги, смотреть вместе со знакомыми на фейерверки и не переживать о том, что я кого-нибудь подпалю.

— Аврора, — повторил за мной иртхан. — Все хорошо?

Нет. Не все.

И наверное, это должен чувствовать тот, кто говорил, как он меня чувствует, что он во мне чувствует... или больше не чувствует?

— Спасибо за хорошие новости, Лоргайн, — поблагодарила и поднялась. — Мне правда очень приятно, что я смогу отметить самый чудесный праздник с близкими и родн...

Я осеклась, понимая, что несу какую-то совершеннейшую чушь, а еще поняла, что меня слегка трясет. Или не слегка. Последний раз я себя чувствовала так, когда Карид заявил мне, что я должна пойти на аборт, и сказал, что даст денег. Я все еще отказывалась верить в то, что

услышала, но где-то глубоко внутри меня уже поселился холодок осознания, что мой мужчина посоветовал мне убить моего ребенка. Не просто посоветовал, выдал это как данность, как факт, от которого я тогда убежала, потому что побоялась, что холодок доберется до растущего внутри меня маленького существа и отравит его точно так же, как слова его отца отравили меня.

И вот теперь — приветик, опять в ту же пещеру.

Хорошо хоть, что я не беременна! Иначе был бы полный чешуец.

— Я пойду к себе. Немного полежу и отдохну, — сказала, чтобы сгладить впечатление от своей наверняка диковатой физиономии. — Мне нужно подготовиться к празднику, гулять будем долго.

На этом нелепейшем объяснении я и сбежала к себе. Стараясь не думать о том, как шустро сегодня Вайдхэн ответил на звонок Лоргайна, и на то, что времени на меня у него не нашлось. Совсем.

У себя я действительно легла в надежде, что получится хотя бы подремать, но какой там. Глаза у меня открывались сами собой, как будто я выпила литра три наикрепчайшего кофе, и закрываться обратно отказывались. Больше того, в голове крутились дикие мысли о том, что я опять поверила мужчине, которому совершенно не нужна.

Ну как поверила... допустила мысль о том, что между нами что-то может быть. Между мной — девочкой, которая танцует балет в ресторане, и между ним — правящим мировой державой.

Ото всех этих мыслей даже разболелась голова, я ворочалась с боку на бок, то смотрела на сверкающую на морозном солнце Рива Эльте, то жала на кнопку, чтобы опустить жалюзи, но темнота не спасала.

В голове, как рой рагранных пчел, крутились мысли о том, что теперь говорить Зои — что она была права?

Что говорить Лару? Что этот мужчина тоже не хочет с нами дружить?

А главное — как себя с ним вести, когда мне придется выйти к нему на работу секретарем? Не выходить?

Мысли жужжали и жалили не менее больно, чем те, с кем я их сравнила, поэтому я плюнула на отдых, поднялась и пошла делать себе кофе. На обратном пути заглянула к Ние, попросила, чтобы она помогла мне собрать салаты, которые я купила для праздника —

разложить их в пакеты, чтобы ничего не попереворачивалось в дороге до Зои, и вернулась к себе.

Благо, уже надо было начинать собираться, и я сделала то, что делала всегда, когда хотела избавиться от напряжения и терзающих меня мыслей. Ушла в действие. Для начала, разложила на столике все содержимое своей косметички, потом — приняла ванну, на которую никак не откликнулся ни узор, ни я. Когда я булькнулась под воду, из носа у меня натурально пошли пузыри, и я чуть не захлебнулась. Отплевываясь и кашляя, пришлось признать полную безоговорочную капитуляцию глубоководного дракона, имевшего на меня виды еще совсем недавно.

Оставив укладку напоследок, я сначала сделала себе вечерний макияж, оттенив глаза и подчеркнув брови. Для губ — нюдовая помада, как всегда, и, закончив с лицом, я пошла за платьем. Оно было достаточно простенькое (я мысленно обругала себя за то, что назвала платье простеньким из-за Вайдхэна — ему бы оно точно таким показалось), но, на мой взгляд, очень красивое.

Серебристо-голубое, блестящее, с длинными рукавами и присборенной облегающей мини-юбкой. Под него у меня «завелись» бежевые туфли-лодочки, которые подходили под мой макияж и под маникюр, которым я сейчас занялась сама.

В завершение сделала укладку, оставив волосы распущенными, приподняв их с помощью объемной насадки фена, а с помощью другой превратила пряди в крупные волны.

— Мама, какая ты красивая! — выдохнул Лар, когда я вышла из комнаты.

Ния уже полностью его собрала, и сын, готовый выдвигаться к своей любимой Кати, сейчас смотрел на меня, открыв рот.

Почему-то именно это восхищение в его взгляде окончательно вытряхнуло из меня все лишние мысли.

— Спасибо, драконенок, — сказала я. — Все подарки отнесли во флайс?

Я спрашивала у Нии, но сын ее опередил:

— Да! Я проследил, — заявил, раздуваясь от важности.

— Какой ты у меня молодец! — Я улыбнулась, и Лар просто засветился от радости. — Все, готов? Тогда едем! Ния, это тебе.

Я протянула няне крохотную подарочную коробочку, и женщина изумленно охнула:

— Что? Что это?!

— Подарок. Завтра и послезавтра у тебя выходные, — поэтому я решила поздравить ее заранее. — Откроешь в час перехода и улыбнешься, надеюсь.

Ния судорожно вздохнула и осторожно меня обняла, а я увидела, как за ее спиной улыбается Лоргайн Лэнне, которому, между прочим, я тоже приготовила подарок. Но ему я его отдам завтра — у охраны, видимо, выходных не бывает. Тому, кто не отпускает охрану на выходные, я тоже готовила подарок, вот только теперь...

Я отрезала себя от этой мысли так же быстро, как в нее окунулась.

Не буду сейчас об этом думать, и вообще о нем больше думать не буду. Пусть сам теперь драконит своего дракона, а я еду праздновать!

Глава 9

Зои я так ничего и не сказала, да у нас как-то и не было времени говорить обо всяких «черных пламенах». Сначала мы суетились, доделывали все на стол, что-то заправляли, что-то резали, что-то красиво раскладывали. Даг в это время следил за нашей малышкой, а потом пришли гости, и Зои побежала переодеваться. Вряд ли она забыла про наш разговор, скорее, забыла про него в моменте, а потом стало как-то не до этого.

Мы сели праздновать, вспоминали заканчивающийся год, который вот-вот сменится новым, говорили о том, что хорошего в нем случилось. Шипело в бокалах веоланское, а Лар, выпросивший себе «такой же бокал», совершенно серьезно изображал взрослого мужчину, наливая туда сок самостоятельно, крепко вцепившись в графин ручками. Он еще и за Кати умудрился поухаживать, налив и ей тоже в пластиковый ярко-розовый детский стаканчик с мордахой виара. Чем вызвал небывалое умиление всех собравшихся.

— Аврора, напомни, сколько ему? — спросила сестра Зои, такая же невысокая, как и подруга, но в отличие от нее, очень коротко стриженная. Темные пружинки ее волос были совсем короткими, она еще и уложила их каким-то гелем, из-за чего они выглядели влажными.

— Два.

— Чуть больше, — вмешалась Зои. — Но он такой заводной парень, фору всем пятилеткам даст.

— Да и разговаривает отлично, — добавил отец Дага, — я бы не сказал, что ему два.

— Я взрослый! — выпалил Лар, который, впрочем, слегка смутился от такого пристального внимания к своей персоне.

— Конечно взрослый, — подтвердил мужчина. — Вон как за моей внучкой ухаживаешь.

Невысокий, коренастый, он широко улыбнулся, и Лар, ободренный таким, выпалил:

— Я на ней женюсь!

В этот момент Даг поперхнулся, а Зои, с трудом сдержавшая смех, хорошенько постучала мужа по спине. На самом деле я была искренне

благодарна, что не говорили обо мне — все-таки история с неудавшимся похищением Лара и моей новой работой была более чем известна, но то ли подруга заранее всех предупредила, что на эту тему ни-ни, то ли сами родственники решили, что пока не стоит залезать на эту территорию. К моему величайшему и безграничному счастью, поскольку мне своих мыслей хватало. Возможно, я была неправа, когда думала, что меня будут без стеснения расспрашивать обо всем.

— Аврора, поможешь с горячим? — Зои кивнула мне, и мы, пробираясь между раздвинутым и увеличенным по случаю гостей столом и горой подарков под праздничными гирляндами, выбрались на кухню. Вместе мы вытащили тяжеленный поднос с запеченным в сливочном соусе мясом, каждая порция которого была в отдельном горшочке, и Зои посмотрела на меня:

— Ну? Ты как?

— Я? Все отлично.

Подруга изогнула бровь.

— Правда все отлично. Поговорим потом, хорошо? Давай лучше подавать, а то аниматоры приедут, и всем станет не до горячего.

Оказывается, Даг и Зои заказали для детей аниматоров, чтобы те поздравили их с праздником и создали дополнительную атмосферу сказки. Произойти это должно было примерно за час до фейерверков, потом мы собирались укладывать детей спать — разумеется, до того, как они посмотрят подарки, об этом не шло и речи. На красивые, аккуратно уложенные в комнате коробки, больше всех косился Лар, но и Кати тоже тянулась. Правда, больше потому, что они были блестящие и с большими бантами, которые дочка подруги очень хотела пощупать.

С горячим мы успели почти вовремя: расставили на тарелки, отнесли на стол и даже успели поесть. Когда раздался звонок, и Даг поспешно поднялся.

— А кто это к нам пришел? — Он заговорщицки подмигнул Кати и Лару, отложившему ложку. — Мы никого не ждали. Пойду проверю!

Он ушел проверять, и только мы с Зои, кажется, сидели спокойно и улыбались — взрослых гостей тоже в известность не поставили, решили сделать сюрприз. Я ненадолго ушла в себя — повернулась к окну, рассматривая мерцание гирлянд в окнах, которые было видно, потому что мы у себя тоже приглушили свет и включили такие же гирлянды по всей комнате. Возможно, поэтому не сразу поняла, что

вокруг меня как-то подозрительно тихо, а когда поняла, совершенно некстати споткнулась об отражение в окне.

Отражение шагнувшего в комнату Бена.

Тишину нарушили только его шаги, а следом — кашель поперхнувшегося отца Дага и крик Лара:

— Папа!

Если бы что-то и могло нарушить мое равновесие еще сильнее, оно точно существовало не в этой Вселенной, потому что прыгающий со своего креслица Лар, несущийся к Вайдхэну у всех на глазах после такого заявления — это... это... у меня даже слов не находилось. Не находилось их ни у кого из присутствующих, кроме Вайдхэна, которого вопль моего сына совершенно не смутил.

Он подхватил его на руки с таким видом, как будто так и должно было быть, и поздоровался:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — хором отозвались все. Ну, кроме Кати, которую больше интересовал стаканчик, в котором не осталось сока.

Она перевернула его и хлопнула о подставку на кресле, от этого громкого звука сестра Зои подпрыгнула, а меня будто вытряхнули из ступора, в котором я оказалась с того самого момента, как он вошел. В конце концов, если у него хватило совести явиться сюда после всего, и делать вид, что ничего не произошло, то я-то точно такой вид делать не буду!

— Риамер Вайдхэн, — сказала я, поднявшись. Шагнула к нему и попыталась забрать Лара, но он держал крепко. Больше того, мой сын выглядел таким счастливым! Еще и руками его за шею обнял, подтверждая то, что у меня не случилось слуховых галлюцинаций. Надо вообще понять, откуда у него такие мысли? Как он вообще додумался такое брякнуть?!

— Отдайте Лара, — прошептала одними губами.

— Аврора.

— Риамер Вайдхэн.

Наконец, он уступил, и Лар перекочевал ко мне на руки, правда, мгновенно перестал улыбаться.

— Мам, а почему ты не сказала, что...

— Зои, пожалуйста, — я вручила ребенка подруге, которая смотрела на нас очень большими глазами, и, не дожидаясь

продолжения представления, направилась на кухню. Мне, конечно, не привыкать танцевать на сцене, но собственную жизнь и чувства на всеобщее обозрение как-то выносить не хотелось.

Удивительно, до чего можно додуматься, пробежав короткий коридорчик до кухни! Начиная с того, что он явился, потому что посчитал, что имеет право вот так вторгаться в мою жизнь по щелчку пальцев, и заканчивая тем, что Ния вешала Лару на уши драконью чешую по его приказу и говорила, чтобы он называл его папой!

Это же... это...

— Что ты творишь?! — развернувшись, стараясь не повышать голос, почти прошипела я. Обидно было не передать как. — Зачем ты пришел?! После того, как игнорировал меня целую неделю. После того, как... это вообще что для тебя, игрушки? Человеческие чувства? Мой сын? Тебе нравится его спасать, нравится, что он смотрит на тебя с обожанием? Ты...

Вайдхэн шагнул ко мне очень резко.

Так резко, что я не успела отступить, а в следующее мгновение меня уже обожгло. Знакомой близостью. Знакомыми объятиями. Знакомой силой и даже пламенем, которое мгновенно закипело в венах, своей мощью выжигая все, что я только что чувствовала.

Нет, не хочу!

Не хочу становиться марионеткой этого пламени. Не хочу так!

Рванувшись назад, я, разумеется, потерпела сокрушительное поражение, потому что меня только крепче прижали к себе. Прижали, коснулись губами виска, обжигая кожу дыханием, лаской, этим знакомым близким-далеким прикосновением. И еще сильнее обжигая голосом, словами:

— Прости меня, моя девочка. Я все делаю не так.

До этой минуты, до этого самого мгновения мне казалось, что обжечь сильнее уже нельзя, но, оказывается, можно. Я вырываюсь из его рук дикой виари, кажется, у меня даже чешуя на спине проступила, и сейчас она стоит дыбом.

— Прости?! — шиплю я. — Простить — за что? За то, что ты вытряхиваешь меня из своей жизни и исчезаешь, а потом появляешься, когда вздумается...

Я осекаюсь: мне вдруг становится понятно, что нам с ним не о чем говорить. Я никогда никому не закатывала сцен, никому, даже

Кариду, хотя надо было со всей дури треснуть его сначала по голове, а потом в пах — когда он предложил мне сделать аборт. Но нет, я тогда удержалась, и сейчас удержусь. Мы взрослые люди, и с Вайдхэном нас ничего не связывает. Ничего, кроме черного пламени, но черного пламени во мне больше нет, так что...

Я пытаюсь его обойти, но это не так-то просто. В маленькой кухне Зои Вайдхэн кажется просто великаном, как он тут вообще помещается, а не на своих шикарных бесчисленных квадратных метрах — непонятно.

— Дай пройти, — говорю я.

— Нет. Пока мы не поговорим.

— Я тоже хотела поговорить. Вчера. Теперь это уже не актуально.

— Аврора, не будь ребенком.

Нет, я все-таки его тресну. Эта мысль кажется настолько привлекательной, что я начинаю оглядываться в поисках чего-то подходящего, потом ловлю себя на том, что я делаю и зачем. А спустя еще несколько мгновений — на том, что последний раз у меня было такое поведение, когда... когда во мне еще было черное пламя, и именно Вайдхэн сказал, что я чувствую себя так, потому что я как подросток с пламенем. Ну то есть именно такие гормональные изменения происходят у иртханов-подростков. Но ведь...

Я все же тяну рукав платья наверх и смотрю, как узор снова оживает, расцветая искорками.

Ик!

В этот момент я понимаю, что меня не держат ноги и сажусь. Мимо стула. К счастью, Вайдхэн опережает меня и подхватывает: на том месте, где должен был быть стул, у Зои всегда там стул, но сейчас — пустота. У меня такая же пустота в мыслях. Вот прямо в точности такая же, иначе как объяснить, что я позволяю Вайдхэну усадить меня на стол и опереться ладонями по обе стороны от моих бедер, больше того, еще и приблизить лицо к моему.

— Позволь все тебе объяснить.

— У меня только что не было пламени, — я вытягиваю руку с узором как доказательство, хотя доказывает она сейчас прямо противоположное. — Вот.

— У тебя не было пламени, потому что меня не было рядом. А я должен был проверить эту теорию.

У меня глаза расширяются. По ощущениям, на пол-лица.

— Так ты поэтому исчез?!

— Не только. Когда мне доложили, что маркер пламени в твоей крови исчезает, я понял, что должен выяснить причину. Но, помимо этого, я узнал, что маркер пламени в моей крови утрачивает интенсивность и становится более стабильным, когда рядом ты. В результате я сдался на серию всевозможных анализов, и...

— И?.. — зачем-то перебила я.

— И узнал, что с каждым днем без тебя моя сила возрастает все больше. Маркер в моей крови перешагнул высшую отметку уже давно, но рядом с тобой он стабилизировался. Пока тебя долго не было рядом, он возрос вновь и достиг тех показателей, которые уже считаются критическими.

— То есть?

— То есть иртханы с такими показателями сходят с ума. Изначально черное пламя сводило с ума именно благодаря тому, что никто не мог выдержать этой силы... Ты правда хочешь говорить об этом сегодня?

— Ты собирался мне все объяснить.

— Свое исчезновение, — он подался еще ближе, почти касаясь губами моих губ. — А не все, что я говорю сейчас.

Со мной опять творилось что-то странное. Разум помахал мне ручкой, животное притяжение, от которого начинала кружиться голова, словно нашептывало: «Вперед, Аврора, просто подайся вперед... ты же хочешь его поцеловать, просто коснись его губ...»

Вот только раздвоения личности мне еще не хватало! На Аврору и Самку Черного пламени! Поэтому я чуть отклонилась назад. Вайдхэн, к счастью, намек понял и не стал давить, и на том спасибо. Благодаря чему у меня получилось выпрямиться, сесть ровно и произнести:

— Давай подведем итог. Ты решил проверить, насколько маркер в моей крови зависит от твоего присутствия рядом. А заодно выяснил, что я для тебя стабилизатор, который не позволяет сойти с ума. Так?

Он оттолкнулся от стола и вздохнул. Даже прищурился, чуть насмешливо и так знакомо, что мне захотелось закрыть глаза только чтобы этого не видеть. Чтобы не воспринимать его... настолько близким. Хватит уже и того, что мне с «папой» Лара теперь

разбираться и, что-то мне подсказывает, с Зои и со всеми ее родственниками тоже.

— Значит, изo всего, что я сказал, ты выделила именно это?

— Я резюмировала. Твоя секретарь объяснила, что это важный навык, когда работаешь с такими объемами информации, как у тебя.

Он улыбнулся, но я не поддалась.

— Аврора...

— И, несмотря на все, что я все это резюмировала, — я спрыгнула со стола, — я поняла только то, что тебе не хватило времени, одной-единственной минутки в вашем донельзя напряженном графике, риамер Вайдхэн, чтобы позвонить или написать мне. Чтобы человеческим или хотя бы ир்தханским языком все объяснить. Я понимаю, что вы очень заняты, но я думаю, что была достойна хотя бы минимального объяснения. Я бы не стала за вами бегать и умолять о встрече, и уж тем более не стала бы мешать вашему чудесному эксперименту. Поэтому сейчас — пожалуйста, у меня к вам всего лишь одна просьба. Уезжайте, позвольте мне провести этот вечер с друзьями, оставьте меня в покое.

— Я не хочу оставлять тебя в покое, Аврора.

— Этого хочу я, — я посмотрела ему в глаза. — И не надо говорить, что ты чего-то не хочешь. После того, как ты спокойно оставил меня в покое на все предпраздничное время, от лишних суток ничего страшного не произойдет. А может быть, и от двух. А может быть, и от недели. Что касается пламени, которое вы мне сейчас передали, можете пригласить вальцгардов в квартиру. Думаю, эпичнее вашего появления сегодня уже ничего не случится.

Я все-таки обошла его и вернулась в комнату. Как на меня уставились!

— Мам, а па...

— Риамер Вайдхэн зашел меня поздравить, но сейчас уже уходит, — ну а что я еще могла сказать?

К счастью, вскоре хлопнула дверь. Лар скуксился, явно собираясь разреветься. Не успел: снова раздался звонок, и на сей раз Даг действительно убежал встречать аниматоров. Появление которых предотвратило слезы моего сына и град вопросов, который вот-вот должен был на меня обрушиться.

Впрочем, пока аниматоры развлекали детей, разыгрывая небольшую зимнюю сценку с драконами, к нашей уютной компании присоединились вальцгарды.

Да, что ни говори, а этот праздник все запомнят надолго.

[1] В мире драконов древесина на вес золота

Глава 10

— Это все, конечно, очень весело, но что ты с этим будешь делать, подруга?

Отгремели праздничные фейерверки, дети уже спали, все обменялись подарками, а мы с Зои стояли на кухне и смотрели на те фейерверки, которые можно было запускать самостоятельно. Наше предложение погулять было воспринято без особого энтузиазма, и не последнюю роль, как мне кажется, в этом сыграла моя охрана. Хотя возможно, я слишком много об этом думала, и у всех просто-напросто выдался сложный и загруженный конец года.

Спасибо Зои, она меня поддержала, и ни разу за все время наш разговор и праздник не свернул на обсуждение того, что произошло. Что же касается меня, я не выдержала и выложила ей все. Вот прямо все-все, от и до. Подруга, конечно, была шокирована, но всячески шутила и пыталась сделать вид, что у нас обычные девичьи посиделки, а не серьезный разговор.

Правда, для серьезного он проходил в слишком праздничной обстановке — гора посуды на кухне напоминала о том, что в комнате еще томятся гости, которые ждут десерт. Десерт лирасу Зои делала каждый год, и он у нее был безумно вкусным. Я его просто очень любила, но у меня он никогда толком не получался.

— Давай лучше уберем все в посудомоечную машину, а потом...

— Э-э-э, нет. Ты от ответа-то не увиливай.

— А что тут отвечать? — Я пожала плечами. — Ты знаешь, чем закончилась последняя наша встреча. Не просто знаешь, ты это видела.

— Вот именно. — Зои выразительно приподняла красиво оформленные брови. — Я это видела! Правящий приперся ко мне в гости, и я чуть челюсть не уронила, но ты взяла и выставила его за дверь. Какая ты после этого подруга?

Я даже от фейерверков отвлеклась, хотя сверкали они красиво. Последний вообще был полупрофессиональный, и в небе возникла фигура дракона, которая мгновение спустя рассыпалась огненными и золотыми искрами.

— Ты сейчас пошутила, да?

— Да нет, — Зои сложила руки на груди. — Я просто в шоке. Он же приехал к тебе, Ава. Прямо сюда! Ты много знаешь таких мужчин, которые попрутся в незнакомую компанию ради женщины, на которую им плевать? Ну а особенно правящих, которые решат навестить наше скромное жилище.

— Вот именно. Он решает, что ему делать и как ему делать, а главное — что...

— Стоп! — Зои развернулась ко мне и развернула меня к себе за плечи. — Я вот тогда тоже несла всякую чушь в кафе, но после того, что я сегодня увидела, скорее отгрызла бы себе язык, чем сказала такое. Ты же понимаешь, что он — *он* — приехал вот прямо сюда. Не попросил тебя привезти. Не спустился с этажа на этаж на своем золотом лифте, инкрустированном драгоценностями. Он. Приехал. Прямо. Сюда. В наш район. Потому что понимал, что накосячил. Потому что это был его способ извиниться. Потому что — ну вот так получилось. Я знаю, что у тебя там драконьи гормоны попросыпались и превратили тебя в подростка, но где-то под слоями этой малолетки, я надеюсь, все еще осталась знакомая мне здравомыслящая Аврора, которая сейчас слушает меня и думает: «Какого набла?! Какого набла я с ним нормально не поговорила?!»

— То есть ты на его стороне?!

Зои закрыла лицо руками и глухо буркнула:

— Не осталась.

— Эй, — я постучала в ладони. — Откройте.

— Никого нет дома.

— Есть. Я знаю.

— Нет.

— Ну и кто из нас подросток?

Подруга убрала руки от лица и выразительно на меня посмотрела, а я пожала плечами.

— Знаю, — ответила я. — На самом деле ты права.

— Да неужели?! — она всплеснула руками.

Я хмыкнула, и Зои стала серьезной.

— На самом деле я думала об этом весь вечер.

О том, что он действительно мог сделать все по-другому, но приехал сюда. К моим друзьям, которых я очень сильно боялась потерять, потому что думала, что мы окажемся в разных мирах. Я

боялась, а он просто взял и приехал, и вот так легко перешагнул эту границу, которая казалась для меня выше горной гряды. Просто разрушил ее одним своим поступком. Я знала, что разговоров об этом теперь будет очень много. Нет, родственники Зои и Дага не из тех, кто побегут всем обо всем рассказывать, но между собой говорить точно будут. О том, как в гости к ним пришел правящий. И, что самое смешное, это не результат третьей бутылки веоланского, а самая что ни на есть настоящая реальность. О том, что он приехал ко мне.

О том, что я тоже, в общем-то, в наш последний разговор вела себя не самым лучшим образом. Точнее, сказанула то, что причинило ему боль, и пусть я сделала это не нарочно, я все-таки это сделала. В отличие от него, прощения за это не попросив.

— Ну? Что? — Зои отступила и посмотрела на меня немного насмешливо, будто могла прочесть все мои мысли, а в мыслях у меня было слишком многое.

Например, я уже надевала пальто и бежала вместе с вальцгардами к флайсу, чтобы лететь к нему. Если он, разумеется, дома. На мгновение мелькнула мысль — как такой мужчина в такую ночь может быть дома? Он ведь наверняка не один. Мелькнула, и я тут же ее отбросила. Нет — так нет. Но я должна...

— Я еду к нему.

— Вот и умница, — усмехнулась Зои.

— Надо собрать Лара...

— Лар пусть спит. Завтра проснется, мы его покормим, а днем заберете. То есть забереешь, — поправила она. — Не будем заглядывать так далеко, хотя сам Лар, кажется, так не считает.

— Не знаю, — я с сомнением посмотрела на подругу. — Я никогда не оставляла его...

— Потому что я тебе не предлагала, — фыркнула она. — Все, иди, пока я не передумала. Иди. Иди-иди-иди.

Она чуть ли не силой вытолкала меня в прихожую.

— Мне надо попрощаться...

— Тебе надо к нему. Иди.

Так быстро я еще не одевалась. Мне все время казалось, что я приеду, и там никого не будет, что я потрачу время, что ему это не нужно, и такие мысли сыпались на меня градом, пока я спускалась ко флайсу, пока мы летели по ночному городу. Вспышки фейерверков в

небе распускались цветками — один за другим, а я думала, что зря поддалась на уговоры Зои, что вообще все это лишнее, что я в очередной раз обожгусь, и на этот раз будет гораздо больнее.

Тем не менее я все-таки стояла сейчас с вальцгардами у его дверей, которые передо мной открыла его охрана.

— Риамер Вайдхэн в гостиной, — сообщили мне, как будто меня здесь ждали.

И я пошла через большую гостиную, оставив за спиной хлопки салютов и рассыпающиеся искры праздника, в новый год.

Он действительно стоял в гостиной, у панорамных окон, глядя на ночной Мериуж. Свет был выключен, бокал веоланского, который он держал в руке, из-за игры неона и праздничных вспышек казался ее продолжением. Сердце колотилось просто как сумасшедшее, и, несмотря на все это, я по-прежнему не представляла, что мне сказать. Поэтому сделала всего еще два шажочка и остановилась.

— Бен, — позвала тихо.

И не узнала собственный голос, а впрочем... какое мне дело до голоса? Никакого. Потому что, обернувшись, он поставил бокал на столик и подошел ко мне.

— Я не знаю, что сказать... — начинаю я, но он прикладывает палец к моим губам. Причем делает это так, как может только он: лаской, с провоцирующим нажимом.

— Не надо ничего говорить, — произносит хрипло.

А потом чуть повышает голос:

— Включи музыку. Тихо, — и, подчиняясь его приказу, в просторный зал водопадом обрушиваются первые аккорды. Вайдхэн же обнимает меня за талию, второй рукой подхватывает мою ладонь и переплетает наши пальцы. Мы едва успеваем сделать несколько шагов в танце, когда меня накрывает осознанием.

— Ты правда меня ждал.

Я говорю это вслух, а он улыбается.

— Я ждал тебя, Аврора. Ты даже не представляешь, сколько я тебя ждал.

Это звучит так... сокровенно что ли, что на миг я просто теряю дар речи, а когда обретаю, мне не хочется нарушать эту музыку и наш танец словами. Поэтому я просто позволяю себе чувствовать прикосновения — ладонь к ладони, это слияние, которое начинается от

наших пальцев, а продолжается в лежащей на моей талии руке, в каждом его ведущем шаге, в нашем дыхании, в самой глубине нас. Я не знаю, как оно продолжается в нем — но у меня на уровне сердца, рождается с каждым сильным ударом, набирая мощь, все ярче позволяя чувствовать это невероятное, ни с чем не сравнимое притяжение.

Музыка льется, а мне кажется, что мы танцуем под внутреннюю тишину. Под наше молчание, под аккомпанемент несказанных слов.

— Я так и не сказал тебе, какая ты красивая, — произносит он, глядя мне в глаза.

Мы уже пошли дальше, а у меня внутри все еще звучат его слова «Ты даже не представляешь, сколько я тебя ждал». Мне так отчаянно страшно, и так же безумно хочется нырнуть в них, окунуться с головой, уйти, как под воду, позволяя себе стать с ней единым целым. Не представляю, откуда сейчас берутся такие ассоциации, поэтому только облизываю пересохшие губы и отвечаю:

— Я по тебе скучала.

Вот это то, что стоило сказать сразу. Я ведь действительно по нему скучала, всем сердцем, всем своим существом. И пусть причина этому черное пламя, какой-то там дракон, да хоть кто угодно — самого факта это не отменяет. Как и не отменяет искр в его глазах и тягучего, обжигающе-мощного, растекающегося по радужке огня.

Который незамедлительно отзывается во мне: вспыхивает и расходится по телу, как по каждой прожилке дерева под дыханием дракона.

— Скажи это еще раз, Аврора, — произносит он. Хрипло и так низко, что во мне отдается его голос.

Мы продолжаем танцевать, Вайдхэн по-прежнему ведет меня по гостинной, и можно было бы смотреть, как в разных ракурсах сверкает фейерверками праздничный город за панорамными окнами, но я вижу только мужчину передо мной. Так, словно весь остальной мир просто выключили, у меня ощущение, что если бы его и правда выключили, если бы даже выключили мое зрение, я все равно видела бы его так же отчетливо, как сейчас.

— Я скучала по тебе, Бен, — тихо говорю я. Сама почему-то смущаюсь, но это смущение тут же проходит, когда в его глазах я читаю голод пополам с восхищением, и что-то еще, гораздо более

сильное, чем то, что я только что мысленно озвучила для себя. Голод по мне — это само по себе звучит достаточно сильно, и я не успеваю подумать о том, что же может быть сильнее него. Сильнее этого желания, которое я впитываю в себя сквозь нашу непонятную связь, а следом ощущаю вполне физически, когда в танце невольно прижимаюсь к нему.

— Я тоже скучал по тебе, моя девочка, — произносит он. И произносит так, что я мигом понимаю, как это мое «скучала» звучит для него.

Его пальцы ложатся на мои скулы, а губы на мои губы — и все это настолько естественно, что стать его продолжением сейчас для меня просто жизненно необходимо.

На этот раз все совсем по-другому. Нежнее. И ярче — от медленных, осторожных ласк, пока он меня раздевает, до прикосновений мягкого густого ворса шегги, на который он меня опускает. От того, как перекатываются под кожей литые мышцы, когда я скольжу по ним пальцами, до собственных ощущений от его ласк. Мне кажется, я уже не совсем понимаю, где заканчиваются его чувства и начинаются мои, потому что еще до слияния — еще до того, как мы становимся единым целым — его полурычащие вздохи словно продолжают в моей груди, а стоны, срывающиеся с моих губ, втекают в его, когда мы снова ударяемся друг о друга в таком желанном, таком яростном поцелуе.

Мир падает в бездну, переворачивается, а вспышки за окнами теряются в чернилах ночи, потому что вспышки перед глазами гораздо ярче. Гораздо сильнее, особенно сильная та, которая превращает наши тела в объятый пламенем сгусток удовольствия, а рассыпающиеся перед глазами искры взлетают к потолку с ало-черными язычками.

Я наблюдаю за тем, как они тают, все еще содрогаясь от накатывающих волн и ощущая внутри пульсацию, заставляющую сжиматься и чувствовать его наслаждение еще острее. Не помню, звала ли я его по имени, но, когда он меня освобождает и перекатывается на спину, притягивая меня к себе, я без малейших сомнений перетекаю следом за ним, кладу голову ему на плечо.

Смотрю ему в глаза и с трудом удерживаюсь от того, чтобы сказать еще много всяких безумных глупостей. А их действительно много, поэтому сейчас я просто прячу лицо у него на груди и слышу:

— Выходи за меня.

Черное пламя Раграна

— Что? — переспрашивает Аврора, изумленно распахивая глаза. Они у нее такие голубые, как высокое, раскаленное летнее небо. Смотреть бы в них бесконечно, и так же бесконечно теряться. Но надо что-то ответить.

— Страшно прозвучало? — Улыбка сама касается губ. Хотя лучше бы их касались ее губы. Рядом с этой женщиной всегда так: не напиться этой близостью, не надышаться ее присутствием.

— Нет. Неожиданно. Особенно после того, как...

Она закусывает губу, явно собираясь проглотить слова, которые мешают ей доверять ему.

Ну что тут скажешь? Он сам виноват. Слишком отвык от того, что маленькие храбрые сильные женщины тоже умеют чувствовать. Что им может быть больно. Что им стоит все объяснять, даже если объяснять не очень-то хочется, а если быть честным, не хочется от слова совсем. В любом случае, начинать с чего-то надо, и это что-то — откровенность. То, что им сейчас абсолютно не помешает.

— После того, как? Продолжай, Аврора.

Она молчит. Вздыхает, потом все-таки качает головой:

— Я не понимаю тебя, Бен.

Усмешка сама собой срывается с губ.

— С того дня, как я тебя встретил, я сам себя не понимаю.

Аврора снова кусает губы. Она их всегда кусает, когда сомневается, а еще — когда хочет промолчать. Скрыть свои чувства, но скрывать их у нее не очень-то получается. Он чувствует, сколько сомнений внутри нее, как в себе самом. У них горькие нотки, но еще более горькие — у незакрытой обиды, которая снова поднимается на поверхность, когда она думает, очевидно, о том, что он все это время молчал.

— Я должен был все тебе рассказать.

— Нет. Не должен был. Ты ничего мне не д... — Он прикладывает палец к ее губам, уже второй раз за вечер. Это прикосновение слишком провокационное, но в отличие от того, первого раза, сейчас в самом деле лучше поговорить. Он уже не в том возрасте, чтобы решать все

проблемы сексом, да и, если честно, ни одну проблему еще не удавалось решить именно так.

— Мы уже перешагнули тот порог, когда никто никому ничего не должен, ты не находишь? — Приподнявшись на локте, он не стал убирать ладонь с ее талии, как будто это короткое прикосновение давало ему силу продолжить. На самом деле, так оно и было — ее близость давала силу. Ее отсутствие — отнимало, он давно не чувствовал себя настолько выжатым, настолько пустым, как в эти дни без нее. Вот только Авроре забыл об этом сказать. — Прости, что я сделал тебе больно. У меня слишком давно не было отношений. Я забыл, что такое нормально разговаривать, Аврора. Привык совершенно к другому...

Она поморщилась, и ему захотелось откусить себе язык. Да что ж за бред он несет сегодня? Начиная с той самой минуты, когда пришел в квартиру ее подруги и устроил всем гостям незабываемые впечатления.

— Не буду делать вид, что я жил отшельником, — продолжать сложно, особенно впервые за столько лет — настолько раскрываться перед женщиной. Но она, эта женщина, совершенно точно того стоит. — Но когда я сказал, что я ждал тебя, я не солгал. Рядом с тобой... — Нет, все-таки это действительно сложно. — Наверное, стоило попросить, чтобы эту речь мне написали.

Она приподнимает брови, а потом улыбается. Все шире, шире и шире, после чего с припухших губ срывается смешок, и Аврора начинает смеяться. Так, как умеет только она — как ребенок, беззастенчиво, искренне, откровенно.

— Прости, — говорит она. — Это не про тебя... в смысле... я про речь...

И смеется снова. Наблюдать за ней в такие моменты — одно удовольствие. Отдельное удовольствие наблюдать за ней, представляя, что между ними только что было, и что налипшие на виски влажные от пота волосы — это потому что она сейчас кричала под ним, вцепляясь ногтями в его спину, и тут же расслабляя пальцы, будто боялась сделать больно. Сегодня все было мягче, а может быть, дело в том, что сегодня ему невыносимо хотелось быть нежным. Не врезаться в нее всей своей нерастроченной страстью, усиленной пламенем, а именно показать, насколько она для него важна.

Как ему хочется о ней заботиться.

Беречь.

Любить? В это слово он врезался сам, как дракон на лету в неизвестно откуда выросшую впереди скалу, из оцепенения вытряхнул ее голос:

— Ты сказал, что узнал про пламя. Про все эти маркеры... почему не сказал мне?

— Не хотел тебя грузить. — Сейчас она пришла ему на помощь, и он был ей искренне благодарен. — Когда медики сообщили, что маркер в моей крови остается на том же уровне, а в твоей — угасает, меня это сразу насторожило. Мы занялись исследованиями, в ходе которых я предположил то, о чем уже тебе говорил. Надо было тебе рассказать, Аврора. Надо было даже не столько потому, что ты мне дорога, сколько потому, что это касается непосредственно тебя и твоего здоровья.

— Но с моим здоровьем же все в порядке?

— Да. Я предполагаю, что пламя не позволит причинить тебе вред. То есть не позволит мне отдать больше, чем ты сможешь принять. И в то же время близость будет его усиливать — внутри тебя, а если мы разойдемся... Я хотел сказать, если мы долго не будем видаться, в тебе оно полностью иссякнет. Как, собственно, и случилось.

— Ты хочешь жениться на мне, чтобы я тебя стабилизировала? — Его полоснуло отчаянием и разочарованием, и, поверх всего этого — острой болью. Настолько острой, что он даже не сразу «услышал» ее слова, понял их смысл. А когда понял...

— Жаль, что ты взрослая, Аврора. — Произнес сухо. И, когда она непонимающе моргнула, добавил: — Потому что сейчас просто руки зачесались тебя отшлепать.

— Я... м-м-м... что?! — Вот теперь в ее глазах возмущение, но было бы чему возмущаться. Если уж говорить откровенно, возмущаться тут положено ему, но не до этого. Слишком сильно по ней соскучился, а отшлепать — ну, разве что в качестве предварительных ласк, и, если уж говорить откровенно, почему бы и нет. Картина перед глазами встает настолько отчетливо, что следом перед глазами темнеет.

От желания.

Снова сделать ее своей. Делать ее своей снова и снова. И эта женщина умудряется говорить ему о том, что он хочет жениться на ней ради стабилизации?

— Ты плохо слушала, Аврора, — он притягивает ее к себе. — Перед тем, как мы снова заговорили про черное пламя, я сказал, что искал тебя. Безумно долго.

— Я не... ты не можешь на мне жениться!

— Почему?

— Потому что ты Черное пламя Раграна, а я... я просто танцовщица из ресторана, несостоявшаяся балерина и твоя почти секретарь, но даже еще не, — она выпаливает это так быстро, но с таким внутренним отчаянием, что впору ее действительно шлепать. Чтобы мысли выстроились в правильном направлении, вот только мысли о ее розовеющих ягодицах совершенно точно не способствуют выстраиванию его собственных — в правильном и конструктивном. Поэтому приходится пару раз глубоко вздохнуть и только после ответить:

— Именно поэтому я могу все.

Аврора моргает.

— Но как же Алера?

— Мне казалось, мы закрыли этот вопрос.

Видимо, казалось. Тот факт, что Аврора воспринимает дочь инд Хамира как соперницу, он отмел сразу. Судя по всему, зря. Судя по всему, она воспринимала ее как соперницу на том самом животном уровне, которое включает пламя в принципе, а черное пламя — стократно. Даже сам факт присутствия Элегарда Роу рядом с его Авророй на парковке вызывал нездоровые мысли, не говоря уже о том, что этот гонщик ей сказал, и о том, что потом притащился с цветами. К его женщине!

«Надо самому дарить своей женщине цветы, а не пропадать в лабораториях», — мелькнула в то же мгновение мысль, она же и здорово переключила, и отрезвила.

— Алера не моя женщина, и никогда ей не будет. Ты — моя женщина, Аврора. Надеюсь, мне больше не придется это повторять.

Она вскинула голову:

— Ого. Как это сказано. И ты уверен, что общество примет твой выбор?

— Мне плевать на общество, которое мой выбор не примет.

— Но твоя власть...

— Власть — это один из атрибутов моей жизни, которая сегодня есть, а завтра нет. Я могу спокойно ее убрать, и мой мир не рухнет. Мой мир рухнет, если в нем не будет тебя.

Опасные слова как-то сами собой сорвались с губ, очень опасные — по крайней мере, когда-то он так считал. Вот только почему-то именно сейчас произнести их было гораздо проще, а главное, сразу стало невыносимо легко. В груди словно раскрылся огненный цветок, в лепестках которого набирало силу отражающееся в ее глазах пламя. Черные искорки в светлой радужке, вспыхивающие и тающие.

— Ты... уверен? — почему-то сдавленно спросила Аврора. — Я имею в виду... ты...

— Девочка моя, — он усмехнулся. — Власть — на то и власть, чтобы иметь возможность делать собственный выбор без оглядки на кого бы то ни было. Власть — это в первую очередь свобода, а свобода — это настоящая власть. Иначе зачем она вообще нужна?

— Ты уверен, что эту речь тебе не писали?

Вот теперь уже расхохотался он сам. Откровенно, опускаясь на пол и устраивая Аврору на себе.

— Иногда контроль над властью стоит даже ослабить. Или временно передать кому-то. Но, прежде чем я подпишу этот указ...

— М-м-м?.. — Аврора закусила губу, глядя на него сверху вниз. Если бы она просто представляла, как выглядит сейчас — обнаженная, с распущенными волосами, волнами струящимися по покатым хрупким плечам на грудь, от одного вида которой у него сводило пах от желания, наверное, не стала бы так делать. Да нет, точно не стала бы.

Или стала?

— Давай вернемся к вопросу «выходи за меня». Я считаю жизненно важным закрыть его до того, как ты...

— Правда? — Она слегка поерзала на нем, переключая на то, что жизненно важным может быть и другое. Особенно когда маленькие отважные, по их мнению несостоявшиеся, балерины, делают вот так.

— Правда. — Он положил руки на ее бедра, фиксируя. — Да или нет, Аврора. «Не знаю» не принимается.

— Все вот так строго?

Сейчас от нее исходило чувство невероятного, невыносимо глубокого, искреннего доверия. Такое удивительно мягкое, текучее и родное, что через нее оно затопило и его целиком.

Чем он вообще думал, когда предлагал ей стать его секретарем?

Чем думал, когда считал, что кого-то сможет таким образом обмануть? Одного взгляда на то, как он на нее смотрит, будет достаточно, а лгать, играть в морозильник (привет, Ландерстерг) и отдаляться от нее напоказ он больше не будет. Хватит, достаточно игр, их и так было слишком много в его жизни. Достаточно лжи. Сейчас самое время говорить правду, и начинать лучше всего с себя.

— А я приготовила для тебя подарок, — неожиданно произнесла Аврора. Посмотрела ему в глаза — так глубоко и проникновенно, что все мысли просто разом исчезли. Осталось только ощущение сжимающихся на нем бедер: ну и кто там говорил, что решать вопросы через секс нереально? Как подросток, честное слово!

— Что же это за подарок? — получилось хрипло.

— Танец. Я хотела танцевать для тебя.

Танец.

Танец, балет были ее жизнью, от которой она отказалась ради того, чтобы родить сына и растить его. Но теперь у нее предостаточно времени, теперь, а особенно — когда он может дать ей все это. Обеспечить лучших учителей, но главное — время, когда она сможет заниматься любимым делом столько, сколько захочет.

— Подозреваю, что сейчас ты уже не готова его мне вручить.

— Сейчас — нет. Но я оставлю его на будущее. Абонемент бессрочный.

Он рассмеялся.

— Ты нарочно меня смешишь? Нарочно уводишь от темы?

— Дай мне время, пожалуйста, Бен.

Аврора опять закусила губу, и он вздохнул:

— Значит, секретарь пока остается в силе?

— Если ты не передумал. То есть... если я не нужна тебе в качестве секретаря, или ты считаешь, что я не справлюсь...

— Я считаю, что ты гораздо лучше справишься в качестве моей невесты. — Она тут же напряглась, и он мягко сжал пальцы на ее бедрах. — Но если тебе нужно время, я подожду. В конце концов,

ролевые игры босс-подчиненная еще никому не мешали в укреплении отношений.

— Бен! — она вспыхнула.

— Ты сама настояла, Аврора. Ну а пока можешь приступать к обязанностям.

Она сощурилась, а потом издевательски-медленно распласталась по нему, телом к телу и поцеловала в губы.

— Говоришь, готов сложить полномочия? — Она снова медленно двинулась назад — и вперед.

В том, что Аврора умеет мстить, он даже не сомневался. В принципе ни разу не сомневался в том, что она умеет делать это так изошренно, как сейчас, исследуя его тело откровенными дразнящими ласками до тех пор, пока уже не становится безразлично, что он там говорил. Он готов к тому, чтобы просто опрокинуть ее на пол и взять, но именно в этот момент она приподнимается, а потом опускается на него.

И дальше уже мир стирается за общими гранями наслаждения, сплетающегося на уровне тел и сердец огня. Если ей нужно это время — он и правда готов потерпеть, тем более что в том, что Аврора будет его секретарем действительно есть свои плюсы: она будет с ним круглые сутки. Неплохой бонус для такого собственника, как он, и дракону явно это понравится, он же чуть не раскрыл крылья, когда почувствовал рядом с ней Элегарда Роу.

Эта мысль стирается из сознания нарастающей мощью готового вот-вот ворваться в тело наслаждения, а потом взрывается калейдоскопом, складывающимся перед глазами знакомыми очертаниями квартиры и ее лицом, еще более прекрасным, когда она выдыхает его имя и стоны, содрогаясь от удовольствия.

Да, пожалуй, история с секретарем имеет право на продолжение. А он имеет право заявить на весь мир о том, что эта женщина — его. Его, его и только его. Заявить об этом в любое время, сразу, как только она скажет «Да».

Глава 11

Я стою перед зеркалом, улыбаюсь и смотрю на свое отражение. Настоящая деловая женщина, ничего не скажешь. Костюм, блузка и туфли, которые я купила для работы секретарем в Ровермарк... нет, не так, для работы *его личным ассистентом* — они идеальны. Классический бежевый, белая блузка, черные лодочки. Что я сейчас чувствую по этому поводу? Очень многое. Особенно если учесть, что выходные-праздники прошли для меня как в каком-то романтическом сне.

Но даже в романтическом сне я представить не могла, что Вайдхэн сделает мне предложение. Я не хочу, чтобы он об этом жалел, а поэтому я должна стать для него достойной. Кем-то большим, чем танцовщица в ресторане. Кем-то большим, чем женщина, с которой он устроил свадебные каникулы на зимние праздники. Я сейчас помню только, что мы вылезали из постели исключительно чтобы сходить в душ (что, впрочем, не особенно помогало, потому что в душ меня одну он не отпускал), чтобы поиграть с Ларом и Чешуйкой (теперь виари официально Чешуйка, она уже вряд ли вспоминает свое прежнее имя) и чтобы поесть.

А Вайдхэн теперь официально «папа». Мое чадо так его и зовет, хотя у нас с ним состоялся непростой разговор на эту тему. Я сказала, что не стоит пока его так называть, а Лар, насупившись, спросил:

— Почему?

Честно — на этом вопросе я растерялась, но, к счастью, так же быстро нашлась.

— Потому что мы пока не муж и жена.

— А кто такие муж и жена?

— Это мужчина и женщина, которые... очень сильно дружат.

В этот момент я представляю лицо Вайдхэна, если бы он все это услышал, и мне хочется прикрыть глаза ладонью. Смеяться при Ларе он бы точно не стал, но потом однозначно припомнил бы мне все мои объяснения. Он вообще очень любит играть терминами «передать власть», «неуважение», и все в том же ключе. Уверена, для «дружбы» в пикантных ситуациях у него тоже нашлось бы определение.

— Но тот, плохой папа, тоже был моим папой, хотя вы не были мужем и женой?

Для двухлетнего мальчика соображалка у него работает на удивление шустро. Медики Вайдхэна и детский психолог, которая к нам приезжала на эти выходные, подтвердили, что, во-первых, с ним все в порядке, а во-вторых, сильный стресс действительно способен спровоцировать резкое взросление даже такого малыша, как мой Лар.

— Нет, не были. Но тот папа...

Лар смотрит на меня, обхватив Чешуйку двумя руками. Виари просто сопит, но вырываться уже не пытается — привыкла. Кроме того, она так трепетно относится к моему сыну, что готова терпеть от него все, что угодно, но Лар — удивительный малыш. Ему не надо объяснять, что тянуть виари за хвост нехорошо, и что тыкать ей пальчиком в глаз — больно. Он просто всего этого не делает. А вот залезть наверх может, и Дрим-Чешуйка с радостью катает его по дому. Катала. Сейчас я это запрещаю, потому что однажды у нас на глазах она попыталась взлететь — благо, размеры моей квартиры теперь это позволяют. Лар восторженно завизжал, а я чуть не поседела, на мое счастье, Вайдхэн так быстро скомандовал зверю:

— Сидеть. — Что вальцгарды даже опомниться не успели.

В общем, все обошлось, но садиться на Дрим я ему теперь не позволяю, из-за чего сын временами на меня дуется.

— Тот папа не хотел с нами дружить, а Бенгар-р-рн хочет. — Лару нравится рычать его имя, так, по его мнению, он больше похож на «папу». — Да, мам?

Вообще-то я продумывала, как объяснить сыну, что Карид — его биологический отец, и что биологический отец не всегда имеет право называться отцом, но была даже рада, что он переключился.

— Да. Но давай все-таки не будем так его называть. Пока.

Еще бы это сработало. Еще бы меня кто-то поддержал!

Вайдхэн не только не одергивал Лара, он его поощрял. Хотя я попросила, чтобы он с ним поговорил, и что пока мы не можем появляться все вместе, этого лучше не делать.

— Все вместе мы не можем появляться, потому что ты не сказала мне «да», — сообщил он, — как только скажешь, эта проблема исчезнет.

Вот и как с ним после этого разговаривать?

Нет, он на меня не давил, он вообще не возвращался к этому разговору — не считая как раз беседы про Лара, но вел себя так, будто это вопрос решенный. Просто вопрос времени, и, возможно, для него это так и было. Для меня все было не так просто, во-первых, по той самой причине моего несоответствия. Во-вторых, потому что я не была уверена, что готова на этот шаг банально даже потому, что он может повлечь необратимые последствия для самого Вайдхэна.

Да, он сказал, что ему все равно. Но будет ли ему все равно спустя пять, десять, пятнадцать лет? Я не хотела, чтобы он начал винить меня, а еще больше не хотела, чтобы все это оказалось игрой черного пламени. Сам же говорил, что оно не изучено, и непонятно как действует! Может, оно слегка отшибает иртыханьи мозги и направляет драконьи: «Возьми эту самку, возьми, возьми, возьми, сделай ее своей, сделай своей, сделай своей!»

Как бы там ни было, говорить с ним на эту тему я больше не решалась — просто потому, что не хотела, чтобы меня отшлепали. В его глазах в ту ночь я очень явно прочитала это обещание, и, если честно, не была уверена, что к такому готова, пусть даже в качестве сексуального эксперимента. В том, что он может поэкспериментировать, я тоже не сомневалась, поэтому решила пока отложить этот вопрос.

Хотя бы до того, как мы поедем в Зингсприд — это был его подарок мне.

Поездка на курорт, на самый крутой курорт нашего мира, в Аронгару! В лучший отель. Пока что с открытой датой — по его занятости и по тому, как мы определимся со своими отношениями, но...

Я до сих пор не могла поверить, что все это происходит со мной. Возможно, именно поэтому сейчас слегка волновалась, в сотый раз поправляя пуговички на блузке и стараясь дышать глубоко — к горлу то и дело подкатывал ком.

— Прекрасно выглядишь, Аврора! — Ния с Ларом приблизились ко мне, стоявшей у большого зеркала в холле. — Мы пришли тебя поддержать в твой первый рабочий день.

— Да, мам! Ты красивая!

— Спасибо... — я не договорила. Подкативший к горлу ком поднялся так высоко, что я метнулась в гостевую уборную, и вовремя.

Едва успела добежать.

Из туалета выползала, хотя надо было вылетать. В прямом и переносном смысле — вылетать в сторону «Ровермарк», вылетать из туалета — чтобы успеть поправить макияж после того, как почищу зубы. К счастью, когда я вышла, Лар где-то шуршал с Дрим, а меня встречала встревоженная няня.

— Аврора, все в порядке?

— У... угу, — ответила, я стараясь сохранить в себе хотя бы остатки завтрака. — Отравилась чем-то.

Вот тебе и идеальный первый рабочий день! Хотя где драконы не пропадали, спустя пятнадцать минут я уже сидела во флайсе с адекватным макияжем и старалась глубоко дышать через рот. Ния настаивала, чтобы я осталась дома, предупредив Вайдхэна, но я не могла его подвести. Уж точно не в первый день и уж точно не тогда, когда весь Мериуж ждет моего выхода в качестве секретаря. Об этом даже все СМИ писали, после праздников опять поднялась волна — вспомнили похищение Лара и предстоящий процесс над пытавшимися увезти его бабушкой и дедушкой, гражданами Лархарры. Об этом суде я думала с содроганием: слишком много в моей жизни в последнее время стало судов, а еще боялась, что на него потребуют привести Лара. Это же какой стресс для ребенка!

Надо будет поговорить с Беном, чтобы их отправили в Лархарру, пусть судят там. Я, если честно, надеялась их никогда в жизни больше не увидеть, а свидетельствовать против них могу и дистанционно, современные законы и технологии и не такое позволяют.

Чем отчетливее передо мной вырастала громада Ровермарк, тем сильнее у меня начинали трястись колени. Нет, к офисной работе мне было не привыкать, я была отлично знакома с процессами и системой делопроизводства, умела вести деловые переговоры, отвечать на письма и молниеносно реагировать на всякие внезапности. К тому же, секретарь Вайдхэна меня неплохо поднатаскала во время подготовки, и теперь я готова была почти ко всему, вот только это не мешало мне бояться его подвести.

Поэтому пришлось сдвинуть колени, сунуть между ними ладони, глубоко дышать и мысленно считать до ста и обратно.

Помогло.

Относительно.

Может, дело было в том, что с Ровермарк у меня были связаны не самые приятные воспоминания, а может быть, в том, что служебный вход для новых сотрудников шел через первые этажи, и пока мы спускались-поднимались на флайсе, у меня начала кружиться голова. Я поняла, что улетаю, оказавшись в дверях под рамкой-металлодетектором, к счастью, оказавшийся рядом Лоргайн подхватил меня в тот момент, когда я почти упала.

— Все хорошо, риаи Этроу?

— Хорошо. Переволновалась просто.

Страхнув с себя оцепенение после такого насыщенного утра, я прошла сканирование сетчатки, внесла голосовые данные в службе безопасности Ровермарк. Зачем они мне, я понятия не имела, но предположила, что такова процедура оформления для всех. В обед мне еще предстояло спуститься в отдел кадров, а пока меня проводили до лифтов, поднявших меня на этаж, где мне предстояло работать.

Девяносто девятый, я хорошо помнила. Еще я хорошо помнила, что так и не дошла до приемной в прошлый раз, и что тогда у меня был позаимствованный у Лизы пропуск, который стоил ей рабочего места. Ей и тому парню-охраннику, и секретарю отдела кадров.

Все это обрушилось на меня так внезапно, что мне стало нечем дышать, и затошнило еще сильнее. Вот только этого не хватало!

Соберись, Аврора. Вдох-выдох. Вперед.

Если Вайдхэн предпочел кого-то уволить, значит, на это были свои причины. Ты достаточно его изучила, чтобы понять, что этот мужчина ничего не делает просто так. Это первое. А второе — сегодня у тебя будет свой пропуск, в обед заберешь его из отдела кадров и забудешь все, как страшный сон.

С этими мыслями я вошла в просторную, залитую светом приемную, где должна была встретиться с Трин, его личной помощницей. В целом я уже все хорошо представляла, но передать мне дела полностью она могла только лично, поэтому сейчас очень удивилась, обнаружив, что пришла первой. Мне казалось, я так нещадно опаздываю, что тут уже соберутся все, включая Вайдхэна.

Лоргайн и вальцгарды, сопровождавшие меня, попрощались со мной еще на первом этаже — здесь своя система безопасности такая, что мне сопровождение точно не требовалось. Как вести себя, если я почувствую, что с пламенем что-то не так, меня тоже

проинструктировали, поэтому сейчас оставалось только повесить пальто на плечики, прикрыть нишу для верхней одежды и направиться к своему рабочему месту за стойкой.

Еще немного — и солнце щедро вольется в приемную сквозь панорамные окна, а пока я перехватила взгляд своего отражения в предрассветных густых зимних сумерках. Мельтешили огни транспортного потока за стеклами, высотки то и дело мигали загорающимися и гаснущими окнами.

Я посчитала включать ноутбук без Трин неэтичным, поэтому на стук каблуков радостно обернулась. Приветствие замерло где-то в районе груди, когда я встретила глазами с Алерой.

Да, к такому жизнь меня не готовила. Трин, впрочем, тоже, хотя я не уверена, что к этому вообще можно подготовиться. К счастью, во мне срабатывает то, что называют профессионализмом, потому что я здороваюсь, стараясь не думать о том, кто передо мной. Сейчас она для меня (а это так и есть) обычная посетительница моего босса.

— Добрый день, — отзывается Алера, проходит в приемную, щедро укутывая ее в шлейф своего лархаррского парфюма. Почему лархаррского — так это потому что от его сладости буквально слипнуться можно. Это у них там все такое сладкое, что аж зубы сводит.

Просто посетительница, Аврора. Просто посетительница.

На ней платье, меховое пальто, сапожки: даже на вид все стоит столько, сколько я еще не заработала за всю свою жизнь.

— Я не предупреждала, — перебивает мои мысли Алера, — о визите. Но я оставалась в Рагране на праздники и решила попрощаться лично. Риамер Вайдхэн уже у себя?

— Нет, пока еще нет, — сдержанно отзываюсь я. — Но вы можете подождать.

За дверью.

Лучше — за дверью Ровермарк.

Спасибо драконам, что я не говорю это вслух. Что касается Алеры, она широко улыбается. У нее улыбка как у актрисы из Вайшера.

— Да, пожалуй, так и сделаю. Аврора... вы же Аврора, верно? Я в курсе вашей истории. Это ужасно — то, что такое случилось с вашим сыном. Я очень рада, что все обошлось.

Она светится, как праздничный фонарик, только фитилька не хватает. Я же продолжаю изображать профессионала, то есть забираю у нее пальто, провожаю к уютному кожаному диванчику, рядом с которым примостился журнальный столик с планшетом для посетителей, и предлагаю кофе. Запоздало вспоминаю, что так ничего и не ответила на ее сожаления, но как говорится, драконенок из яйца вылез — обратно не запихнешь.

— Я не пью кофе по утрам, — сообщает Алера. — Это очень вредно для нервной системы, кофеин нарушает естественный гормональный фон и способствует быстрой утомляемости. Но буду счастлива, если вы сделаете мне свежесжатый сок. Из маларрнелы, пожалуйста.

— Да, разумеется.

Да, здесь и такое есть. Спасибо хоть печеньки печь самой не приходится, а вот мини-бар в нише скрывает еще и соковыжималку с мини-холодильником, примостившимся справа от кофемашины. К такому меня жизнь не готовила тоже, но я не подземный человек, разберусь. Здесь в конце концов кнопки есть. Осталось только надеть одноразовые перчатки и временно переквалифицироваться в бармена.

Что я и делаю, вскрывая маларрнелу, которая отзывается на это недовольным «пссс» и выстреливает в меня своим сиреневым соком. На мой бежевый пиджачок!

Твоего ж дракона!

Я совсем забыла, что этот лархаррский, кстати, горячо любимый всеми сладкий фрукт брызгается соком, как дракон огнем. Вот и что мне теперь делать?

— Аврора, — доносится с дивана, — добавьте мне еще, пожалуйста, ложечку сока лица. Просто маларрнела может быть слишком сладкая.

Спустя пять минут сок все-таки готов, и я несу его на подносе Алере, не забыв положить бумажную (да, здесь только такие!) трубочку и персональную упаковку орешков. Она что-то смотрит на своем смартфоне, а заметив меня, одаривает дежурной улыбкой, кивает и снова углубляется в изучение чего-то с дисплея. Что касается меня, я закрываю мини-бар и в ужасе смотрю в зеркальную створку ниши: у меня не просто несколько капель на лацкан попало, они расплылись в ужасную темно-сиреневую кляксу. Приходится снять

пиджак, скинуть его на ручку кресла в тщетной надежде спасти чуть позже, когда снова раздаются шаги.

На этот раз мужские.

— Трин... — начинает было мужчина, влетевший в приемную, но видит меня, тормозит, будто запинается. — Риам... забыл, что вы с сегодняшнего дня здесь. Я отправил вам документы для утреннего совещания, проверьте, если надо что-то дослать, я на связи.

Невысокий, седой и коренастый, он ретируется так быстро, что я даже не успеваю ничего сказать. Зато в еще большем ужасе вспоминаю, что у Бена... у Вайдхэна сегодня с утра планерка, или, как это еще называется, совещание с главами департаментов, а мне надо успеть просмотреть все документы, чтобы участники успели скорректировать материалы, если кто-то что-то забыл. Проблема в том, что у меня в один миг вылетает из головы все, что мне говорила Трин, но я все-таки включаю ноутбук, ввожу пароль, который она мне дала, опускаюсь в кресло.

То ли отгородившая меня от Алеры высота стойки возвращает спокойствие и равновесие, то ли я просто включаюсь в работу, но успеваю быстро-быстро проверить все документы по списку, и только одному руководителю департамента отправляю комментарии, что он забыл презентацию.

Как раз в тот момент, когда я заканчиваю, из коридора доносится голос Вайдхэна. Я подсказываю, наверное, слишком поспешно, успеваю только встретиться с ним взглядом, когда он замечает Алеру, здоровается с ней и командует (натурально командует):

— Риам Этроу. Ко мне в кабинет.

Мне остается только последовать за ним, закрыть за собой дверь. В эту минуту я понимаю, что еще ни разу не была у него в кабинете, а еще — что сейчас реально чувствую себя как секретарь, которую вызвали на ковер. Особенно когда Вайдхэн поворачивается, и его резкий взгляд прокатывается по мне сверху вниз, от лица и корней волос до кончиков туфель.

— Почему не позвонила? — холодно интересуется он, глядя на меня в упор. Настолько холодно, что я еще больше теряюсь. — Почему не сообщила о своем состоянии?

— Я...

— Я недостаточно ясно объяснил, что с черным пламенем лучше не шутить, Аврора?

До меня только сейчас доходит, о чем он говорит! А еще доходит, что он смотрит на меня как строгий директор на проштрафившуюся школьницу.

— Нет. Да. Меня просто тошнило от волнения, — я это выдыхаю раньше, чем отдаю себе отчет в том, что вообще-то не должна оправдываться. Ну, по крайней мере, из-за этого точно не должна, но вот этот его давящий взгляд, о котором я уже почти забыла, уверенности не добавляют. Мне даже попятиться хочется, когда он шагает ко мне! Правда, пятиться уже поздно: в случае с этим мужчиной. Он движется так стремительно, что я едва успеваю вздохнуть, когда его пальцы ложатся на мой подбородок, а после...

— Маки... — договорить я не успеваю. В противовес этой властности и его тону, поцелуй получается на удивление нежным, а еще — глубоким и невыносимо-пронзительным. От него узор начинает пульсировать, и, по ощущениям, я тоже, в его ритме. — ... яж.

Я все-таки выдыхаю последний слог, когда у меня это получается. Выдыхаю и облизываю пересохшие пылающие от поцелуя губы, все равно помаде уже пришел чешуец. Вот как мне с такими губами теперь выходить в приемную? Я больше чем уверена, что Алера это заметит, женщины, а особенно такие, как она — заинтересованные, всегда отмечают такие детали.

— Не боишься, что кто-нибудь войдет? — тем не менее хрипло интересуюсь я: его пальцы все еще касаются моего лица, и у меня такое чувство, что от них ожог останется.

— В мой кабинет не входят без разрешения.

— Вот так все строго, — я пытаюсь придать своим интонациям хотя бы слегка шутливый оттенок, но сердце грохочет как басы в неисправной колонке. Как всегда в присутствии этого мужчины, будто у нас и не было сумасшедших зажигательных выходных на двоих.

Спасибо, он хоть руку убирает, но все равно остается недопустимо близко.

— Почему ты волновалась, Аврора?

— Почему?

— Ты сказала, что тебя тошнило от волнения.

Он это сейчас серьезно?!

— Потому что это мой первый рабочий день! Здесь!

С тобой! Этого я правда не добавляю, равно как и того, что больше всего на свете боюсь его подвести, но хватает уже и того, что есть. Вайдхэн неожиданно улыбается, и миг перестает быть этой властной и неприступной глыбой в драконовом эквиваленте.

— Пойдем. Покажу тебе кое-что.

— У тебя там Алера, а еще скоро совещание...

— Я помню. Пойдем.

То, что он мне показывает, напоминает кабинет в кабинете. Дверь, ведущую в него, я с первого взгляда приняла за дверь в ванную или в душевую. Даже не сомневалась, что она тут есть, но это оказывается просто компактная копия того, что мы оставили за спиной. Я растерянно оглядываюсь: стол, даже имитация окна, которого здесь нет, стеллажи...

— Что это?

— Я создал это место на экстренный случай. Когда только начинал познавать черное пламя. Смотри сюда. — Вайдхэн касается крохотной панели, вмонтированной в стену, и раздается щелчок. Мгновение — и мы в железных заслонках, запечатавших нас внутри. Единственное, что остается на виду — это стол, стул и заключенный в металлический футляр корпус панели. — Когда я не знал, что ожидать от себя, так было спокойнее. Это место способно выдержать натиск черного пламени и даже спонтанный оборот. Раскрошить эту обивку не смогут даже шипы глубоководного и его сила.

— М-м-м-м... очень мило, — говорю я, оглядываясь. Признаться честно, в этом высотном бункере слегка берет жуть. — Сейчас оно тебе зачем?

— Все для того же. Разблокировать его можно только через мои биометрические данные. — Он сдвигает панель в сторону, замирает напротив датчика, сканирующего сетчатку. — Но с завтрашнего дня и через твои тоже.

Я понимаю, что второе — голосовой тест, когда панели незамедлительно втягиваются в пазы на потолке и стенах, а их «раны» мгновенно запечатываются, и мы снова оказываемся в кабинете. В самом обычном, казалось бы, кабинете, вот только теперь у меня перед глазами отчетливо стоит этот кошмар клаустрофоба.

— Ты хочешь настроить его на меня, потому что считаешь меня опасной?

Вайдхэн прикрывает глаза, а потом берет меня за плечи и хорошенько встряхивает.

— Я хочу настроить их на тебя, чтобы ты была в безопасности, Аврора.

— Это — Ровермарк, сюда даже флайсы сторонние близко не подпускают, — говорю со смешком.

— И поэтому тоже. Когда тебе кажется, что ты все уже предусмотрел, оказывается, что нет. Я слишком долго играл в эти игры, чтобы верить в абсолютную безопасность.

Да, он действительно на этом помешан. Не просто помешан, я бы сказала, заиклен. Правда, вспоминая историю с его отчимом, я прекрасно понимаю, почему, и предпочитаю вообще воздержаться от комментариев. Накомментировала уже однажды.

— Хорошо, — киваю. — Благодарю за доверие.

В его глазах на миг мелькает удивление, а потом он меня все-таки отпускает. С видимой неохотой, задержав взгляд на моем белье под блузкой. И вот не надо так смотреть, она не просвечивающая! Если только у глубоководных не просвечивающее зрение. Оно же не просвечивающее?!

Пока я размышляю об этом, Вайдхэн произносит:

— Пока ты свободна. Пригласи ко мне риам инд Хамир и подготовь кофе для совещания.

Алера, кстати, кофе не пьет по утрам. Это для чего-то там вредно. Я просто ловлю у себя на языке эти слова, тем более что никакого повода для ревности он мне не давал. Дело даже не в том, что он назвал ее не по имени, а риам инд Хамир: скорее, в том, как коротко, в пределах допустимой вежливости он с ней поздоровался, когда вошел в приемную.

Поэтому сейчас я выхожу из его кабинета в на редкость приподнятом настроении, улыбаюсь и говорю:

— Риам инд Хамир, риамер Вайдхэн вас ожидает.

Она окидывает меня показательно-равнодушным взглядом, и, как я и предполагала, цепляется им за мои губы. После чего поднимается, пожалуй, чересчур резко, и цокает в кабинет, в который никто не заходит без разрешения. За ней тянется шлейф ее величия и духов, но

сейчас меня это совершенно не раздражает. Не раздражает и пиджак, который нужно спасать от сока, и, скорее всего, уже только в специальной чистке. Губы все еще хранят вкус и силу поцелуя Бена, поэтому, когда я сажусь на свое место, я легко касаюсь их кончиками пальцев и улыбаюсь.

Глава 12

Первая рабочая неделя оказывается настолько насыщенной, что я удивляюсь, как вообще умудряюсь жить. Личная помощница первого лица страны — это как гранд батман тренировать после годичного перерыва, хотя... нет. Это раз в десять сложнее.

Каждое утро начинается с того, что я готовлю все к совещанию. Пока это совещание идет, занимаюсь планированием, потом мы быстро обсуждаем все это с Вайдхэном, а после — отчеты, отчеты, дела департаментов, первичная аналитика, встречи и назначения встреч, отмена встреч, и дальше по списку должностных обязанностей. К концу недели то утро с Алерой уже кажется мне легкой разминкой, хотя оно и было, в общем-то, легкой разминкой.

Спасибо хоть Вайдхэн не зверствует, если не сказать, во всем мне помогает. Я начинаю успевать переключаться между задачами с такой немыслимой скоростью, что у меня в голове словно работает микропроцессор, только успевай окошечки с заданиями закрывать, чтобы не зависнуть.

И хорошо бы только это!

Потому что вечера мы проводим вместе, и они (эти самые вечера) совершенно не отличаются рабочим настроением. Я бы сказала, чем они отличаются, но у меня нет приличных слов. Если коротко: Вайдхэн меня залетал. В прямом и переносном смысле, и все, на что меня хватает, когда я приползаю домой в ночи — это упасть в постель и отключиться. Наверное, оно и к лучшему: у меня совершенно не остается времени на всякие глупые мысли из разряда «а что, если» или «а как вообще».

Да, я помню про предложение, держу его в уме, оно где-то там маячит, но учитывая мою загруженность, очень недолго. Лар очень скучает, когда я прихожу на ужин, он первым делом бежит ко мне рассказывать, как прошел день. Ужин для меня — это вообще наилучшее время, чтобы поесть, потому что с утра я не могу впихнуть в себя ни кусочка. Пробовала, закончилось примерно тем же, чем в прошлый раз, поэтому я перестала пытаться. В обед у меня все настолько загружено, что я про еду забываю, а вот к вечеру

просыпается просто зверский аппетит. Мне кажется, я съедаю драконью порцию, в три раза больше того, что ела в принципе, но меня устраивает. Главное, что в таком режиме меня не тошнит, и организм охотно сотрудничает со всей поступающей в него едой.

Еще Вайдхэн не задает вопросов, и за это я ему тоже очень благодарна. За что не благодарна, так это за то, что, оказывается, в эти выходные мы тоже будем работать, но тут уже мне возразить нечего. Назвалась секретарем правящего — полезай в Ровермарк. И сиди там безвылазно без претензий, да.

Правда, сегодня он отпускает меня чуть пораньше, и завтра я тоже освобожусь практически сразу после обеда и смогу погулять с Ларом, как и пообещала. Сегодня у меня вообще «перерыв» во всех смыслах: я захотела провести вечер полностью с сыном, и Вайдхэн согласился. Поэтому во флайсе я откидываюсь на спинку сиденья с мыслью, что у меня все-таки мини-выходной, и настроение такое же, как всегда в офисе перед выходными — чувство какой-то легкости, свободы, приподнятое настроение. Которое тут же сменяется напряжением, стоит нам пойти на посадку — потому что на парковке Элегард Роу вместе с моим сыном запускает радиоуправляемый флайс.

Ния и вальцгарды тут же, но это не отменяет того, что меня дергает с их общения. Несмотря на всю его историю, несмотря на то, что он подарил Лару флайс (от которого, кстати, тот пришел в неописуемый восторг).

Он же извинился, Аврора, — кручу в голове эту мысль, пока флайс опускается. Когда дверь поднимается вверх, и Лоргайн подает мне руку, чтобы помочь выйти. Тем не менее ничего не могу с собой поделаться, даже когда Лар с воплем:

— Мама! — бросается ко мне, с размаху обнимает, запрокидывает голову и говорит: — А мы с Гардом запускаем флайс! Смотри, как летает!

Флайс и правда летает хорошо, но это не отменяет моего настроения.

— Добрый день, Аврора, — здоровается гонщик, приближаясь ко мне, а меня просто всю перетряхивает.

— Вам не стоит делать вид, что это ваш сын, — говорю, подхватывая Лару на руки, и иду в сторону дверей. Вальцгарды следуют за мной, Ния тоже, только оказавшись в холле, выдыхаю.

— Аврора? — осторожно интересуется няня. — Я не знала, что им нельзя общаться. Охрана меня тоже не предупредила...

Потому что я не предупредила охрану. Я вообще никого не предупредила, что не хочу, чтобы они общались! Лар у меня на руках начинает хныкать и тереть руками глаза.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Мам, ну мы же просто играли! — Он оглядывается на стеклянные панорамные окна.

— Ты можешь играть с Нией. Можешь играть с Дрим.

— Но я хочу с ним! — Лар ударяет меня раскрытой ладонью в плечо, и я ни с того ни с сего взрываюсь:

— Я сказала: нет! — Мой голос звенит от напряжения. — Нет, ты не будешь с ним общаться, а еще мы завтра же вернем ему подарок.

Глаза сына широко распахиваются, а потом он начинает крутиться у меня в руках, вывинчиваясь, извиваясь, как хвост разъяренного дракона. Мне приходится немедленно опуститься и поставить Лара на пол, чтобы не уронить, и он, всхлипывая, немедленно бросается к лестнице так быстро, что Ния едва за ним успевает. Опережает всех, разумеется, выскочившая нас встречать Дрим-Чешуйка, которая решила, что это игра.

Я смотрю на поднимающегося с няней сына, поворачиваюсь к вальцгардам. Те застывают — и моя охрана, и охрана Лара, только Лоргайн кажется живым в этой галерее скульптур.

— Это был перебор? — спрашиваю.

— Это ваш сын, риам Этроу.

— Лоргайн, — киваю на кухню, отдаю пальто Медлвару (одному из постоянных сопровождающих Лара) и прохожу туда, чтобы налить себе воды. Воды я, кстати, пью столько, что не превратилась в пузырь только каким-то чудом. При этом она вся во мне куда-то девается, и я не могу понять, куда, потому что отеков нет, и никакой другой неприятной физиологии тоже. — Мне нужен дружеский совет, а не комментарий безопасника.

Вальцгард едва уловимо улыбается:

— Если дружеский — то да. Перебор.

— Хорошо, — вздыхаю, опираюсь локтями на столешницу, хотя ничего хорошего в этом, конечно, нет. С тех пор, как во мне поселилось это пламя, я как ходячая бомба с непредсказуемой

электроникой внутри. Непредсказуемой — потому что вообще непонятно, когда в следующий раз рванет.

Сейчас вот на Лара сорвалась. Хотя так радовалась, что мы наконец-то весь вечер проведем вместе, посмотрим мультики, поиграем, почитаем, совсем как раньше. Я даже Нию хотела отпустить, чтобы остаться с сыном только вдвоем. Вальцгарды не в счет, в этой квартире потеряться можно, не говоря уже о том, чтобы замечать присутствие охраны.

И вот, пожалуйста.

Скорее бы уже понять хоть что-то, как это все работает. Через пару дней у нас контрольные тесты, чтобы посмотреть, как себя сейчас ведет пламя в моей крови при постоянном контакте. Хотя я и без анализов могу сказать: отвратительно оно себя ведет, невыносимо. Как подросток, который бунтует.

Но если перед Ларом я могу извиниться прямо сейчас, просто подняться и извиниться, попросить прощения, сказать, что мы ничего не будем возвращать, обнять, то как быть с Роу, ума не приложу. Вот как я вообще умудрилась такое сказать, а? Зная его историю.

Как-как. Черным пламенем объята.

Глубоко вздыхаю и смотрю на Лоргайна:

— Сделайте мне одолжение, не ходите за мной к Элегарду Роу.

— Я не имею права, риа́м Этроу. У меня приказ.

— Ну тогда хотя бы постоите в конце коридора. Извиняться при всех — такое себе.

Хотя он же при всех извинялся. И жестокими словами я тоже бросалась при всех. Поэтому, оттолкнувшись от столешницы, иду через всю квартиру к другим дверям. Запоздало понимаю, что надо было выглянуть на парковку, может он все еще там, флайс запускает. Но потом только быстрее устремляюсь вперед. Не откроет — и ладно. Мне же лучше.

Потом как-нибудь извинюсь.

Внутренние коридоры в этом доме — просто шик. Высокие стены, с одной стороны светлые, с другой темные, что создает странную иллюзию искажающегося пространства, вытягивающего их в длину еще сильнее. На светлых — корпусные голографические картины с панорамными видами, на «темной» стороне ромбовидные светильники, повернутые под разными углами. Верхний свет —

подсветка по краям, будто кто-то пролил краску вдоль стен и в углах, и световые озера на полотне потолка.

Я касаюсь панели звонка у квартиры Роу и с надеждой жду, что мне не ответят. Не откроют. Не захотят со мной разговаривать.

Но увы. Дверь открывается даже быстрее, чем успевает растаять моя надежда.

Роу стоит в дверях, опираясь локтем о косяк и вопросительно смотрит на меня, а я вздыхаю и говорю:

— Похоже, моя очередь извиняться.

— Похоже на то, — он усмехнулся, хотя веселья в его улыбке не было. Да и насмешки, если честно, тоже, из-за чего я почувствовала себя еще хуже.

— Простите, — сказала совершенно искренне. — Я просто на нервах. У меня первая рабочая неделя и все такое. Я не должна была этого говорить, но я сказала, и поэтому чувствую себя ужасно.

— Так вы хотите извиниться, потому что чувствуете себя ужасно? — поинтересовался он.

— Я... нет!

— Но вы это только что сказали.

— Я только что сказала, что мне стыдно! — Что за мужчина вообще, а?

— Хорошо. Хотите мое прощение, Аврора? Только после того, как мы с вами поужинаем.

Я в шоке уставилась на него, а Роу продолжил:

— Завтра. В восемь вас устроит?

Мне сейчас что ему ответить? Чтобы потом опять не пришлось извиняться.

— Нет, — сказала я. Настолько решительно, что даже сама от себя не ожидала. Мне казалось, раньше я была мягче, но, видимо, работа на Вайдхэна и деловой тон внесли в мои разговоры определенные коррективы. — Я пришла попросить прощения за то, что причинила вам боль, но совершенно точно не для того, чтобы с вами договариваться о свидании.

— О свидании? Я просто пригласил вас на ужин.

Вот теперь мне показалось, что он улыбнулся вполне искренне.

— Хорошо, не для того, чтобы с вами поужинать.

— А жаль.

— Жаль, несомненно, — ответила я раньше, чем успела себя остановить.

С чего это мне вообще об этом жалеть? Но Роу на этих словах улыбнулся так, что я поняла, что пора уходить, пока мы до чего-нибудь не договорились. Тем более что ужинать с ним я на самом деле не хотела и не собиралась, а то, что сейчас брякнула — исключительно от того, что переволновалась.

Неделя у меня и правда выдалась очень напряженной, я привыкала к новому графику, к новому ритму, к новому стилю жизни. К тому, что не могу в любой (или в почти любой) момент сгрести Лара в объятия, что он не бежит ко мне с криками: «Мам, мама, когда мы пойдем гулять?!» А если сюда добавить еще совершенно нового Вайдхэна, к жесткости которого в обращении с подчиненными мне тоже приходилось заново привыкать — пусть даже меня это касалось лишь частично — а еще черное пламя и всяких Алер, которые на прощание окатили меня снисходительно-пренебрежительным взглядом, то в общем, наберется приличный такой грузовой флайсик причин, по которым мне лучше прямо сейчас вернуться домой и отдохнуть.

Хорошенько.

Просто расслабиться в компании с сыном, которого я почти не видела всю эту неделю, и по которому безумно соскучилась. Уверена, он тоже.

— Доброго вечера, риамер Роу, — пожелала я и направилась к себе.

— Но про ужин вы все-таки подумайте, — донеслось веселое мне вслед.

Я не стала оборачиваться: так было правильно. Мужчины, подобные Роу, в кокетство и флирт вовлекают на раз, а мне это совершенно не нужно. Даже в шутку. Даже разово.

Дома я сразу же поднялась к Лару, которого в детской утешала Ния. Он сидел с подарком Роу и выглядел таким грустным, что я почувствовала себя самой отвратительной матерью на свете.

— Ния, ты свободна, — сказала я, и няня тут же поднялась. — Спасибо и до завтра.

Вот опять. Я командую? Совсем как Вайдхэн. Или как его личный секретарь.

— До завтра, Аврора.

Няня ушла очень быстро, а я приблизилась к сыну.

— Прости, драконенок. Я очень сильно устала и сорвалась на тебе. Я не должна была этого делать.

Лар поднял на меня свои огромные заплаканные глаза, и мне захотелось отвесить себе затрещину.

— Мы его отдадим?

— Нет. Нет, разумеется, нет. Подарки от чистого сердца не возвращают.

Лар всхлипнул, а я продолжила:

— Элегард Роу очень хотел тебя порадовать.

— Правда? Почему?

— Потому что ты... — Очень похож на его сына. — Чудесный маленький мальчик, а он повел себя не лучшим образом и так попросил прощения.

— А почему? Он тоже сильно устал на работе?

— Да, — я ухватила за эту подсказку. — Да, он тоже сильно устал на работе. Ты же знаешь, что у него интересная, но очень сложная работа? Гонки на флайсах требуют очень большой координации внимания и, к тому же...

Это постоянный риск и опасность.

— А что такое коорнида... координи... ко-ор-ди-на-ция?

— Это когда приходится все время следить, чтобы на скорости никто не врезался в твой флайс и при этом проходить опасные повороты и преодолевать препятствия.

— Когда я вырасту, я стану гонщиком! — серьезно заявил Лар.

Настолько серьезно, что я не выдержала и улыбнулась.

— Ты же у нас Черное пламя Раграна.

— Черным пламенем тоже стану! Сначала гонщиком, а потом — им!

— Вот как, — опустившись на постель, притянула сына к себе, с наслаждением вдохнув такой знакомый, такой родной запах, в том числе и аромат детского шампуня с его макушки.

— Да! — гордо заявил сын.

— Хорошо. Тогда нам, пожалуй, стоит побольше времени проводить вместе. Потому что, когда ты вырастешь, будешь очень занят, а я буду смотреть тебя исключительно по визору.

— Нет! Я все равно буду к тебе приходить! — Лар обхватил меня руками, прижался крепко-крепко. — Я люблю тебя, мамочка!

— Я тоже тебя люблю, драконенок. — Сын запрокинул голову, и я поцеловала его в лоб, в щеки и в подбородок. — Сейчас поужинаем, а потом посмотрим мультики. Как тебе такой план?

— Ура!

То, что «ура», я поняла, когда Лар вскочил и принялся от души прыгать на постели, а потом плюхнулся на нее и, довольный, посмотрел на меня.

— А послезавтра сходим к Зои, Дагу и Кати, — я подхватила его на руки. — Все. Пойдем.

Сын счастливо улыбался, и я улыбалась тоже. Мысленно пообещала себе, что никакое черное пламя его больше не обидит даже через меня. А еще — что завтра же спрошу у Вайдхэна насчет того, чтобы учиться справляться с такими вспышками: иртханов же наверняка учат, как все это контролировать. Вот и я буду учиться, причем не только эмоционально, но и физически. За всеми событиями у меня почти стерся из памяти эпизод, когда я случайно обожгла Лара, но то, что он стерся, его вовсе не отменяет. Если это черное пламя во мне есть хотя бы в таком вот полуспящем состоянии и в то время, когда я рядом с Вайдхэном, значит, мне нужно уметь справляться со всеми его проявлениями.

Даже когда Вайдхэна рядом нет.

Глава 13

Сегодня я на работе исключительно потому, что у Вайдхэна срочное внеплановое заседание по внешней политике, то есть с представителями департамента иностранных дел. Это подразделение тоже находится в Ровермарк, хотя раньше у них в Мериуже было отдельное здание, но, насколько я знаю, после прихода к власти Вайдхэна очень многое поменялось.

Меня в детали не посвящают, я должна быть на связи и приносить-уносить кофе и воду, если понадобится. Возможно, я бы успела поинтересоваться, в чем дело, но он пришел за пять минут до начала, и мне оставалось только поздороваться, поскольку со мной поздоровались на ходу.

Представителей департамента (который ранее был управлением иностранных дел) я сегодня вижу впервые, и они тоже едва на меня смотрят. Ни когда появляются в приемной, ни когда я пополняю закончившиеся запасы воды, то есть приношу еще с десятков бутылочек на подносе и меняю стаканы. Бен на меня тоже смотрит, как на... секретаря. И это обидно, особенно после всего, что между нами было и есть, но я тут же напоминаю себе про свое настроенческое черное пламя, а заодно и о том, что профессионализм никто не отменял.

Не станет же он раздевать меня взглядом перед собравшимися. С которыми у него, мягко сказать, не самые лучшие отношения — департаменту гораздо больше нравилось быть управлением. Я еще не успела ни с кем особенно подружиться, некогда было, но эту информацию мне сообщила Трин, когда все-таки окончательно передала все дела в первый рабочий день. Сама она, оказывается, уходила в декретный отпуск, решив взять побольше времени для подготовки к родам и к появлению малыша.

Еще она успела рассказать о том, что счастлива замужем уже два с половиной года, и я, в практически свободное время: мне действительно нечего делать сейчас — никаких отчетов, никакой аналитики — сижу и размышляю об этом. Каково было бы готовиться к родам рядом с любимым и любящим тебя мужчиной, который ждет вашего ребенка так же, как ты. Еще я думаю про Дага: о том, что надо

дойти до отдела кадров и поинтересоваться вакансиями, но это уже на следующей неделе, сегодня они не работают. А заодно поговорить с Вайдхэном о Лизе и обо всем, о чем я хотела.

Еще в голову лезут совершенно неуместные мысли о том длинном столе в его кабинете, за которым сейчас сидят иртыханы, занимающиеся внешней политикой. Эти мысли тоже далеки от рабочих, а я, как никогда раньше, чувствую себя испорченной и ненасытной. У меня словно в крови не только черное пламя, но еще и какой-то перевозбудин, который с каждым днем только усиливается.

Что с ним (с этим перевозбудинком) делать, я не представляю, потому что в присутствии Бена воспламеняюсь, как факел, и мне кажется, что это совершенно, абсолютно ненормально. Нет, нормально хотеть мужчину, который тебе нравится, но ненормально хотеть его всегда. Даже в рабочей обстановке. Или нормально?

Пока я спорю с собой на эту тему, двери в его кабинет распахиваются: кажется, совещание закончилось. Бросаю взгляд на часы: сейчас обед, как он и обещал, и поднимаюсь, чтобы попрощаться с гостями, а потом убрать все лишнее из кабинета. Посудой займется уборщица, но собрать и поставить ее в шкафчик для уборки нужно мне, поэтому, стоит всем посетителям уйти, я направляюсь туда.

Бен сидит, откинувшись на спинку кресла, прикрыв глаза. Услышав меня, резко их открывает: так резко, что для меня это как вспышка, как неожиданность. Мгновенная реакция зверя. Наверное, никогда к этому не привыкну, равно как и к тому, что он дракон, тем не менее ставлю поднос на стол и приближаюсь к нему:

— Все в порядке?

Он смотрит на меня в упор. Совершенно не так, как смотрел вчера, когда мы прощались, но этот взгляд не идет ни в какое сравнение с эмоциями, от которых мороз по коже. Бен говорил, что отменно меня чувствует, возможно, сейчас я испытываю то же самое? И то, что я испытываю, то, что прокатывается по моей коже, а потом буквально проникает под нее, впитываясь в каждую клеточку моего тела, мне совсем не нравится.

Это напряжение. Резкость. Холод. Отчужденность, и... звериная, хищная ярость?

— Что-то случилось? — повторяю вопрос, глядя ему в глаза.

Его ноздри неожиданно раздуваются, характерный жест выдает раздражение раньше, чем меня им полоснуло.

— Случилось, Аврора. — Он кладет руки на стол, обманчиво-легко, а потом стремительно поднимается. Так стремительно, словно у него в кончиках пальцев мощнейшие рычаги, оттолкнувшие его в мгновение ока. — Какого набла ты вчера опять таскалась к Элегарду Роу?

Это прозвучало настолько обидно, что я с трудом удержалась от желания запустить в него подносом. И то исключительно потому, что поднос остался на столе за моей спиной, это же сколько надо действий совершить, чтобы осуществить задуманное. Поэтому я посмотрела ему в глаза и с достоинством ответила:

— Я не таскалась. Я ходила извиняться. За то, что задела его чувства.

— Как трогательно, — он прищурился. — Передо мной ты за задетые чувства не извиняешься.

— Ты тоже не особо, — не осталась в долгу я. — Даже не счел нужным попросить прощения за то, что вел себя со мной как со шлюхой. Здесь, в этом самом здании.

Вот уж не думала, что меня это до сих пор цепляет, а оказывается, цепляет. И ярости во мне столько, что я спокойно отзеркалю его и верну ему сполна.

— Так, значит, — холодно произносит он.

Обманчиво-холодно. Обманчиво — потому что сейчас я отчетливо понимаю, да, это работает наше двустороннее черное пламя, и его чувства отражаются во мне, как в зеркальной глади воды, под которой сейчас проплывает самое опасное существо нашего мира.

— Так, — подчеркиваю я. Говорить с ним мне совершенно расхотелось, поэтому я разворачиваюсь к подносу и стаканам, которые надо собрать, а заодно и к бутылкам. Их тоже надо собрать, но главное — не думать, не думать, не думать о мужчине, который стоит у меня за спиной и по ощущениям напоминает закованный в панцирь факел. По тем же самым ощущениям этот факел способен расплавить все вокруг, в том числе и его хваленую защищенную комнату, причем на раз. Пшик — и готово!

Когда все собрано на поднос, сзади доносится:

— Я запрещаю тебе с ним общаться, Аврора. Твоему сыну тоже. Охрана уже проинструктирована, няня тоже. Во избежание неприятностей тебе говорю это лично.

Во избежание неприятностей?! Лично?! Это он сейчас говорит женщине, у которой поднос со стеклянной посудой.

Это черное пламя, Аврора. Всего лишь черное пламя.

Поднос аккуратно возвращается на стол, а я резко разворачиваюсь к нему. Пожалуй, чересчур резко, но мои занятия балетом и выступления в ресторане даром не прошли: мне не грозит свернуть ноги на шпильках, баланс отличный.

— Ты ничего не можешь мне запретить, Бен, — отвечаю я. — Мы в свободной стране.

— Попробуй с ним поговорить — и узнаешь.

— Я тебя сейчас не узнаю! — невольно повышаю голос. — Что на тебя нашло?!

У него в глазах искрит пламя, или они просто потемнели, я не знаю. В меня же словно впрыснули драконью дозу адреналина, от которой меня начинает потряхивать: не уверена, что в таком состоянии стоит хвататься за подносы с кучей стекла, пока еще не битого.

— Что на меня нашло? — так же холодно интересуется он. — Возможно, то, что ты отказываешься принять мое предложение и вовсю кокетничаешь с другими мужчинами. Или то, что рассказываешь своему сыну, какой чудесный риалер Роу, у которого очень опасная работа. Или, возможно, то, что набиваешь себе цену, отказываясь пойти с ним на ужин.

У меня темнеет перед глазами — и отнюдь не потому, что во мне пламя. Хотя может быть и поэтому, я опять не уверена.

— Точно так же, по твоему мнению, я пришла набивать себе цену сюда, правда? — Меня трясет еще сильнее, адреналин в действии. — Но мы это уже проходили, нет? То, что я не кокетничаю с мужчинами, которые мне не нравятся, то, что я не пытаюсь кого-то соблазнить, просто потому что. И, Бен, если ты забыл, мы с тобой всю неделю вместе. И все праздники вместе. Вместе в том самом смысле, от которого даже дети бывают. Не то чтобы я хотела от тебя детей, но, наверное, это чего-то да стоит, да?

Его лицо становится хищным.

— Детей ты хочешь исключительно от неудачников и наблов вроде Карида, это я уже понял.

Все! Это стало последней каплей.

Так близко к тому, чтобы запустить в него бутылками, стаканами, а следом и подносом, я еще не была. Вместо этого я просто говорю:

— Какое счастье, что я не согласилась выйти за тебя замуж.

В груди что-то взрывается, и меня изнутри окатывает пламенем. Наверное, это примерно такое же чувство, как если бы я проглотила это черное пламя наподобие сока из бокала. Что касается двуногого Черного пламени, он проходит мимо меня так стремительно, что я едва успеваю вздохнуть. Меня накрывает его силой, его мощью, его запахом — тем самым знакомым запахом близости, его парфюма и всем, что значит для меня слишком много. Даже сейчас, когда я в ярости, возбуждение накатывает и отступает волной, и, когда я остаюсь в кабинете одна, опускаюсь на стул, чтобы передохнуть.

Сейчас я как никогда понимаю, что глупо было винить себя за реакцию на его прикосновения — те самые, которые я ему припомнила, это на уровне инстинктов, это что-то дикое, звериное, не имеющее отношение к женщине, обычному человеку внутри меня. Или имеющее?

Меня раздражает на части от этих чувств, от общей ярости, обиды, от боли, поэтому я сижу, постукивая пальцами по столу и глубоко дышу до тех пор, пока у меня не получается подняться. Ровно, спокойно, вынести этот проклятый поднос и составить всю посуду в шкафчики, а бутылки — в ящик, откуда все отправляется на переработку.

Не так я представляла себе возвращение домой, но сегодня опять лечу со своим сопровождением к сыну. Это и хорошо: похоже, получится погулять вместе, все как в старые добрые времена. Правда, не уверена, что сейчас они добрые, я на вальцгардов, даже на Лоргайна, смотреть не могу спокойно.

Получается, они докладывают ему каждый мой шаг? Каждое мое слово?

Вчера мы с Ларом говорили наедине, но за дверями стояли вальцгарды, и получается, что...

Мне снова хочется что-нибудь разбить, но в салоне флайса бить нечего. Разве что нос Лоргайну или его парням, но до такого я еще не

дошла. Приходится молчать и делать вид, что я устала, хотя по сути, можно и не делать. Я правда устала: от этой внутренней борьбы, которая идет во мне каждый день. От того, что произошло в его кабинете, от притяжения черного пламени, благодаря которому я даже толком не могу понять, где начинаются мои чувства, а где — его, где это всего лишь влечение огня, а где — что-то человеческое, глубокое, сильное.

— Мамочка! Мамочка! Ты вернулась! — бросается ко мне мое чудо, и я подхватываю сына на руки. — А мы пообедали только что.

— Отказывается спать, — укоризненно говорит Ния, которая вышла к нам, но сейчас я даже ее не могу воспринимать спокойно. Именно потому, что за меня ее уже проинструктировали, что она должна делать, с кем она может позволить моему сыну общаться, а с кем — нет. При всем при том, что его мать — я!

— Спасибо, — тем не менее отзываюсь сдержанно. — Ты свободна.

— Но мы договаривались, что я сегодня до вечера...

Я могла бы объяснить, что обстоятельства изменились, но сейчас просто смотрю на нее так, что Ния замолкает и уходит собираться.

— Не хочешь спать? — спрашиваю у сына.

Тот быстро-быстро качает головой.

— Хорошо. Тогда пойдем гулять.

— Ура! Ура! Мы идем гулять! — Лар прыгает на месте, и к нам тут же присоединяется Дрим, которая на каком-то животном уровне чувствует его радость. Вот только в отличие от своего хозяина, Дрим никому не диктует, что делать, как жить, и не бросается обидными словами, обжигающими сильнее, чем самое опасное пламя мира.

Так, все. Не хочу больше об этом думать.

Не хочу больше думать о нем.

С этой мыслью я крепче прижимаю сына к себе и иду переодевать его и переодеваться.

Глава 14

У нас снова «нейтралитет» в отношениях. Насколько это можно назвать нейтралитетом. Я хожу на работу, вижу его — вот же он, никуда не делся, правда, теперь он больше мой босс, чем мое Черное пламя, и я понятия не имею, что с этим делать. Потому что не считаю, что он прав. Потому что не считаю, что взрослому, состоявшемуся, наделенному властью мужчине надо объяснять такие простые вещи, что женщин не унижают своими подозрениями за то, что они просто извинились и разошлись с другими мужчинами. Что я по уши в нем — он же должен это чувствовать, так почему не чувствует? И что мне, на самом деле, страшно не меньше, чем раньше, а если уж говорить откровенно, гораздо больше.

Обследования показали, что с моим пламенем все в порядке. Больше того, этот маркер во мне даже более-менее стабилизировался и расти не собирается. Кажется. Так говорят медики, а еще они говорят, что, несмотря на мою эмоциональную нестабильность, в ближайшее время вспышек вовне можно не опасаться, потому что у меня происходит, как бы это выразиться так, чтобы не свернуть язык, инверсия пламени. То есть то, что у нормальной иртеханессы должно выходить наружу, у меня концентрируется внутри и трансформируется внутри, неспроста меня так палит и жжет, когда мы ссоримся. Словом, я все это перерабатываю в себе, не выпуская в мир, поэтому никакой угрозы для внешнего мира нет.

Для меня тоже нет, это показали исследования сверху вниз, поперек и по диагонали. Каким-то образом пламя внутри меня гармонично и очень экологично утилизируется, то есть его излишки во мне растворяются. В итоге я невероятно живучий контейнер-приемник черного пламени, способный его переработать без вреда для себя и окружающих. Очешуеть новости просто, но все же это гораздо лучше, чем если бы мне сейчас пришлось учиться под началом Вайдхэна. Или если бы это самое пламя меня растворяло, как кислота.

Врачи называют меня аномалией, поскольку меня в принципе существовать не должно. Но тем не менее я существую. Я не иртеханесса, я человек, я обычная женщина, просто... с черным

пламенем. Хоть диссертацию обо мне пиши, разбирайся, что к чему, почему и зачем. В глазах некоторых медиков я прямо-таки вижу этот интерес, подсвеченный вывеской «Доараналейская премия», а в его глазах — темная непроглядная ночь.

Он, видимо, считает, что он прав. Прав в том, что сказал, прав в том, что запретил (это действительно так!) не просто общаться с Элегардом Роу, а приближаться к нему. Я это выяснила, когда хотела поздороваться на парковке, и когда вальцгарды оттеснили меня столь стремительно, что я икнуть не успела. Просто загнали в дом. Видимо, именно это мне и предлагалось проверить.

Ну что тут скажешь? Проверила так, что мало не покажется.

После того, как меня оттеснили в мою великолепную квартиру, я пару дней не разговаривала ни с Лоргайном, ни с его подчиненными. Подобно тому, как во мне «переваривалось» пламя, я переваривала информацию о том, что я теперь не свободна в своих решениях. А заодно и о том, что сделал этот мужчина, который крепко засел в моей голове, в моем сердце, во мне.

Чтобы не наделать глупостей, я не инициировала наши разговоры и свела все общение к схеме «босс-подчиненная». Причем даже не в том самом смысле, о котором мы говорили изначально, и о котором я умудрялась думать. С вальцгардами, охраняющими меня и Лара, тоже старалась общаться постольку-поскольку, потому что прекрасно понимала, что значит приказ, и что бывает с теми, кто его не исполняет.

Из-за всего происходящего у меня «поехало» не только настроение, но и график тех самых дней, в которые это настроение портится еще сильнее, чем от черного пламени. Если бы мы не предохранялись во время наших брачных игр, впору было бы рвать на себе волосы и бежать за тестом, но мы предохранялись. Вайдхэн всегда об этом заботился, а даже если бы он не заботился, я бы не допустила незащищенного секса.

К тому же, вся моя тошнота ушла, я снова могла есть по утрам, в обед и вечером. Воду, правда, продолжала пить, как не знаю кто, но в симптомах беременности «пить много воды» не значилось, поэтому я не переживала. Хорошо хоть по этому поводу не переживала, потому что из-за Вайдхэна моя переживалка уже ломалась. Мы целую неделю

играли в «правлящий-секретарша», а я не могла ничего для себя решить.

Да и что тут решишь?

Опять пытаться ему доказать, что я не дракон? Так он это и так знает, анализы подтвердили. Уверена, Вайдхэн не просто изучил результаты от и до, но и сам основательно в них покопался. Ну а если серьезно, я уже не была уверена, что у нас что-то получится. Я не готова была всю жизнь ходить по струнке и выполнять приказы, а он, похоже, не готов был к тому, что меня будут окружать другие мужчины, нравится ему это или нет. Причем окружать — значит, просто встречаться на моем пути.

Для него было нормально приказывать. Нормально воспринимать женщину как приложение к себе, но я не хотела быть приложением! И чем дальше, тем больше убеждалась в том, что поступила правильно, когда взяла тайм-аут после его предложения.

К концу недели я уже взвинтила себя настолько, что готовилась к новому серьезному разговору на эту тему. К серьезному настолько, что, возможно, после него «нас» просто не станет, поэтому в день перед выходными у меня все валилось из рук. То, что не валилось, либо стояло устойчиво, либо было хорошо привинчено, либо не попадало ко мне в руки. Поэтому, расплескав кофе на пол, я уже не удивилась, а просто пошла за тряпкой.

Когда вернулась, обнаружила сообщение от Зои: «Завтра увидимся?»

Мы договорились с ней встретиться и погулять в центре, вместе с Дагом и детьми, и я быстро набила ответ: «Да, разумеется». Чтобы уже в следующий момент дернуться от взгляда Вайдхэна.

— В мой кабинет, риам Этроу, — скомандовал он, и, стоило мне войти, резко произнес: — Потрудитесь объяснить, чем вы занимаетесь в рабочее время на рабочем месте.

Да что с ним случилось?! Его бешеный дракон покусал, что ли, когда он на прошлой неделе летал в пустоши лично проверять новую систему безопасности перед внедрением?

— Я выполняю свои обязанности, — отвечаю все так же спокойно, хотя внутри опять разгорается адреналиновый шторм. — Или вы считаете иначе, риамер Вайдхэн?

Его даже перекашивает от обращения «риамер Вайдхэн» наедине, но я только молчу и жду ответа. Хочет он общаться так — значит, будем общаться так. В таком тоне. С таким настроением. И все исключительно по делу.

— На рабочем месте вы переписываетесь непонятно с кем.

— С подругой. И это никоим образом не вредит...

— Вы переписываетесь с подругой в приемной первого лица государства. Это первое. А второе — вы интересовались вакансиями, с целью, насколько я понимаю, устроить своего друга, который недавно лишился работы. Так вот, риа́м Этроу, в Ровермарк попадают по профессиональным качествам, а не по дружбе или по знакомству. Запомните это на будущее.

Я открываю рот и тут же плотно сжимаю губы, потому что на языке не вертится ничего цензурного. Да, я сходила в отдел кадров поинтересоваться, какие вакансии есть, но это что — преступление?! Я сходила в свое личное время, то есть в обед, и я не навязывала никому кандидатуру Дага, просто спросила, можно ли ему прислать резюме на общих основаниях — на водителя в юридический департамент. Что в этом плохого?! Что плохого в желании помочь лучшему другу?

У меня на глаза пытаются навернуться слезы, но я глубоко вдыхаю и выдыхаю.

— Стесняюсь спросить по каким профессиональным качествам вы выбрали меня, риа́мер Вайдхэн.

Он опасно, хищно сощуривается, а я складываю руки на груди.

— В любом случае, если вас не устраивает моя работа, вы всегда можете меня уволить. Я сейчас на испытательном сроке, поэтому все происходит легко и просто. И да, я сама подумаю на эту тему, потому что в последнее время вы просто невыносимы!

Это уже эмоции, но по-другому просто не получается! Я вылетаю из его кабинета, с трудом удерживаясь от того, чтобы не сбежать в туалет, как делала в школе, когда хотела прореветься. В школе меня донимали из-за проблемной семьи и мамы, там же я научилась огрызаться. Там же научилась и держаться, когда хочется реветь или вцепиться кому-то в волосы, чтобы отстоять себя и свою семью. Хотя семьи у меня никогда толком не было, а то, что было... ну, оно было постольку-поскольку, и все же ничего. Я справилась.

Справлюсь и сейчас. И не с таким справлялась.

Опускаюсь в кресло, очень вовремя, потому что в приемную заходит глава экономического департамента, у него что-то срочное. Я дежурно интересуюсь у Вайдхэна, сможет ли тот его принять, а после того, как мужчина проходит в кабинет, погружаюсь в дела. На автопилоте.

После обеда Вайдхэн улетает из Ровермарк, опять в ту же самую пустошь, где его покусал бешеный дракон, и остается только надеяться, что он разпокусает его обратно, потому что в противном случае — что? Мне действительно увольняться?

Мысль о том, что придется уйти, кажется детской. Кому как не мне знать, что начальство бывает самое разное, и что сталкиваться порой приходится с самыми разными перепадами настроения самых разных людей. По сути, секретарь — тоже как перерабатывающий контейнер, только в этом случае перерабатывается не черное пламя, а эмоции, которые приходится пропускать через себя. Тем не менее мое начальство — оно мне не просто начальство, и в этом-то как раз самая большая загвоздка.

Я не думала, что будет так сложно. Соблюдать вот эту дистанцию: мы вне работы, и мы в Ровермарк. Это совершенно разные отношения, разный стиль общения, но, как бы я ни старалась себя в этом убедить — что говорить нужно не с Вайдхэном-боссом, а с Вайдхэном-мужчиной, проще мне от этого не становится.

Ближе к концу рабочего дня мне сообщают (начальник службы его личной безопасности), что Вайдхэн уже не вернется в Ровермарк, и что я свободна на все выходные. Вот так: не вернется, свободна — даже через другого мужчину. Вне всяких сомнений, это рабочий момент, но во мне он сейчас вызывает вполне определенные чувства.

Да не пошел бы ты, Черное пламя Раграна!

Тут уже впору радоваться, что мое пламя не может вырваться наружу, потому что узор разогревается и разогревает мою руку. Не обжигает, но я чувствую исходящий от него жар, поэтому во флайсе подтягиваю рукав пальто и заворачиваю рукав блузки. Это не укрывается от Лоргайна:

— Все в порядке, риам Этроу? — Он смотрит на красные искорки на черном. Красиво.

— Вы даже не представляете, насколько. Изумительно! — отвечаю не без сарказма.

— Как вы себя чувствуете? — Тон вальцгарда мигом становится резким, и я понимаю, что вместо вечера с сыном мне светит веселое времяпровождение в компании медиков, поэтому отвечаю уже гораздо суше. Спокойнее:

— Все хорошо.

Отворачиваюсь, смотрю в окно, и узор перестает пламенеть. К тому моменту, как мы подлетаем к дому, я окончательно успокаиваюсь и говорю себе, что решу все за выходные. Абсолютно все — и как быть с Вайдхэном, и как быть с моими секретарскими обязанностями, то есть должностью, которой я, по его мнению, злоупотребляю, да еще и в личных целях.

Странно, но сегодня меня никто не спешит встречать, кроме Дрим: виари всегда вылетает проверить, кто пришел, причем иногда буквально. Сейчас она бежит, скрежеща когтями по плитке, и я понимаю, что в следующий визит зоопсихолога надо пригласить еще и ассистента ветеринара, чтобы ей слегка подпилили когти. Это делается специальной машинкой, потому что когти виаров, как и драконов — почти как алмазы, их попробуй еще укоротить.

— Так. А где все? — запустив в густую, тугими колечками скрученную черную шерсть, поинтересовалась я.

— Мама! Мы здесь! Здесь!

Сын бегом вылетел ко мне из кухни или, точнее будет сказать, с кухонного пространства, потому что комнаты в этой квартире как таковые были только на втором этаже. Лар подбежал ко мне с такой скоростью, что я подавила желание высказать Ние все, что думаю по этому поводу — просила же ее говорить, что так быстро бегать нельзя! А тем более вот так не отпускать одного, здесь полы скользкие.

— Мама! Мама! А у нас в гостях бабушка!

Прежде чем я пришла в себя от мысли, что мать Карида не просто каким-то образом освободилась из тюрьмы, но еще и преодолела кордон вальцгардов и ворвалась ко мне в квартиру, меня уже накрыло другим, не менее сильным осознанием. Потому что к нам приближалась совсем не та бабушка.

Моя мама.

Последний раз мы с ней виделись, когда я была на седьмом месяце беременности, она приходила просить у меня денег. Чтобы купить спиртное, чтобы напиться, а не чтобы узнать, как идут дела у

моего малыша, который вот-вот родится, не чтобы посмотреть снимки УЗИ и не чтобы поинтересоваться, как себя чувствует ее дочь, которая вот-вот тоже станет матерью.

Все это поднимается во мне такой удушливой волной, что впору бежать к Лоргайну и сдаваться медикам добровольно, а лучше — сразу обратно в Ровермарк, в ту самую волшебную комнату, которая не пропустит ни единицы пламени, внутри превратившегося в цунами. Почему-то именно сейчас мне кажется, что оно готово обрушиться вовне, и я настолько этого пугаюсь, что даже отступаю на пару шагов от Лара.

Эти два шага выигрывают для меня время, а еще дают возможность справиться с первыми чувствами. Определенно, у этой жизни занимательное чувство юмора, если она решила, что Вайдхэна с его бешеными кусачими драконами для меня мало, теперь еще и это.

Как она вообще сюда попала?! Кто ее пустил?

Перед глазами проносятся события, одно за другим: мама и папа ссорятся, представители службы соцопеки говорят со мной. Не родители, а именно соцработники сообщают мне, что мама и папа больше не будут жить вместе, и что я остаюсь с отцом. Потом отец женится, а я все время сбегая к маме, мама одинокая и постоянно плачет. А еще в ее маленькой квартире постоянно тяжелый густой и резкий запах, тогда я еще не понимаю, почему.

Отец ругается, наказывает меня за то, что я с ней общаюсь, потом добивается судебного запрета, а спустя месяц мама попадает в тюрьму за воровство. Когда она выходит, я уже совершеннолетняя, мне шестнадцать. В эти шестнадцать я делаю все, чтобы она перестала пить, но тщетно. Деньги, которые я даю на лечение, она забирает из клиники со скандалом, о чем я узнаю позже. И так до бесконечности. До той поры, когда я не начинаю отчетливо понимать, что я не хочу так больше. Не хочу заставлять женщину, которая упорно ломает себе жизнь, ее склеивать. Это — не мое дело. Мое дело — малыш, который вот-вот появится.

На этом все. Точка. Она продолжает мне звонить, пытается снова просить денег, но я обрубаю достаточно резко: говорю, что сделаю то же, что и отец. Судебный запрет на приближение к уже совершеннолетней мне, если она не возьмется за ум и не перестанет пить. С тех пор мама исчезает с моего горизонта, я только через

десятих знакомых узнаю, что она продолжает в том же ключе. Именно в тот момент, полусонная, баюкая вопящего от колик Лара, я решаю, что больше не стану интересоваться ее жизнью. У нее есть мои контакты, у нее есть выбор, и она знает, какой выбор сделать, чтобы начать общаться со мной и с внуком, но она выбирает бутылку.

Со временем я смиряюсь и с этим, и с той мыслью, что для мамы важнее и проще пить, это ее способ убежать от реальности. Со временем я перестаю ждать звонка, и рука уже не тянется к смартфону, чтобы набрать ее номер. Все это происходит не в один день, я учусь жить без нее, насколько дочь вообще может привыкнуть к жизни без матери. А потом... она просто появляется здесь!

И я даже представляю, зачем.

— Что тебе нужно? — Это звучит грубо, но как есть. Улыбка с лица мамы сбегает, а я резко вскидываю голову: — Ния. Забери Лара, а после поговорим.

Поговорим не только с Нией, а заодно и с хваленым сопровождением, которое отгоняет от меня Элегардра Роу, хотя, если говорить откровенно, отгоняет меня от него, но допускает такое.

— Пойдем, — я киваю на кухню, откуда они все только что вышли, и мы проходим туда.

На столе — чашечки с кофе, печенье, сладости, сок для Лара. Спасибо и на этом, хоть бокалы не поставили. При ребенке. Я понимаю, что во мне просто море чувств, не самых приятных, что сейчас мной управляют они, но ничего не могу с собой поделаться. Я всего лишь живой человек! Самая обычная женщина, с поправкой на черное пламя, но у меня тоже есть предел. И если он есть, то вот он. Сейчас.

— Как ты меня нашла? — указываю матери на стул, сама опускаюсь на соседний, сцепляю пальцы на коленях.

Мама опускается осторожно, смотрит на меня.

— Я не находила, Аврора, — произносит очень тихо.

— Нет? Тогда как ты здесь оказалась?

Я задаю вопрос и понимаю как, еще до ее ответа.

— Он меня нашел. — Мама медлит и добавляет: — Риамер Вайдхэн.

Глава 15

Черное пламя Раграна

Он никогда не думал, что можно думать о женщине круглые сутки. Точно так же он никогда не думал, что его так сильно зацепит ее отказ. Не отказ, нет, обещание подумать — но шли дни, и ничего не менялось. Аврора по-прежнему была его секретарем, и она по-прежнему не была его. Наверное, даже сама об этом не подозревая, насколько она не его. Такое не измерить разумом, лишь звериными инстинктами, которые всюду кричат: присвой эту женщину, сделай ее своей!

Она была с ним, и в то же время она с ним не была. Она боялась настоящей близости и, даже выгибаясь под ним, сплетаясь с ним телом и черным пламенем, оставалась такой же далекой и недостижимой, как раньше. Вряд ли Аврора отдавала себе в этом отчет — так же, как в свое время Лаура. Лаура Хэдфенгер вошла в его сердце, чтобы потом оставить в нем пустоту, Аврора заполнила его собой так безгранично, что временами рядом с ней он просто слетал с катушек.

Так произошло, когда ему доложили про Элегарда Роу.

На следующий день он обсуждал набловых супругов дель Рандаргим, которых инд Хамир затребовал вернуть в Лархарру, и все как один управленцы из Департамента иностранных дел говорили, что ему нужно просто их отдать, что дипломатических лазеек не осталось, и что их должны судить там, потому что они граждане Лархарры. Он прекрасно понимал, что, как и в случае с успешно увильнувшим от закона их сыном, это будет показательный процесс, а двое пытавшихся похитить ребенка идиотов останутся на свободе. Безнаказанными.

Доминик тоже работал в этом направлении, пытался найти «дыры» в законах Лархарры, но пока все сводилось к тому, что для сохранения дипломатических отношений, супругов дель Рандаргим придется выслать. Все потому, что он отказался рассматривать Алеру в качестве будущей супруги и первой риам. Займы, за которыми обращались к нему, инд Хамир правдами и неправдами получил в Фияне, и теперь у него были развязаны руки. Но хуже всего, что к делу о «супружестве» за каким-то наблом решил подключиться Халлоран.

— Твое пламя слишком серьезное, чтобы позволять ему концентрироваться в тебе, — сообщил он в приватном разговоре, который якобы касался предстоящего заседания Мирового сообщества.

— Со своим пламенем я как-нибудь разберусь сам.

— Так же, как разобрался Кроунгард? Его психика с каждым днем становится все более нестабильной.

— Его психика изначально была нестабильной, — хмыкнул он.

Халлоран не стал развивать тему, кратко обрисовав ситуацию, что у отчима все чаще случаются провалы в памяти и ситуации, когда он путает слова — даже несмотря на то, что на нем таэрран, запирающая пламя внутри.

— Скажи откровенно: тему моего брака с Алерой инд Хамир хотят вынести на рассмотрение Мирового сообщества?

Халлоран промолчал. Но промолчал довольно красноречиво, чтобы стало понятно: да, его брак, брак наделенного черным пламенем ирлхана, управляющего страной — вопрос, который беспокоит драконов трех континентов не меньше, чем вся политическая и экономическая ситуация в мире, а заодно и коллаборация с людьми, инициированная Ландерстергом, вместе взятые.

Было и кое-что еще: он почти полностью лишился своего изначального пламени, анализ его крови показал, что в нем остались крупинки огня, данного ему от рождения. Причем крупин этих с каждым днем становилось все меньше.

— Если так пойдет дальше, риамер Вайдхэн, черное пламя выжжет из вас родовое в течение нескольких недель, максимум месяца.

По договоренности он должен был поставить Мировое сообщество в известность о том, что с ним происходит, но исходя из этой же самой договоренности, он был обязан неукоснительно соблюдать технику безопасности с черным пламенем и сообщать обо всем, что несет в себе потенциальную угрозу.

Несет ли в себе его перерождение, когда в нем не останется пламени матери и отца потенциальную угрозу?

Если о себе он еще был готов говорить, то об Авроре — нет. Только не о ней и не тогда, когда она отказывается выйти за него. Он не хотел давить на нее, не хотел, чтобы все выглядело так, что он женится на ней, чтобы закрыть эту тему. Тему с черным пламенем.

Тему с ее уникальностью, которая пока до конца (да будем честны, вообще) не исследована, и предоставить по ней какие-то конкретные данные он просто не сможет.

Не хотел и все больше сходил с ума от того, что она не готова к их близости. От того, что она флиртует — иначе как назвать это общение с Элегардом Роу — с другими мужчинами! Когда она сказала, что не хочет от него детей, и что счастлива тому, что отказалась за него выйти, его накрыло окончательно. Так четко и ярко Лауру в их отношениях с Авророй он еще не вспоминал. Так четко и ярко Аврора еще никогда не была на нее похожа.

Жалел ли о том, что тогда сорвался? Нет. Скорее, жалел о том, что до сих пор не сделал ее своей. О том, что медлил. О том, что позволял ей заниматься всем, чем угодно, только не их отношениями, заботиться обо всех подряд — о чувствах наблова Роу, о своем друге, но только не о том, что между ними происходит.

Все это на фоне внезапно снова начавшей расти силы черного пламени выливалось в такой безумный коктейль, что временами ему приходилось себя одергивать. Особенно когда она входила в его кабинет в своем безупречном деловом костюме, скрывающем тонкую белую блузку, белье, ее роскошную грудь. В такие минуты он чувствовал себя зверем, потому что хотел опрокинуть ее прямо на стол и трахать до умопомрачения, наплевав на то, где он находится, что ее идеальный макияж сотрется, помада на припухших искусанных губах размажется, в том числе и по его лицу.

Потому что просто трахать — этого было мало, он хотел брать ее рот своим, губами и языком, хотел скользить пальцами по лицу, выпивая гортанные стоны и крики, хотел ее так жестко, до боли, не мог насытиться этой женщиной.

Не мог насытиться снова и снова, когда каждый вечер врвался в ее тело, и уж тем более — сейчас, когда они оба держали дистанцию. Когда она заявила, что готова уволиться.

Готова. Уволиться!

Да кто же ее отпустит.

При мысли об этом рычать начинал не перерождающийся в нечто новое дракон, а уже он сам. Лично. Поэтому старался занимать себя делами. Поэтому старался общаться с ней по минимуму — даже домой отпустил через безопасника. Еще бы это сейчас помогало!

— Риамер Вайдхэн. Мы проверили все системы. Можем запускать.

Аврора Этроу

Я молча смотрю на нее, не в силах поверить в услышанное. Если существовал хотя бы еще один крохотный уголок моей жизни, в который риамер, чтобы его все-таки бешеный дракон покусал, Вайдхэн, еще не добрался, то он только что перестал существовать. Я не стесняюсь своей семьи, своих родителей и своего прошлого. Как бы ни пытались одноклассники и учителя вдолбить мне в голову, что я — из неблагополучной семьи, и что в лучшем случае мне светит кое-как закончить школу и пойти на работу, которую мне дадут из большого одолжения, оно не вдолбилось.

Так вот, я не стесняюсь своей семьи, но в этот момент меня снова обжигает изнутри. Яростно, горько и остро, потому что это — моя запрещенная территория. Моя личная территория, на которую я не готова пускать всех и каждого, и даже его пускать была не готова. Даже после всего, что между нами было.

А между тем как все, что мама говорит — правда. Она очень хорошо выглядит, у нее короткая стрижка, новое окрашивание. Неброское платье может и не с таким ценником, как костюм Алеры, но качественное, это видно. Она ухоженная и от нее хорошо пахнет, какими-то сладковатыми духами, именно такой аромат мама любила до того, как у них с папой начались нелады и все прочее. То, что она здесь, что ее пропустили вальцгарды и Ния — тоже вполне очевидное доказательство, что руку к ее возвращению в мою жизнь приложил Вайдхэн.

Наверное, мне стоило бы быть благодарной, но вместо благодарности я испытываю только одно желание: вернуться в прошлое и все-таки дать ему подносом по голове. Тогда, когда была такая возможность.

— Хорошо, — мой голос звучит на удивление спокойно. Хотя ничего хорошего в этом нет, мне хочется вскочить, орать и топтать ногами. Мама будто чувствует, потому что подается назад и обхватывает себя руками.

— Я не должна была приходить.

И в этом она вся! Сначала что-то делает, а потом...

— Ты уже пришла, — говорю жестко. — Зачем-то ты сюда пришла. Спусти столько лет.

Упрек все же срывается с губ, хотя я думала, что уже отпустила. Думала, что для меня все осталось в прошлом, но нет. Оказывается, не осталось. Не в прошлом. Все еще слишком живое и бьется во мне клубком таких противоречивых чувств, что узор начинает разогреваться снова.

— Позволь, я все тебе расскажу, — мама вопросительно смотрит на меня, и я киваю.

На кивок у меня силы остались, а на разговоры с ней — нет. Пока нет.

— Когда мы с твоим отцом разошлись, мне было очень плохо. И больно. Возможно, я оказалась слишком слабой, возможно... мне надо было сосредоточиться на тебе, но я не смогла. Все, на что хватило меня — ты знаешь. Но я с этим справилась. Почти. Это ты тоже знаешь.

Да, первая попытка мамы лечиться действительно была успешной. Она взялась за себя до того, как отец запретил нам видаться через суд, и почти преуспела. Почти — потому что потом села в тюрьму. За воровство. Это — часть моего прошлого, но мне сейчас хочется закрыть руками лицо. Потому что Вайдхэн полез в это, чтобы все исправить. Конечно, ему не нужна женщина, даже любовница, с таким прошлым, не говоря уже о жене. Зачем я вообще нужна ему, как жена?

Все наши разговоры сейчас рассыпаются крошкой пепла, и мне остается только вернуть маме вопросительный взгляд. Потому что если она сейчас не продолжит, я даже не представляю, что мне делать дальше.

— Что было потом, ты тоже знаешь...

— Да. Хищение в особо крупных размерах, — перебиваю я.

Мама грустно улыбается.

— Но ты не знаешь всего. Я работала завскладом тогда. Меня перевели, а я, дура, порадовалась, потому что считала, что меня повысили из-за успеха с лечением. На самом деле им нужен был набл отпущения, а бывшая алкоголичка в разводе идеально подходила на эту роль. Меня подставили, Аврора. Я ничего не крала.

Это все уже напоминает какой-то трагифарс, поэтому я морщусь.

— Ты призналась. Все доказательства были...

— Призналась, потому что они угрожали тебе. Девочку из неблагополучной семьи вполне мог задеть флайри, и мне сказали, что если я соглашусь взять вину на себя, тебя не тронут. Я согласилась. Потому что дороже, ценнее тебя у меня никогда никого не было, Аврора.

Я не успела даже вздохнуть, а мама уже продолжила. Торопливо, поспешно:

— Риамер Вайдхэн все это выяснил. Он... пришел ко мне осенью. Прошлой осенью, сказал, что даст этой истории ход, что меня оправдают, с меня снимут все обвинения и выплатят компенсацию, но я сказала, что пока не хочу. Не хочу, пока не увижу тебя и не поговорю с тобой, пока не увижу своего внука. Чтобы увидеть вас, мне нужно было закончить лечение, и я его закончила Аврора. Я сдержала слово, которое дала тебе — не появляться рядом, пока не избавлюсь от своей зависимости. Я закончила лечение еще до праздников, но все тянула. Откладывала, потому что боялась. Сегодня... я все-таки решилась и позвонила ему.

Мама сжала губы, глаза ее заблестели. Какое-то время она смотрела мне в коленки, потом подалась назад. Прижалась к спинке барного стула, все-таки подняла на меня глаза:

— Вот и вся моя история.

Я сидела, как оглушенная. Кажется, даже про пламя забыла, но рукав, к счастью, не тлел.

— Почему ты согласилась? — шепотом спросила у нее. — На подставу?! Как ты могла?

— Разочаровать тебя или потерять — выбор простой, не так ли? — Мама наклонила голову. — Я могла сообщить в полицию, но первое — кто бы меня вообще стал слушать, а второе — даже если бы и стали, вряд ли бы за тобой ходили вальцгарды, как сейчас. Тебе могли навредить, Аврора, а этого я допустить не могла.

Я глубоко вздохнула и прикрыла глаза. Как Вайдхэну раз за разом удастся рушить мой мир, переворачивать все с ног на голову?

— Если хочешь, я могу уйти. — Мама начала было подниматься, но я покачала головой.

— Нет. Не хочу. Просто для меня это слишком. Ты понимаешь?

— Понимаю. Еще как.

— Почему ты ничего не сказала, когда вышла?

— А смысл? Повесить на тебя то, что я провела в тюрьме столько лет? Ты была совсем юной, так хотела танцевать балет... И у тебя получалось... — Мама осторожно потянулась ко мне и накрыла мою руку своей. Я же впервые смотрела на нее так, а, если быть точной, у меня было чувство, что я смотрю на нее впервые.

Я ведь на самом деле очень похожа на нее: то же лицо, глаза, цвет волос, даже такая же ямочка на подбородке.

— Я не должна была приехать раньше тебя, но вы задержались в пробке, и я решила зайти. Познакомиться с Ларом и Нией. Он чудесный... — Мама улыбнулась. — Такой добрый малыш. Совсем как ты, Рори.

Слезы навернулись на глаза быстрее, чем я успела совладать с чувствами. Рори — имя, которым мама всегда называла меня в детстве. Имя, которое мы написали на браслетике, купленном в парке во время прогулки. Этот браслетик до сих пор где-то валялся, среди вещей, которые надо бы разобрать. Там, среди этих вещей, было много всего, что я периодически выкидывала, но его выкинуть рука так и не поднялась.

— Я, пожалуй, пойду... — мама попыталась подняться еще раз, но я произнесла:

— Нет. Пообщайся пока с Ларом.

— А ты?

— А у меня срочное дело.

Я проводила маму в детскую, а сама снова спустилась вниз, приблизилась к Лоргайну, дежурившему в гостиной. Заметив меня, вальцгард стремительно поднялся из кресла.

— Риам Этроу? Вы куда-то собираетесь?

— Да. Отвезите меня к риамеру Вайдхэну.

— Но он сейчас...

— Отвезите меня к риамеру Вайдхэну, — повторила жестко. И, не дожидаясь ответа, направилась к дверям.

Глава 16

Я очень не люблю, когда «за меня меня решают». Еще больше я не люблю, когда кто-то лезет в мою личную жизнь, копается там и вытаскивает на свет то, что я бы предпочла пока поддержать в темноте. Еще больше — когда меня пытаются «облагодетельствовать» такими вот поступками, а-ля иртвах, победивший дракона и спасший деву, а на деле — вытащивший мою маму из моего прошлого и в добровольно-принудительном порядке подпихнувший нас друг к другу в тот самый момент, когда я эмоционально нестабильна. Потому что у меня черное пламя, потому что у меня Черное пламя, и потому что Черное пламя сейчас откровенно бесит.

Своим самоуправством. Своей властью. Своим отношением ко мне, как к неразумной девочке.

Именно последнее и заставляет меня глубоко дышать, пока мы летим. Чтобы с мужчиной получился конструктивный разговор, нужно быть женщиной, а не визжащей малолеткой или тем более не топающим ногами ребенком, который кричит, что его обидели и построили башенки без него.

Спасибо хоть Лоргайн не стал испытывать мое терпение на прочность и без малейших колебаний направил флайс к пустошам, где сейчас запускают новую систему безопасности в присутствии Вайдхэна. То, что он помешан на контроле, сразу было понятно, и то, почему он на нем помешан, в принципе тоже можно понять, но я это больше терпеть не буду.

Не буду терпеть, что меня разворачивают в присутствии взрослого мужчины, как нашкодившую девочку, не буду терпеть того, что мне не доверяют и постоянно проверяют, что мои разговоры докладываются ему незамедлительно. И если он не захочет меня услышать — что ж, так тому и быть.

Я начинаю думать о том, что стоило подождать, пока он вернется, когда мы подлетаем к пустошам. Начинаю — и тут же об этом забываю. В Мериуже (да и в принципе в большинстве мегаполисов Раграна) пустоши располагались очень близко к городу. Это послужило причиной страшной трагедии в прошлом: «сигнальные»

башни находились чуть ли не в десяти метрах за границами города, а датчиков, предупреждающих о появлении драконов заранее, в те времена в Рагране и в помине не было. По правде говоря, Рагран в те годы находился в глубокой экономической... ладно, пусть будет яме, и система безопасности хромала на все четыре лапы.

Сейчас же, стоит нам оставить круги районов за спиной, мы влетаем в пустоши, и я вижу, что перед нами расстилается бескрайняя... нет, не потрескавшаяся от неухоженности земля, а укутанная снегом, с прожилками пробивающихся ледяных ленточек ручейков, красочная пустынная местность, которая лет через десять окажется окружающим Мериуж лесом. Деревья здесь высажены молоденьким пушистенькими островками, и пусть сейчас, зимой, они лысые, придет весна, и все расцветет пышной зеленью. Я помню репортажи с границ пустоши, которые были до Вайдхэна, это было унылое место, но то, что я вижу сейчас, в корне отличается от того, что было тогда.

Мы летим достаточно долго, а я все не вижу и не вижу сигнальных башен. Они нужны для того, чтобы экстренно поднять вальцгардов в случае волнения драконов, и, особенно в случае их приближения к городу, но сейчас ничего этого просто нет. Пока я озираюсь, рассматривая раскинувшиеся справа и слева пейзажи, мы уже начинаем снижаться. К группе иртханов, среди которых я взглядом сразу выхватываю Вайдхэна. Большинство из них в форме, вальцгарды, только несколько мужчин в костюмах — очевидно, его личное сопровождение, служба безопасности.

Разумеется, их уже предупредили о том, что мы прилетим, иначе наш флайс просто не прошел бы в пустоши, но тем не менее он сдвигает брови, когда я выхожу и направляюсь к нему.

— Что вы здесь делаете, риам Этроу? — холодно интересуется Вайдхэн.

— Получила ваше послание, — с трудом сдерживаюсь, чтобы не сказать что пожестче. — И немедленно приехала.

Самое главное, что он прекрасно понимает, о каком послании, а точнее, о *ком* я говорю. А я прекрасно понимаю, что не захоти он — меня бы здесь не было. Это он разрешил Лоргайну меня привезти. Сюда. Зачем-то. Зачем это нужно ему — не суть важно. Зачем это нужно мне, я знаю отлично, и даже примерно представляю, чего

ожидать. Сейчас меня уведут в сторону и станут отчитывать в стиле большого босса.

К чему я не готова, так это к тому, что Вайдхэн кивает мне на свой личный флайс и произносит:

— Прошу, риам Этроу.

Ну и как это понимать? Он подождал меня здесь, благополучно все запустил, а потом решил отвезти домой?

Удивительно, что за нами не идут ни вальцгарды, ни безопасники, даже водитель выходит, стоит Вайдхэну подойти к дверце флайса с его стороны. Поскольку пассажирская дверца открывается автоматически, то есть идет вверх, стоит Бену коснуться панели, я обхожу флайс и собираюсь сесть рядом с ним, на переднее сиденье, но он меня опережает. В одно мгновение оказывается рядом со мной и подает руку. Чтобы я случайно не навернулась в снег, даже на относительно расчищенной площадке. Причем все это — на глазах у всех.

Здесь еще остались наивные, кто верит, что я просто его секретарь?

— Мне не понравилось то, как мы расстались, Аврора, — говорит он, когда флайс поднимается ввысь и, подчиняясь его управлению, «скользит» в сторону пустошей. Здесь, где нет никаких ограничений и знаков, где повсюду снег, стирается и расстояние, и скорость.

— Мне тоже много что не нравится, — говорю я. — Например, когда в мою жизнь лезут вот так, без малейшего предупреждения.

— Что изменилось бы, если бы я тебе рассказал о том, что произошло?

Ничего.

— Тебе нужно было это сделать? Найти маму?! Зачем?!

— Затем, что тебе предстоял суд, и я должен быть учесть все обстоятельства. Мы встретились и поговорили, а дальше все получилось само. Твоя мать — удивительная женщина, Аврора, но насколько я понимаю, тебя это совершенно не радует.

— Радует. Еще как. — Я повернулась к нему. Поставленный на автопилот флайс шел мягко, стирая расстояние, как ластик, или же, напротив, увеличивая его. Все дальше унося нас от Мериужа. — Я просто не понимаю, почему ты мне не сказал.

— Потому что риам Оттери меня попросила. Потому что она не была готова к встрече с тобой тогда.

— А сейчас?

— А что сейчас? Мы с тобой отдаляемся с каждым днем, Аврора. Я не сказал тебе ничего, потому что мы вообще ни о чем не говорили. Исключительно о работе.

— И в этом, получается, виновата я?

— Нет. Мы оба.

Я вздыхаю.

— Вот как с тобой вообще разговаривать? Ты приказываешь, потому что считаешь нужным, а потом выставляешь меня ребенком, который нарывается на ссору.

— Я никем тебя не выставляю. Я предлагаю тебе решить, насколько для тебя важны наши отношения.

Удивительно, но о том же самом я собиралась говорить с ним. Один в один! Но сейчас задаю вообще нелогичный вопрос:

— Куда мы летим?

— Хочу тебе кое-что показать. Точнее, кое-кого.

У меня все внутри холодеет.

— Драконов?

— Боишься?

Сейчас мне кажется, что он надо мной издевается. Хотя, возможно, так оно и есть, потому что для него драконы — это... ну, просто драконы. А для меня — звери неукротимой мощи, которые могут наступить на меня и не заметить.

— Хорошенький способ избежать серьезного разговора, — говорю с нервным смехом.

— Как видишь, я его не избегаю, — Вайдхэн сдвигает брови, — больше того, я его провоцирую. То, что он не совсем обычный, точнее, в не совсем обычном месте... Я долгие годы был лишен возможности выехать в пустоши. Ты наверняка не знаешь об этом, Аврора, но вместе с пламенем иртхану передается не только магия огня и звериная часть дракона, вместе с пламенем нам передается неосознанное, постоянное притяжение к ним. К тем, кто делился с нами силой, к тем, кто отдавал нам часть своего пламени, чтобы позволить стать равными. Драконы подчиняются иртханам не потому, что боятся их. Драконы подчиняются иртханам как равным, как сильнейшим среди равных, как лидерам. Долгие годы в нашем мире все было перевернуто с ног на голову, и было слишком много тайн, но все эти

долгие годы я был изгоем среди тех, чье пламя бурлило у меня в крови. Я не могу этим наддышаться — своей свободой. Своей возможностью быть рядом с ними. Тем, что я могу для них сделать.

Он произносит это настолько серьезно, что у меня внутри что-то дергается. То ли от глубины его чувств, то ли от того, что для него это настолько важно, и я понимаю, насколько.

— Продолжая разговор о твоей матери... я нашел свою сестру спустя много лет после случившегося под властью моего отца. Признаюсь честно, если бы у меня не было возможности и средств, чтобы найти ее самостоятельно, я был бы рад, если бы ее для меня нашел кто-то другой. Не просто нашел — привел ко мне, и сделал за меня все то неудобное, неуютное, неопределенное — все то, что возникает перед глазами, в сознании, в разуме, когда думаешь о близком, которого не видел достаточно давно, и с которым вообще непонятно как расстался. Если не сказать, вообще никак. Я понятия не имел, захочет ли она меня видеть, но тем не менее пошел к ней.

— Она захотела? — почему-то у меня сел голос, когда я это спрашивала.

Вайдхэн же резко увел флайс в сторону вырастающих впереди невысоких холмов.

— Я был примерно как Лар, когда все случилось. Мы встретились как чужие и расстались примерно так же. Она не была в восторге от нашей встречи, я это почувствовал. — Он приподнял брови и усмехнулся. — Для нее я действительно был всего лишь братом по крови. Не больше и не меньше. Братом, из прошлого, которое она всеми силами стремилась забыть, которое ей забыть удалось, и которое она вспоминать не хотела.

— А я для папы была всего лишь обузой... — Я вовремя прикусила язык, потому что наши откровения грозили перевалить за отметку «откровенный разговор» и войти в графу «консультация с психологом».

— Не скажу, что это приятно, но все равно чуть получше, чем быть объектом манипуляций и попыток завладеть миром, предварительно наполовину его разрушив, для того, кого долгие годы считал отцом.

Да. Если бы он улыбнулся сейчас, это точно перешло бы на ту самую графу, но пока что это все еще просто откровенный разговор.

Мужчины и женщины, которые друг для друга... вообще непонятно кто. Жених и невеста, босс и секретарь, черное пламя и его контейнер? От последнего уже у меня вырывается смешок. Я прикусываю нижнюю губу, а в следующий момент мы вылетаем из-за холмов. Дракон, огненно-красный, на белом снегу сначала кажется просто нереальным, как в аронгарском блокбастере, но, когда мы подлетаем ближе, он вскидывает голову.

Первая мысль, которая у меня мелькает в голове, о том, что ему стоит взмахнуть крыльями, сделать «кусь», и наш флайс развалится на две половинки. Не знаю, предположительно, потому что я не уверена, из чего делают флайсы правящих. Второе, о чем я думаю — останемся мы в той половине, которая в его пасти, или в той, которая упадет в снег.

— Ни за что бы не подумал, что ты такая трусишка, Аврора!

— А ты когда первый раз увидел дракона, не испугался?

— Я первый раз увидел дракона не так давно, — хмыкает он, — и в те минуты страх был последним, что меня беспокоило.

Я все время об этом забываю! О том, что Черное пламя Раграна большую часть своей жизни видел драконов в точности, как и я — по визору, в хрониках или в фильмах. Ну или в кино.

Дракон реагирует равнодушно, пока мы летим. Точно так же равнодушно смотрит, как мы опускаемся чуть поодаль.

— Он правда не воспринимает нас... меня как потенциальную еду?

— Драконы не воспринимают друг друга как потенциальную еду.

— Но я не дракон. Не иртхан. Я человек, — напоминаю на всякий. Ну мало ли. Может, он об этом забыл?

— Ты со мной, — напоминает он. — И у тебя в крови черное пламя.

Если сверху дракон смотрелся противоестественно-ярким, то когда мы оказываемся в нескольких метрах от него, его чешуя кажется просто раскаленной. Она горит алым, снег вокруг зверя оплавлен, чешуйки сверкают в лучах заходящего солнца. От него исходит такой жар, что кажется, если я сейчас сброшу пальто, не замёрзну. Он лениво наблюдает за нашим флайсом, а потом отворачивается. Для него ничего необычного. Так, Черное пламя Раграна прилетел со своей... секретарем.

Бен все-таки выходит первым, снова огибает флайс, и, хотя дверца открыта, я выходить не хочу.

— Пойдем, — он протягивает мне руку.

— Не-а. Нет. Ни за что.

Он улыбается, а потом оставляет меня в покое и просто идет к зверю. Дракон снова вскидывает голову и раскрывает крылья. Размах у них такой, что мне на миг даже дурно становится: если же он ими махнет посильнее, наш флайс сдует. Или не сдует?

Несмотря на открытые двери, в салоне действительно жарко: это внутреннее пламя дракона, исходящая от него сила сталкиваются с холодным воздухом зимы, создавая зыбкое марево. Мне кажется, что если к нему подойти ближе, просто сгоришь. Это как идти к гигантскому факелу, но Бен спокойно входит в это марево и так же спокойно касается чешуи, будто она не раскалена до предела. При этом не отдергивает руку и не отпрыгивает, дуя на пальцы.

Зверь, несмотря на то, что лежит, опускает голову. Настолько, что его морда становится ниже роста Вайдхэна, и я понимаю, что таким образом он признает его власть. Смотреть на все это с расстояния нескольких метров настолько дико, что у меня даже отключается инстинкт самосохранения. Или слишком много адреналина? Или весь мой страх, все эмоции ушли на то, что происходит между нами? Потому что мне кажется, что грохот сердца в моей груди никак не связан с тем, что принято называть страхом. Неужели это правда? Как я могу не бояться дракона?

Осознание этого настолько меня оглушает, что я еще несколько минут сижу, смотрю, как Бен просто стоит рядом с ним, глядя вдаль. Еще недавно окрашенный закатным солнцем снег пустошей понемногу темнеет, впитывает начинающие густеть сумерки, и я все-таки выхожу из флайса.

Дракон выпускает струйки дыма из носа, прочертив две талые дорожки рядом с Беном. Там, куда ондохнул, сейчас темнеет земля, а Бен поворачивается ко мне и протягивает мне руку. Я шагаю ближе, вкладываю свои пальцы в его ладонь, и он притягивает меня к себе. Так легко и естественно, словно не было ни единой нашей ссоры, и так мы и стоим, пока раскаленная полоска солнца не скрывается окончательно за горизонтом. Рядом с нами глубоко дышит дракон, от

его дыхания воздух разогревается еще сильнее, а под ногами я слышу удары мощного сердца.

Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на зверя, и он, прищурившись, смотрит на меня. Моргает. Снова хлопает крыльями, и в лицо мне летят уже не снежинки, а брызги — растаявшие от жара его тела. Не удержавшись, тянусь к сверкающему алому боку, осторожно касаюсь чешуи. Она слегка теплая, не горячая, самый жар, видимо, остался под ней.

— Ты такой красивый, — говорю ему. Дракон жмурится, словно меня понимает. Может, и понимает? Надо будет спросить у Вайдхэна, но позже, потому что сейчас все слова лишние. Это такие магические мгновения, такое волшебство, которое не хочется нарушать лишними вопросами и выяснениями. Но не получается.

— С драконом мне все понятно, — говорит Вайдхэн, нарушая очарование момента. — А вот с нашими отношениями — не совсем. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Аврора. Хочу этого так, как никогда и ничего в жизни своей не хотел.

Он поворачивается ко мне, достает из кармана пальто коробочку. Логотип-эмблема знакомы каждой женщине, которая хотя бы раз листала соцсети или заглядывала в виртуальный журнал мод. Это логотип «Адэйн Ричар» — ювелирной компании, создающей украшения исключительно на заказ, из фервернского льда — драгоценных камней, которые добывают только в Ферверне. Эксклюзивные, по таким ценам, в которых с нулями можно запутаться. Это настолько лакшери, что у меня даже во рту пересыхает гораздо быстрее, чем от близости дракона и его пламенной сути. Особенно когда коробочка с легким щелчком открывается, и я вижу сверкающее на иссиня-черном бархате кольцо.

— М-м-да, — говорю я. Подозреваю, что это не то, что каждый иртхан хочет слышать в ответ на предложение руки и сердца рядом с живым драконом, у которого сейчас глаза размером как у меня. В смысле, на драконий эквивалент, конечно же, но тем не менее.

— Это все, что ты можешь сказать? — спокойно интересуется Вайдхэн. Как-то так спокойно, что от этого спокойствия по спине марширует стадо колючих мурашек.

— На самом деле нет. Я многое хотела тебе сказать до того, как ты показал это. Ты правда думаешь, что кольцо стоимостью в пару

квартир отменяет все, что было до?

— Что было «до», Аврора?

— Ты меня оскорбил! Для начала, — я складываю руки на груди. — Когда сказал, что я флиртую с другим мужчиной, будучи в отношениях с тобой. Потом запретил к нему приближаться, как будто я твоя собственность. Ну и сегодня — до кучи — ты сказал, что я пользуюсь служебным положением! Ты уверен, что тебе нужна такая жена?!

— Это — не доказательство, что нужна?! — Колючих мурашек становится больше, а камень, которому положено по происхождению быть холодным и ледяным, словно впитывает жар и блеск чешуи дракона, сидящего рядом с нами. Который, к тому же, начинает урчать, как виари, вот только когда виари урчит, это приятно, а когда урчит дракон, вибрирует земля. И воздух. И все внутри меня. Может быть, дело не в драконе, а в Вайдхэне, который шагает ко мне вплотную с кольцом в раскрытой коробочке.

— Доказательство чего, Бен? — спрашиваю я. — Я не сомневаюсь в том, что ты делаешь мне предложение. Я сомневаюсь в том, что у нас все получится, если ты мне не доверяешь! Почему ты мне не доверяешь?

Он плотно сжимает губы, так плотно, что они грозят сплавиться в одну тонкую линию, разрезающую его скульптурное лицо. Тем не менее спустя несколько минут Бен все-таки произносит:

— Я заказал это кольцо на следующий день после того, как ты сказала, что подумаешь. Ты сказала, что подумаешь, Аврора — и замолчала. Что должен был думать я?

— Но я же была с тобой!

— Быть со мной, и остаться со мной — разные вещи, — процедил он. — Возможно, дело в том, что я не знаю, как понимать твое «я подумаю». Ну и еще в том, что ты считаешь Элегарда Роу гораздо более подходящей партией для себя.

Что?! Что-о-о-о?!

— При чем здесь Элегард Роу?! — я выдыхаю свои чувства, получается очень громко. — Мне кажется, мы говорили о нас!

— Все дело в том, Аврора, что «нас» не существует. Есть ты. Есть я. Не вместе. Мы по отдельности. Ты работаешь со мной, ты вечерами приходила ко мне, но потом ты уходишь, и все так же молчишь. Как

будто между нами не было того разговора. Как будто тебе наплевать. Как будто ты только и ждешь, чтобы сказать, что не выйдешь за меня. Что тебя вполне устраивает должность секретаря, и на этом — все.

Мир сошел с ума. Вайдхэн сошел с ума! И я схожу с ума тоже, потому что мурашек становится столько, что они вот-вот начнут с меня падать, а после рассыпятся по всему снегу, по всей пустоши и заполонят мир. Дракон начинает урчать так, что я подпрыгиваю, как мне кажется. Или просто меня так трясет от эмоций? От наших общих эмоций?

— Что с ним? — интересуюсь я, чтобы переключиться.

— Он себя успокаивает. Чувствует нас.

Неплохо было бы, чтобы он еще и меня успокоил. Почему у меня не получается рядом с Вайдхэном быть спокойной? Действительно спокойной, чтобы нормально поговорить, все выяснить, а не вести себя как подросток в период гормональной бури?! То, что я сейчас и правда подросток в период гормональной бури (спасибо, черное пламя) — не считается.

— Я пошла на должность секретаря, на эту должность, чтобы поработать с тобой. Чтобы узнать тебя лучше, чтобы понять, что я тебя достойна, — говорю, глубоко вздыхаю и добавляю: — Но вовсе не для того, чтобы от тебя убегать, чтобы говорить, что мне нужна только эта работа, пользоваться служебным положением и направо и налево флиртовать с другими мужчинами. Для меня все так быстро произошло, что мой мир пошатнулся, да что там, он и сейчас шатается, Бен! Неужели ты не видишь? Я пытаюсь сделать как лучше... Боюсь привязаться к тебе еще сильнее... боюсь, что получится, как с Каридом! Что тебе просто-напросто надоест, потому что хоть во мне и складывается твое черное пламя, я всего лишь человек, обычная женщина! А не какая-то там Алера Бла-бла-бла-сверни-язык инд Хамир!

На последних словах я обхватываю себя руками и отступаю. Мне настолько неловко, что я все это выложила ему с полпинка... не так давно я вообще думала, как не стать женщиной из разряда «Хэй, парень, женись на мне!», а сейчас «парень» готов жениться, и вообще все хорошо, но у меня в голове полный кавардак, а внутри — коктейль из черного пламени, чувств и эмоций.

— Я боюсь, что все, что нас связывает — это черное пламя! — выдыхаю свой главный страх. — Что, если его убрать, ничего не останется. Точнее, ты останешься правящим, а я снова стану матерью-одиночкой с неизвестным будущим и опытом работы секретарем в Ровермарк.

Теперь, когда я все это сказала, я чувствую себя опустошенной и в то же время свободной. Настолько свободной, насколько не чувствовала себя уже давно.

— Ну во-первых, убрать черное пламя, чтобы проверить твою теорию я не могу, — произносит Вайдхэн, когда понимает, что я замолчала и добавить мне больше нечего. — Во-вторых, пламени в венах иртханов изначально придается очень большое значение. Да, во мне есть звериная суть, но во мне есть и суть иртхана, и, смею надеяться, она тоже имеет право голоса. Не только право голоса, но и право выбора, и право на чувства. Ты правда считаешь, что я делаю тебе предложение только потому, что мое черное пламя тянется к тебе?

— Не знаю, — я качаю головой. — Не знаю. Почему ты делаешь мне предложение, Бен?

— Потому что хочу провести с тобой всю свою жизнь, Аврора. Потому что хочу засыпать и просыпаться рядом с тобой. Потому что хочу, чтобы у нас с тобой были дети. Хочу увидеть, как они пойдут в школу, хочу увидеть, как вырастут и станут сильными иртханами. Хочу, чтобы ты разделила все это счастье со мной. Ты этого хочешь?

Он смотрит на меня так, что мурашки сменяются жаром, от которого становится горячо даже дышать. Дракон перестает вибрировать, и вместе с ним перестает подрагивать земля. Так гораздо лучше, так более ясные мысли, хотя я все еще не могу поверить в то, что Бен только что сказал.

— Ты правда хочешь, чтобы у нас были дети? — спрашиваю почему-то очень тихо.

— Да. Не меньше парочки иртханят, которые будут дружить с Ларом приставать к Дрим так же, как сейчас пристаёт он. Ну и разумеется, которые будут очень бояться первой встречи с драконами, потому что их мама — трусишка.

— Я не трусишка, — возмущенно говорю я. — И я не боялась дракона. Просто не сразу это поняла.

— Ты боишься меня. Боишься настоящих чувств. И отношений тоже боишься, Аврора, но я достаточно упорный, чтобы спросить еще раз: ты за меня выйдешь?

Бен произнес это так, что я на мгновение пропустила вздох. В его глазах сейчас отражалось не черное пламя, а я, и от этого вопрос получился на удивление сокровенным, каким-то настолько глубоким, что мне даже не по себе стало. Не по себе — потому что я поняла, что я падаю в этого мужчину, как в пропасть. Я просто лечу, и крылья за спиной (даже если бы они были) меня не спасут, потому что эта пропасть бездонна. Но может быть, стоит позволить себе упасть по-настоящему, чтобы почувствовать, каково это? Ведь в пропасти, у которой нет дна, просто невозможно разбиться. Зато можно бесконечно чувствовать этот головокружительный полет, так похожий на смешанные чувства, когда ты выходишь на сцену.

— Отказ не принимается? — фыркнула я, чтобы избавиться от этого глубокого чувства, поселившегося внутри.

— Принимается, — серьезно ответил он. — Принимается любой твой выбор, Аврора. И да, и нет. Но больше никаких «я подумую»...

— Да.

Я перебила его до того, как Вайдхэн успел закончить. Перебила и рухнула в эту пропасть, кажется, еще до того, как он надел мне на палец кольцо, и до того, как поцеловал. Где-то там остались все сомнения, страхи, вопросы, которыми я могла задаваться до бесконечности, а мы все стояли и целовались. Он меня удержал, когда земля содрогнулась по-настоящему, когда дракон оттолкнулся, чтобы взлететь, а порывом воздуха от крыльев нас чуть не снесло к флайсу.

Не снесло: мне показалось, что Вайдхэн превратился в скалу. В скалу, которую облепили снежинки, снежинки, взметнувшиеся после взлета огромного зверя, забились мне в рот, в уши и вообще во все места, куда достали. Я даже чихнула и рассмеялась, потому что Вайдхэн тоже покрылся «снежной дымкой», особенно красиво осевшей на его темных волосах. В эту минуту я поняла, что отчаянно хочу провести с ним всю свою жизнь — так же, как и он со мной, отчаянно хочу, чтобы у нас были дети. Которые вместе с Ларом будут приставать к Дрим и не только. Я так отчетливо представила нас семьей, что он, кажется, это почувствовал. Потому что снова заключил мое лицо в ладони и невыразимо нежно коснулся губами губ.

А после прижал к себе, и мы вместе смотрели на дракона, постепенно превращающегося в пустоши в едва различимую точку.

Глава 17

Когда я мечтала о том, чтобы стать балериной, я представляла, что однажды окажусь в центре внимания. Особенно когда стану примой, когда мои гримерные будут ломиться от цветов, соцсети — от сообщений поклонников и поклонниц, когда меня начнут узнавать на улицах, а в кафе будут просить сфотографироваться. Так вот, когда я представляла это, я совершенно не думала, что будет, если я однажды окажусь невестой правящего. Девушка из семьи, которая распалась, девушка, которая зубами выгрызала себе и своему сыну будущее, которая была матерью-одиночкой и которая совершенно никакого отношения не имела к ирландам и их многовековым родословным.

Рагран сошел с ума. Мериуж сошел с ума. С ума, по ощущениям, сошел весь мир, единственными островками моего спокойствия сейчас были моя квартира, где я могла укрыться от постоянного внимания, и Ровермарк, где я продолжала работать. Впрочем, с Ровермарк все было под вопросом, потому что те, кто раньше приходил в приемную, глядя на меня как на секретаря, сейчас заходили с таким видом, что мне на второй день после объявления нашей помолвки захотелось уволиться. Кто-то смотрел с завистью, кто-то — с непониманием, кто-то вообще раздраженно, как будто я бесила их одним лишь фактом своего существования. Все это никак не отражалось на разговорах и деловых отношениях, но я это чувствовала. Вероятно, благодаря моей чудесной особенности.

— Ты можешь не работать, Аврора, — сразу сказал мне Бен, но проблема заключалась в том, что я хотела работать!

Нет, ну а что мне еще делать? Не дома же сидеть круглосуточно! Изнывая от искушения снова зайти в соцсети и почитать о себе много всего «приятного».

Разумеется, добраться до меня журналистам не грозило, Бен сказал, что я дам интервью, когда буду готова, и усилил мою охрану. Раза в три. Сопровождение теперь появилось и у моей мамы, которую оберегали от журналистов, а вот отца они все-таки «догнали». Хотя я подозреваю, что он «догнался» сам, в красках расписывая, как из кожи

вон лез, чтобы воспитать меня достойным членом рагранского общества, и что все, что сейчас происходит — это его заслуга.

Зои с Дагом хранили молчание, хотя их тоже «преследовали». Я это знала, потому что подруга на нервах как-то выдала мне, что теперь не может нормально записывать новых клиентов, у нее телефон разрывается от входящих, а главное, она никогда не знает, когда звонит клиентка, а когда — кто-то, желающий узнать подробности обо мне. Их фото тоже теперь были везде где только можно по понятной причине: лучшая подруга будущей первой риам.

— Это все рано или поздно закончится, — спокойно сказал Бен, когда я после очередной порции комментариев в соцсети призналась, что так больше не могу. — Хочешь, мы их посадим?

— Ты это сейчас серьезно? — уточнила я.

— Абсолютно. Соцсети — инструмент, дающий ощущение безопасности всем, кто не умеет держать при себе свою гниль. Так что вполне возможно стоит начать с того, чтобы посадить пару-тройку тех, кто тебя оскорбляет.

— Нет. Спасибо. — Я совершенно точно не хотела, чтобы наши отношения начинались с такого. — Пожалуйста, не говори, что ты на это способен на самом деле.

— На самом деле за тебя я способен и не на такое, — ответил он на удивление серьезно, а потом добавил: — Когда я только пришел к власти, точнее, еще тогда, когда был одним из кандидатов, обо мне писали такое, что можно было сразу благополучно снимать свою кандидатуру, лететь в пустошь, жить с драконами и до конца дней посыпать голову пеплом. Особенно проходились по моему отцу. Поэтому, что произошло в его правление. По сети даже лозунг ходил: «Хотите повторения трагедии — голосуйте за Вайдхэна!» Странно, что ты этого не помнишь.

— Я мало интересовалась политикой. Ну и была немного занята в то время. — Я коснулась его руки: — Это правда? Какой кошмар!

— Это не кошмар, это суровая реальность людей, которые вместо того, чтобы заниматься своей жизнью, очень любят заниматься чужой и вместо того, чтобы исправлять свои ошибки, считают чужие.

Я вздохнула.

— Потом им надоедает. Они переключаются на других, ищут виноватых по всему миру — в своей неудавшейся жизни, и так до

бесконечности. Но главное, о чем я сейчас хотел тебе сказать, Аврора, так это то, что рано или поздно это закончится. Им надоест.

— Им. А правящим? Мировому сообществу?

— Их мнение на этот счет меня мало волнует, я уже говорил. — Он притянул меня к себе и поцеловал в висок. — Ты — моя, и это не обсуждается.

Странно, но всегда, когда он это говорил, я испытывала дикую, ни с чем не сравнимую гордость. Потому что в его словах было столько силы и столько чувств, что сомнений больше не оставалось: мы вместе. Мы действительно вместе. Мы скоро станем мужем и женой. Правда, скоро — это понятие относительное, Бен собирался устраивать свадьбу ближе к лету, а я начинала волноваться по этому поводу. Несмотря на то, что поводов для волнений было и так безумное множество, волновалась я именно по этой причине больше всего. Потому что я все-таки оказалась беременна.

Мы это выяснили с Зои, буквально через несколько дней после «помолвки» в пустоши, когда меня внепланово вывернуло обедом в гостях у подруги.

— Ты там как, драконенка миру собираешься подарить? — отозвав меня на кухню, поинтересовалась она. Я чуть не поперхнулась водичкой, которую пила, чтобы прийти в себя.

— Нет, — покачала головой. — Нет. Точно нет. У меня не так давно было полное обследование, и...

Хотя, признаюсь, слова подруги зацепили, и достаточно сильно.

— Я не думаю, — сказала уже не так уверенно.

Меня ведь проверяли лучшие медики Раграна! Неужели они могли не заметить беременность драконенком с черным пламенем? Но мои «бесячие» дни по-прежнему не начались, поэтому я растерянно моргала на подругу. Оглушенная даже самой возможностью такого поворота!

— Да ну нет. Он же предохранялся, — сказала шепотом. Сама мысль, что драконенок, о котором мы говорили в пустоши, вот-вот появится на свет, почему-то вызвала у меня панику. Да какой мне сейчас рожать! У меня Лару два года всего, а тут еще один... драконенок.

— Все с тобой ясно, — Зои похлопала меня по плечу. — Сиди здесь. Я сейчас.

— Ты куда? — растерянно спросила на собирающуюся на выход подругу.

— За веоланским. И кое за чем еще.

Зои и правда притащила тест на беременность, который украдкой сунула мне и отправила в ванную. Даже два теста: один для иртханов, другой для людей. Беременность показали оба, и подруга застала меня в ванной в состоянии, близком к истерике.

— Ты что? — спросила шепотом, когда я расширившимися глазами уставилась на нее, а потом расплылась в улыбке: — Поздравляю! Сегодня сообщишь счастливому отцу?

Счастливому отцу я и правда собиралась сообщить «сегодня», но так получилось, что счастливый отец сообщил мне раньше — о том, что через неделю мы все-таки летим в Аронгару, в Зингсприд, и пару дней отдохнем на побережье, как собирались. Я была настолько оглушенная свалившимся на меня известием (о драконенке, которого почему-то не увидели даже лучшие медики Раграна), а еще всем сопровождающим — девять месяцев беременности, и снова никаких танцев в течение полутора лет, что даже отреагировала как-то вяло.

— Ты не рада? — спросил меня он.

Рада ли я? Да у меня мечта была поехать в Зингсприд! Не говоря уже о том, что я была бы счастлива поехать туда с ним, но... ребенок?! Да Бен же если узнает, посадит меня под колпак. Охраны у меня станет не в три раза, а в десять раз больше, я буду передвигаться, как молекула, к которой прилипла куча других молекул. В окружении плотно кучкующихся рядом вальцгардов, активно машущих флажками, как воспитатели, сопровождающие младшую группу в садике.

Я и сейчас примерно так передвигалась: ко мне не только Роу не мог приблизиться, но и в принципе никто, а впрочем, Роу больше и не пытался. После новостей о моем предстоящем замужестве мы виделись всего лишь раз. Столкнулись на парковке, встретились взглядами — и, ударившись о стену его насмешки и короткое ядовитое:

— Поздравляю, — я больше не стремилась с ним увидеться.

Через пару дней он уехал, я случайно услышала об этом в разговоре вальцгардов, и я снова осталась одна на этаже. Одна на этаже, но при этом в моем доме и рядом всегда было столько охраны,

что временами я начинала думать, что живу в казармах. Что будет, если Бен узнает о ребенке, я даже представить себе не могла.

Поэтому я не сказала. Поэтому, а еще потому, что все равно волновалась... по поводу его реакции. Безумно. То ли сказывался негативный опыт с Каридом, то ли что-то еще, но я в тот вечер я промолчала. Отложила до нашей поездки с Зингсприд, и Зои попросила молчать, ну, на всякий. Сказала, что хочу сделать ему сюрприз, и теперь искренне надеялась, что сюрприз Вайдхэну понравится. Он должен ему понравиться. Просто не может не понравиться!

Или может?

Умом я понимала, что Карид — не равно Вайдхэн, но при одной только мысли о том, что я произношу два слова: «Я беременна», — меня начинало потряхивать. Поэтому я сделала то, что делала всегда — сосредоточилась на работе, на подготовке к поездке в Зингсприд. Как полоумная накупила себе купальников и легких платьев, как будто мы не на два дня ехали, а на полгода. Оставила в молле почти весь свой аванс за работу в Ровермарк.

Об этом, кстати, тут же написали в СМИ: будущая первая риам Раграна покупает дешевые вещи. Дешевые! Вещи! Ну да, я прошла не по люксовым брендовым бутикам, но откуда же мне было знать, что это преступление?! Даже фоточку приложили, где я расплачиваюсь на кассе в своем любимом отделе, пусть и наполовину закрытая от посторонних взглядов вальцгардами.

К счастью, вся эта суэта здорово отвлекала от мыслей о моей главной новости и помогала переключиться. Не думать о том, как мужчина, который неделю носил дорогушее кольцо с собой, чтобы сделать мне предложение, воспримет новость о наследнике.

Вышла и статья о моей маме: обо всем, что было, с самого начала. К счастью, пресс-служба Бена здесь сделала все возможное, и все сплетни перекрыла настоящая история моей мамы, то, что она фактически пожертвовала собой, чтобы я могла жить спокойно и ходить по улицам без оглядки. За это я была ему безумно благодарна, но если уж говорить откровенно, то, собрав в кучу все мои благодарности — благодарности этому мужчине, можно было бы нагромоздить приличных размеров гору, высотой, скажем так, с Ровермарк.

Пусть даже мы пока так и не начали толком общаться с мамой, просто потихоньку раз в неделю созванивались, учились заново говорить, заново узнавать друг друга, это очень и очень много для меня значило. После нашего возвращения из Зингсприда я даже хотела собрать у себя друзей, а заодно пригласить и маму, чтобы вместе с Беном сообщить всем счастливую новость уже официально. Правда, пока не представляла, как это сделать, но отложила мысли о дружеской вечеринке на потом, в том числе и о том, как сообщить новость о братике или сестренке сыну.

Лар воспринял новость обо мне и Бене очень эмоционально: так обрадовался, так перевозбудился, что на следующий день свалился с температурой. Медики быстро ее стабилизировали и сказали, что такое бывает, а еще порекомендовали как можно меньше потрясений, даже счастливых, для моего сына в ближайшее время.

— Для жизни и психики малыша — это просто сумасшедшая скорость, — сказала педиатр, которая с ним работала, — разумеется, это отражается и на здоровье. С учетом того, что он пережил совсем недавно, я бы посоветовала поменьше новостей и встрясок. Будет лучше, если он будет узнавать обо всем постепенно.

Поэтому Лар оставался в Мериуже, а не ехал с нами в Зингсприд.

— У него еще будут сотни, тысячи таких поездок, — сказал Бен, по-своему истолковав мою задумчивость.

Я согласно кивнула. В другой раз, наверное, очень сильно расстроилась бы, но сейчас во мне скрывался такой коктейль из эмоций, что разочарование от того, что придется оставить дома моего уже почти взрослого драконенка, отошло на второй план. На первый вышло, как же все-таки лучше сообщить новость Бену, и я придумала. Я обещала ему в подарок танец. И я ему подарю этот танец, а после... все расскажу.

Глава 18

Зинсприд, Аронгара

Зингсприд превзошел все мои ожидания. Нет, разумеется, меня нельзя было назвать избалованной путешествиями (да какие там путешествия!), но в целом я изучала фото, смотрела статьи, читала об этом городе неоднократно — магнит для туристов со всех уголков мира, город, словно созданный для того, чтобы валяться в шезлонге на солнышке, пить соки или коктейли и ни о чем не думать. Но фото и статьи — это одно, это впечатления других людей, а свои чувства и ощущения — совершенно другое дело. Мне приходилось постоянно себя одергивать, чтобы не пищать от восторга, как Лар, или, открыв рот, не глазеть на раскинувшееся вокруг нас волшебство.

С пятьдесят пятого этажа нашего отеля вид открывался такой, что просто дух захватывало. Зелень, солнце, песчаная полоса элитных пляжей, сверкающая лазурь воды, прикрытая силовой защитой — чтобы случайно решившие порезвиться у берега водные драконы, которые изредка сюда подходили, не вызвали инфаркт у особо впечатлительных туристов.

Мы остановились в отеле, который был построен буквально в прошлом году. Это был эксклюзивный проект новой сети, уверенно двигающей знаменитую «Шеррамел Стар» на рынке лакшери отдыха. В отеле было всего пятьдесят пять этажей, и несколько последних «отступающими» волнами располагались над основным зданием. Наш номер занимал весь этаж, помимо прекрасных видов, у нас была своя зона отдыха с шезлонгами и индивидуальным бассейном, преградой протянувшимся между нами и высотой. Всем этим можно было наслаждаться как на солнце, убрав щит, так и включив его одним нажатием кнопки, ограждая себя от загара и ветра.

Впрочем, нам повезло: сегодня ветра не было, и спокойно можно было отдыхать даже без щита на нашей высоте. Стоя здесь и глядя на раскинувшийся с одной стороны город, переводя взгляд на бескрайнюю гладь удивительно безмятежного сейчас океана, я чувствовала, как у меня от счастья кружится голова, а еще начинала

понимать, к чему написали ту статью про «дешевые» вещи. В таких отелях, наверное, позорно появляться в том, что я себе купила.

— О чем задумалась? — Вайдхэн подошел и обнял меня со спины так неожиданно, что я вздрогнула.

— У тебя талант подкрадываться, ты в курсе? — Я положила руки на сомкнутые на моем животе ладони, вновь ощущая это дикое, ни с чем не сравнимое волнение. До вечера, танца и нашего разговора осталось не так долго, и это «не так долго» отзывалось внутри меня будоражащей дрожью и ускоряющим ритм сердцем.

— В курсе. Но ты не ответила на мой вопрос. — Его дыхание обжигало кожу сильнее солнечных лучей, а уж лучи тут были ну очень горячие. Настолько, что слегка замерзшая от последнего мериужского похолодания я уже начала оттаивать и не просто согреваться, но разогреваться. Впрочем, под кондиционерами всегда можно было спрятаться, а пока я наслаждалась жарой. И теплом. Теплом и умиротворением, которое чувствовала в каждом ударе его сердца, отдающемся во мне.

— Думала, насколько я соответствую этому отелю.

— Ну вот, опять.

— Да, ты же помнишь ту статью.

— Которую из?

— Про дешевые вещи.

Вот даже не думала, что это меня так зацепит, а Вайдхэн за моей спиной рассмеялся. Так низко, что почти завибрировал, как тот урчащий дракон, на фоне которого мне сделали предложение.

— Ты прекрасна во всем, Аврора. Во всем, что ты носишь. У тебя отличный вкус. Не говоря уже о том, что мы можем купить тебе все, что ты пожелаешь — на первых этажах отличные бутики, или... — Он понизил голос, и его «песчаные» нотки теперь вибрацией передались мне: — Ты можешь ходить обнаженной. По крайней мере, в номере.

— Спасибо, что не предложил ходить обнаженной в отеле. Или на пляже, — с нервным смешком сообщила я и быстро вывернулась из его рук. Понимая, что сейчас мы точно ни на какой пляж не пойдем, если продолжим, а еще — что мне надо быть поосторожнее с такими активностями, к каким мы привыкли. Последнюю неделю все было очень насыщенно, поэтому ожидать от Бена воздержания явно не приходилось, он уже с самого начала, когда мы летели до телепорта

смотрел на меня так, словно брал во всех позах. Сегодня вечером мы наконец-то сможем обо всем откровенно поговорить, а пока... — Кстати, о пляже. Я очень туда хочу. Очень-очень.

— Так собирайся.

— Я уже.

На мне было легкое-платье туника, под которую я надела самый красивый купальник. По крайней мере, мне так казалось: черный, слитный, располосованный золотом, как будто остался раскаленный след от когтей дракона. В сумке давно лежало все самое необходимое, поэтому оставалось только спуститься вниз. На внутреннем лифте (лифт, который был предназначен только для номеров-пентхаусов) мы спустились вниз, и, миновав один из холлов отеля, сразу оказались на пляже.

Здесь у нас тоже была отдельная зона, у самой воды, и, стоило мне увидеть океан так близко, услышать рокочущий гул, как я забыла почти обо всем.

— Я плавать!

— Аврора! — Бен сказал это почти укоризненно, но мне было все равно. Может, для него я и была кем-то вроде девочки, дорвавшейся до аттракционов, но для меня это была мечта. Мечта окунуться в теплые манящие волны, почувствовать их ласку на своей коже... я все это представила еще пока выворачивалась из туники и шла по разогретым доскам к воде. А уж когда оказалась там...

«Как бы здесь понравилось Лару!» — это была первая мысль.

«Какое же блаженство!» — вторая.

— Бен! Иди сюда! — Я замахала руками, повернувшись к берегу. Он с кем-то уже говорил по смартфону, но я привыкла. Выходные у первого ирлхана страны совсем не то же, что выходные у его секретаря. Или даже у знаменитого гонщика. С чего мне вообще вспомнился Роу, я не поняла, только увидела, как Бен тоже машет мне рукой. Машет, явно на что-то показывая.

Я обернулась, и...

Бульк!

Взявшаяся непонятно откуда волна накрыла меня с головой.

Плавать я умела, поэтому совершенно не испугалась, не испугалась и когда вода мягко потянула меня за собой, назад. Наоборот, расслабилась, позволяя океану себя увлечь, подхватить... и

с удивлением поняла, что я с открытыми глазами смотрю на дно. Глаза не щипало, хотя должно было печь от соли, разве что сейчас зрение стало каким-то необычным. Сферическим что ли? И более мутным, будто глаза защищала пленка, но только на миг. Потом все прояснилось, я, кажется, увидела каждую песчинку, каждый камушек, сверкающую прозрачностью и солнцем воду. Еще через мгновение до меня дошло, что грудь не сдавливает в попытке вдохнуть, а еще спустя миг...

Рывок — и меня выдернули на поверхность с такой силой, что солнце обжигаяще ударило по глазам. Я даже зажмурилась, а воздух ворвался в легкие раскаленным потоком, и я чуть не завопила, как новорожденный младенец. Правда, уже в следующий момент поняла, что куда-то лечу, и открыла глаза. На руках у Бена, стремительно выходящего на берег.

— Бен! — пискнула я.

Он резко взглянул на меня:

— Лучше молчи!

— Что? Почему? — Его голос был таким, что меня садануло обидой.

— Потому что я отпустил тебя в океан не для того, чтобы ты захлебнулась в первый же день!

— Но я не тонула! Ты что, не видишь?! Я даже не кашляю!

Вайдхэн нахмурился. Поставил меня на берег, оглядел с головы до ног, будто не верил в то, что я только что сказала. Солнце впилося обжигаящими лучами в мокрые плечи, с волос текло, но мне невыносимо хотелось обратно. Туда, в воду. Даже губы пересохли, но не от жажды, соленая вода точно непригодна для питья.

— Тогда что это было?! Почему ты не вынырнула?

— Любовалась подводным миром, — пожала плечами.

— Без маски?

— Да. Это было...

Он нахмурился и снова коснулся гарнитуры.

— Одну минуту, Аврора.

Кажется, в то, что со мной все в порядке, Вайдхэн поверил, потому что отошел и снова включился в разговор. А я разрывалась между тем, чтобы вернуться в океан и между тем, чтобы поглазеть на него. Все-таки невозможно не смотреть на так очешуенно сложенного

мужчину: широкие плечи, канаты мышц, литой, словно работа известного скульптора, пресс, сильные ноги. К счастью, помимо нас здесь действительно больше никого не было, и я могла наслаждаться зрелищем сколь угодно долго, не рискуя быть замеченной и краснеть от того, какие мысли приходят мне в голову.

Пока что даже наш личный бар не работал, ну, точнее, он заработает в любой момент по нашей просьбе, а пока за стойкой никого не было, можно было хоть бегать по песку с детскими визгами, хоть плескаться водой друг в друга, не думая о том, как это выглядит со стороны. Представила, как брызгаю на Вайдхэна водой, и мне стало смешно. Или вот еще смешнее — пытаюсь его потопить. Совершенно детское настроение подурачиться вдруг сменилось волной такого обжигающего возбуждения, что я задохнулась от нахлынувших на меня чувств. И, что самое интересное, он это почувствовал, потому что вмиг обернулся, и в потемневших глазах мелькнуло то самое огненное, опаляющее выражение. Взгляд стал совершенно звериным, и я, чтобы не провоцировать его дальше, все-таки устремилась в воду.

Правда, надолго не убежала, он присоединился ко мне почти сразу.

— Не знал, что ты такая водоплавающая, — сказал, преодолев расстояние между нами в два мощных гребка и оказавшись рядом со мной.

— Вода — моя вторая страсть после балета. Я в школе даже ходила на факультатив в бассейн... правда, потом его закрыли, но плавать я уже научилась.

— Правда? — Вайдхэн прищурился, приближаясь ко мне слишком опасно. Слишком близко. Теперь меня снова обожгло желанием, но на этот раз уже его.

— Правда, — ответила, сглотнув. Не могла не смотреть на его плечи, покрытые капельками воды, на откиннутые назад волосы, потемневшие и потяжелевшие еще сильнее, на губы... в которые так хотелось впиться поцелуем.

— То есть твоя первая страсть балет, вторая — вода, а я у тебя на третьем месте? — вкрадчиво спросил он. А в следующий миг уже рывком притянул меня к себе. Впечататься в него в воде оказалось неожиданно остро, настолько, что у меня потемнело перед глазами, и на миг весь пляжный пейзаж Зингсприда просто стерся, оставив

только усиленное водой чувство наших прикосновений и сладко ноющий от желания низ живота.

— Хватит, Бен, — шепотом попросила я, — нас могут увидеть.

— Кто? — поинтересовался он.

— Не знаю. Драконы? Кто-нибудь запустит дрон, и...

— Тебя это правда волнует, Аврора? — хрипло мне в губы поинтересовался он. А потом перед глазами потемнело уже от прикосновения. Интимного, сильного скольжения пальцев между моих бедер. Тут уже впору радоваться, что я надела слитный купальник, хотя когда ему это мешало? Он просто сдвинул низ в сторону, продолжая ласкать меня, и это одуряющее желание — желание слиться с ним без малейшего стыда, вот так, на берегу, под водой — схлестнулось с осознанием, мыслью о том, что я беременна. Не навредит ли это малышу?

— Не надо. Пожалуйста, — я перехватила его руку, с трудом выравнивая сбивающееся дыхание.

— Что-то не так? — Он остановился, внимательно взгляделся в мое лицо.

— Нет. Все так. Я сейчас... просто хочу поплавать с тобой.

Бен внимательно посмотрел на меня, но я больше ничего не сказала. Просто уткнулась лбом ему в грудь, пытаюсь выровнять совершенно сбившееся дыхание, а потом выскользнула из его рук и поплыла уже на глубину. Океан был спокоен, лишь изредка накатывали такие «острые» волны, как та, что накрыла меня, и, когда Бен меня догнал, я перевернулась на спину, изображая звезду.

— Ты сегодня очень странная, Аврора, — хмыкнул он, тоже переворачиваясь.

— Я сегодня очень счастлива, — ответила я.

Солнце светило так ярко, что пришлось прикрыть глаза, чтобы видеть полоску высокого-высокого летнего неба. Такого пронзительно-голубого, такого чистого, такого жаркого, и все это — находясь в успокаивающих, обволакивающих объятиях океана. В это мгновение отступил даже малейший страх за свою новость, даже малейшее волнение. Мне показалось, что я готова сказать ему об этом сейчас. Так может быть, действительно сказать?

— Бен...

— Аврора! — Он резко развернулся: так резко, что я чуть не бултыхнулась, переворачиваясь.

И замерла: потому что за щитом над водой взмывали ввысь и снова погружались в воду многочисленные драконы.

Это было настолько красиво, что у меня перехватило дыхание. Их иссиня-зеленая, сверкающая на солнце чешуя переливалась всеми оттенками бирюзы и лазури, явно отмечая их принадлежность к водной стихии. Лапы драконов были перепончатыми, чтобы удобнее плавалось, а мощные, змеевидные хвосты, вероятно, были предназначены для того же. Драконы взмывали вверх, иногда парами, иногда поодиночке, несколько мгновений парили над океанской гладью, потом ныряли. От их близости и силы самой хотелось взлететь.

— Это невероятно! — выдохнула я, когда один из драконов стрелой взмыл в воздух, а после столь же стремительно вошел в воду, подняв тучу брызг. — Сколько их там?

— Десятки, — Вайдхэн притянул меня к себе. Он тоже любовался происходящим, и любоваться драконами вместе с ним было теперь так естественно. — Так вот, оказывается, кто создает волны.

— Они здесь всегда так?

— Не уверен.

— Тогда почему...

— Мы, — пояснил он. — Мы с тобой не совсем обычная пара, Аврора.

Да уж, не совсем. А драконов становилось все больше и больше. Они резвились, то всплывая на поверхность, то врезаясь в воду, нас покачивало на волнах, пару раз даже снова накрыло, но Вайдхэн тут же выдергивал меня на поверхность, и мы снова смотрели на эту красоту. Очень скоро над побережьем и впрямь зажужжали дроны — правда, на «нашу» территорию не залетали, а когда я обернулась, на соседствующих с нашим личным пляжем уже собрался народ.

— Кажется, нам пора возвращаться, — сказала я.

— Несомненно. Инфоповод мы уже создали.

Этот день прошел просто невероятно насыщенно: драконы не уходили от побережья до полудня, хотя уже спустя час после их появления в сети появились заголовки о необычном скоплении водных. Я не стала читать все, что пишут по этому поводу — особенно

всякие страшилки, которые некоторые умудрялись писать, но кажется, правящему Зингсприда придется давать комментарии. Что же касается меня, я наслаждалась видами, успела поспать в тени нашего большого шатра на шезлонге, укрытая легким пледом, который накинул на меня Вайдхэн. Успела пообедать салатом из морепродуктов и овощами, выпить сока, потом еще раз искупаться — уже когда раскаленное полуденное солнце чуть отступило.

— Они ушли, когда ты заснула, — сообщил мне Бен, — примерно в самую жару.

Жара или мой сон показались драконам неудобными, я выяснять не стала. Мне было достаточно того, что этот день — самый счастливый день в моей жизни. До вечера оставалось уже не так много, когда Вайдхэн предложил возвращаться в номер.

— У нас сегодня ужин, — сообщил он. — В ресторане «Адоан Нэйха».

Этот ресторан располагался на крыше нашего отеля, и я искренне порадовалась, что не надо будет никуда далеко идти. Учитывая, что у меня вечером сегодня насыщенная программа — танец для Вайдхэна и моя новость... хотя может быть, стоит рассказать ему все уже в ресторане?

— Иди в душ, — произнес он. — Одна, потому что вместе мы там застрянем надолго.

В его глазах заискрило пламя. Пламя, явно намекающее на то, что неплохо было бы действительно там застрять, и в другой раз я бы его пригласила с собой, но... не сегодня. В роскошной просторной душевой стояла, подставляя разгоряченную кожу смягчающим струям теплой воды, и думала о том, как моя жизнь изменится сегодня вечером.

Нет, не так.

Как сегодня изменится *наша* жизнь.

В номер кто-то заглядывал, пока я мылась. Я решила, что это кто-то из нашей службы безопасности, дежурившей на этаже дополнительно к службе безопасности отеля, но, когда вышла, обнаружила два футляра. В одном оказался костюм для Вайдхэна, в другом — платье для меня. Платье темно-бордового цвета, роскошное и явно безумно дорогое. Что я там говорила про наряды Алеры?

Правда, как следует осознать происходящее я не успела, потому что Вайдхэн, стоявший у панорамных окон спиной ко мне, обернулся на мои шаги.

— Мне надо будет уехать, Аврора, — произнес он, и, предупреждая все мои вопросы, добавил: — До ужина я вернусь, ты успеешь только отдохнуть и пообщаться со стилистом, как я снова буду здесь.

Неожиданно. И как-то очень мрачно. По крайней мере, именно эту эмоцию я поймала в его словах. В его интонациях. В его чувствах.

— Могу я спросить, куда?

— Можешь. — Он плотно сжал губы. Потом шагнул ко мне: — Со мной только что связался Рэйнар Халлоран. Мой отчим говорит, что располагает очень важной информацией, которой готов делиться только со мной. Информацией про черное пламя.

Глава 19

Бен уехал не так давно, а мне казалось, целую вечность назад. Этот пентхаус без него стал таким огромным и таким неудобным, что впору снова идти на пляж, чтобы согреться. Я даже попросила приглушить все кондиционеры, но ничего не могла с собой поделать: я мерзла. Так, как не мерзла, кажется, даже в своем продуваемом всеми ветрами пальто в Рагране, когда нашей встречи с Беном еще и в проекте не было. Я прекрасно понимала, с чем это связано — с его чувствами. Этот мой озноб не от сильных кондиционеров, без которых в Зингсприде просто не обойтись, и не от одиночества. Это от его предстоящего (или уже случившегося?) разговора с отчимом.

Честно говоря, я не представляла, что чувствовала бы сама, если бы мне пришлось встречаться с тем, кто разрушил мою семью. Не просто разрушил, стал причиной смерти отца, матери, разлуки с сестрой и всего, что за этим последовало. С тем, кто хладнокровно лгал в лицо, притворялся любящим и заботливым отчимом, а в итоге просто использовал в собственных интригах и чуть не привел к гибели целого мира, ну или к тому, что весь мир лежал бы в руинах.

Я все это чувствовала, все его эмоции без слов, возможно, даже запертые за семью засовами, в десятках внутренних саркофагов, но... не от меня. От меня он вряд ли сумел бы закрыться теперь, и это тоже пугало. Такая близость. Такой уровень. Это же полное слияние, если не сказать больше. Это объединение пламенем, ради информации о котором Бен сейчас отправился в Мэйстон. Не мог не отправиться, и я его прекрасно понимала. Если существовал хотя бы мизерный шанс узнать о том, что нас связывает, от того, кто изучал черное пламя годами, от того, кто стоял у истоков экспериментов над людьми и создания нейросети, с помощью которой можно было управлять драконами по всему миру. К счастью, сейчас нейросеть и все наработки по ней были уничтожены, но, хотя Бен обрисовал мне все на ходу, в крайне общих чертах, мне хватило.

Поэтому ни о каком отдыхе речи и быть не могло. Я бесцельно слонялась по номеру, не представляя, чем себя занять. Попыталась еще раз порепетировать танец, который собиралась танцевать ему вечером,

но музыка словно была отдельно, а я — отдельно. Тогда я вышла на нашу просторную террасу с бассейном и, сцепив руки, сидела там на шезлонге до тех пор, пока не приехал стилист с командой.

Мне должны были делать прическу и макияж, а меня слегка потряхивало. Потряхивало, потряхивало — и вдруг перестало, как если бы я шагнула в клетку с разъяренным драконом, и стало бы уже все равно. В этот момент я отчетливо поняла, что их встреча состоялась, и сердце ухнуло куда-то в пятки. Что он ему скажет? Зачем вообще позвал? С чем Бен вернется ко мне?

Лучше бы уж меня трясло дальше, по крайней мере, так я бы знала, что происходит, а так... я больше не чувствовала его. Совсем. Получается, он все же мог от меня экранироваться? Мог отрезать эмоции? Мог «отключаться»? Все мысли сходились исключительно к тому, что происходит в Мэйстоне, поэтому я автоматически, как кукла, повторяла действия — благо, опыт работы с гримерами был хороший. Закрывать глаза, открыть глаза, посмотреть наверх, посмотреть вниз, сидеть прямо, не моргать, говорить, если вдруг появляется чувствительность глаз.

— Вот такой у нас будет легкий вечерний образ, — сообщил стилист своей ассистентке. Ну или кто там был рядом с ним.

— Легкий? Вечерний? — Она ухмыльнулась. — Зная тебя, ничего легкого тут не будет.

— Риам Этроу у нас девушка тонкая, легкая, солнечная. Тяжелое ей не пойдет, — с улыбкой произнес мужчина. — Правда, риам Этроу?

— Можно просто Аврора, — автоматически ответила я.

— Вот и чудесно. Ненавижу все эти церемонии.

При всем своем внимании к деталям я сейчас не вспомнила бы, как зовут этих двоих. Не говоря уже об их помощниках, которые делали все, чтобы мой образ «сложился» как можно быстрее. Хотя куда мы торопились — непонятно, или же эта парочка просто привыкла так работать. Невысокая девушка с длинной челкой, выбритым затылком и с бирюзовой бабочкой на виске отдавала команды четко, слаженно, а волосами занимался как раз мужчина. И неудивительно, свои у него лились до лопаток таким стильным каскадом, что в другой момент я бы просто позавидовала.

— Туфли, туфли... какие у нас туфли... Гелла, посмотри?

— Да я уже видела. Черные лодочки, классика. Ничего нового.

Я перевела взгляд на раскрытую коробку, которую подала ассистентка, и в этот момент сердце словно сдавила невидимая ледяная рука. С такой силой, что из груди выбило воздух и осталась только звенящая, пульсирующая тишина, в которой вокруг меня продолжалась стилистически-гримерная суэта. Я бы вскочила, если бы могла, но чувство было такое, что меня затягивает под воду: все глубже, глубже и глубже, туда, где не видно обжигающего зингспридского солнца, где только плотная обволакивающая глубина, сдавливающая тебя со всех сторон.

Воздух и звуки вернулись так же внезапно, как и исчезли, я едва успела моргнуть. За это время могли пройти вечность, а могла и одна секунда, я понятия не имела, сколько это длилось.

— Ты с нами, Аврора? — поинтересовался мужчина так же весело. — Тогда продолжаем.

— Одну минуту.

Спрыгнув с высокого стула, я подхватила смартфон и устремилась туда, где провела пару часов, бездумно глядя на океан, подаривший мне столько приятных впечатлений. Набрала номер Бена, даже гарнитуру не стала надевать, просто вдавила смартфон в ухо с такой силой, что почувствовала боль.

Длинные гудки растягивались в удары сердца, а потом он неожиданно ответил. Так неожиданно, что уже моя личная встряска грозила дотянуться до него через расстояние.

— Аврора? Что-то случилось?

— Я... нет. Да... я думала, что-то случилось у тебя, — тем не менее с облегчением, затопившим меня всю от кончиков пальцев ног до макушки, выдохнула я. — Я просто почувствовала... что-то странное.

— Что именно? У меня все хорошо. — Его голос звучал уверенно, а никаких посторонних чувств я не улавливала.

— Хорошо. Хорошо, — повторила как зачарованная.

— Готовься к ужину и поднимайся в ресторан. Я немного задержусь, мне нужно кое о чем переговорить с Халлораном. Потом освобожусь — и сразу к тебе. Ни о чем не думай и отдыхай.

Легко ему говорить! После такого. Впрочем, настаивать не стала, понимая, что все, что бы он ни узнал, что бы его так ни встряхнуло — это явно не телефонный разговор. Поговорим, когда он вернется.

— Я дождусь тебя в номере.

— Не стоит. Я могу задержаться и не хочу, чтобы ты сидела в номере после того, как тобой занимались вайшеррские стилисты.

— Кто?

— Команда стилистов, которая работает на съемках вайшеррских проектов. В том числе они делали грим для эпика Ильеррской, который снимал Гроу и... не помню, как зовут второго режиссера. Неважно. Я обещал, что у тебя будет все самое лучшее, Аврора, и у тебя оно будет. Поэтому сейчас, когда образ будет готов, поднимайся в ресторан и начинай отмечать один из самых лучших дней своей жизни. Я к тебе присоединюсь.

Он отключается раньше, чем я успеваю продолжить, оставив меня с этой мыслью. Со мной работает команда вайшеррских стилистов, в смысле, тех, кто делает грим и образы актерам в Вайшерре. Всем этим... из блокбастеров. В том числе в фильме про Ильерру. Ик! Этот фильм в свое время нашумел так, что страшно представить, поэтому в комнату, где мне делают макияж и прическу, я чуть ли не вползаю.

— Все решилось, Аврора? — интересуется мужчина без малейшего стеснения, и я его понимаю. С таким-то уровнем... гм, стеснение опять чувствую я. Чтоб Вайдхэна с его сюрпризами и всем самым лучшим дракон покусал! Мягонько, но покусал. Я не привыкла общаться в таких кругах. Я только-только привыкаю к мысли, что правящий — отец моего ребенка!

Ой...

Эта мысль неожиданно согревает теплом. Настолько уютным теплом, что я улыбаюсь.

— Говорю же, ничто не украшает женщину так, как улыбка, — произносит мужчина, а женщина хмыкает. Он скептически косится на нее и добавляет: — Но мы все-таки продолжим, да, Гелла?

— Соскучился по актерской школе?

— Да у меня занятия еще не начались! — притворно возмущается он, а потом все тут же возвращаются к работе.

Когда мой образ завершен, я смотрю на себя в зеркало и понимаю, чем вайшеррские стилисты отличаются от не_вайшеррских. Вторые могут сделать из тебя кого угодно, только не тебя, первые, я так понимаю, тоже, но сегодня я — это именно я. Не роковая женщина, как мне пару раз делали на фотосессиях для рекламы «Грин Лодж», не

строгая деловая особа, как меня изобразили на фото для резюме, которое я отправила в том числе в Ровермарк, не совсем юная, не слишком резкая, нет. Я — это настолько я, что страшно становится. В смысле, не от того, что я страшная, а от того, насколько тонко схвачен мой образ. Насколько подобран макияж — вечерний, но без смоки айз, легкий, нюдовый, подчеркивающий мою внешность, легкие волны распущенных волос безо всяких лишних наворотов.

Мне даже платье теперь кажется агрессивным, оно могло бы перечеркнуть мою внешность... Если бы не узор. Черный огненно-пламенный узор, который все видят сейчас, и который все увидят, когда я выйду в этом платье в ресторан.

Бен хочет, чтобы все знали, что я — *ego*. Насколько его, насколько это вообще возможно. Это единственная мысль, которая приходит мне в голову, когда я смотрю на себя в зеркало, не веря глазам. Нет, Аврора Этроу с этой девушкой точно не вяжется, а вот Аврора Вайдхэн... у меня начинает кружиться голова, и я поспешно сажусь.

— Все настолько ужасно? — фыркает Гелла.

За что зарабатывает очередной скептический взгляд от мужчины.

— Нет, мне все очень нравится. Просто я слегка... в шоке. Насколько вы подчеркнули меня.

— В шоке — это хорошо, — довольно заявляет мужчина. — Кольцо посоветую снять, Аврора, вы идете без драгоценностей, акцент на ваше главное, — он указывает взглядом на узор, — украшение. Поэтому здесь все лишнее сверкающее и блестящее будет не в тему, переключите внимание — и все. Образ посыпется.

— Я... м-м-м... хорошо.

Со стилистами мы прощаемся, а мне остается только последовать его совету и взять черный клатч, в тон туфелькам, чтобы завершить образ. В таком виде я и поднимаюсь в ресторан в сопровождении вальцгардов — меня провожают до лифта, у лифта же и остаются, здесь служба безопасности самого отеля такая, что на меня разве что психованный официант с вилкой нападет. В чем я очень сильно сомневаюсь, а вот в чем не сомневаюсь — так это в том, что Бен хотел привлечь ко мне внимание. Об этом говорит и тот факт, что столик у нас не в отдельной ложе, а у окна в общем зале, правда, на возвышении. В Зингсприде ночь опускается быстро, вот и сейчас свет слегка приглушен, за панорамными окнами — океан, над нами —

звездное небо, подчеркнутое мерцающими кристалликами ламп. Пол под ногами воссоздан так, что кажется, я иду по воде, в которой сплетаются водные драконы. Я понимаю, что все это спецэффекты, голограмма, но на миг возникает чувство, что я сейчас туда провалюсь и снова почувствую теплые объятия океана.

В целом весь зал оформлен в ненавязчиво-приглушенных белым и сталью водных тонах, и в полумраке, разрываемом лишь светом мерцающей лампы-водорослей кажется подводным миром.

— Ваше меню, риам Этроу, — официант подает мне планшет, я же чувствую на себя взгляды. Да, незамеченным мой факт принадлежности одному конкретному иртехану сегодня точно не останется. Странно, что он сюда журналистов не пригласил для того, чтобы все зафиксировать.

— Аврора, — знакомый низкий грудной голос раздается раньше, чем я успеваю опустить взгляд в меню, и я вскидываю голову.

Алера, как всегда безупречная, ослепительно улыбается, а после без малейших церемоний опускается на стул Вайдхэна, напротив меня, и произносит:

— Есть кое-что, о чем тебе стоит знать.

Глава 20

Черное пламя Раграна

Полностью седой, глаза — стальные, холодные, пустые. Бен не понимал, как раньше мог видеть в них чувства. Впрочем, умение притворяться — один из талантов Кроунгарда, который отлично работал. Сейчас ему вряд ли удалось бы повернуть то же самое: черное пламя в крови позволяет улавливать малейшие оттенки эмоций. Или их отсутствие. Даже несмотря на то, что на шее отчима красовалась вязь таэрран, он выглядел победителем. В его ситуации он действительно стал победителем — тот, кого должны были казнить после допроса, до сих пор жив и преспокойно живет на деньги Халлорана. Ну или Аронгары, как бы так поддипломатичнее выразиться.

С недавних пор в Аронгаре тоже появилась тюрьма для особо опасных преступников, и находилась она за много километров от города, посреди водной глади. Попасть сюда можно было исключительно телепортом, окруженная силовыми щитами от стихии и драконов она представляла собой идеальное место, где такие, как Кроунгард, вполне способны кайфовать в одиночестве после всего, что сделали.

— Все думал, какой же выйдет наша следующая встреча, — насмешливо произнес отчим. Его камера смутно уступала номерам добротных отелей, с той лишь разницей, что стены были голыми, а в остальном — постель, диван, визор, даже душевая и отдельный санузел, дверь в который почему-то осталась приоткрыта, были на высшем уровне.

С желанием придушить отчима Бен справился давно, ну или ему так казалось. Особенно когда он увидел насмешку в стальных глазах.

— Зря Ландерстерг тебя не добил.

— О. Ландерстерг. Передавай ему привет, когда от меня выйдешь. Ему и его жене.

Почему-то не зацепило. Совсем. Возможно, именно по той причине, что лучшая женщина на свете, *его женищина*, сейчас

собиралась на ужин, на который он не должен опоздать. Это единственное, что важно.

— Если ты пригласил меня чтобы сцедить яд, то делай это быстрее и переходи к сути. Мое время слишком дорого стоит.

Особенно время, которое он мог бы провести с ней.

— Да. Время. Время неумолимо, — Кроунгард вздохнул, но насмешка из его глаз не исчезла, напротив, по тонким губам зазмеилась улыбка. — Ты прав. Перейдем к сути. К твоей невесте. Как она там поживает? Аврора Этроу.

Вот сейчас зацепило. Ее имя его устами, как будто Кроунгард мог дотянуться до нее через толщу вод, через расстояния. Дотянуться и причинить вред, и хотя это было исключено — на нем таэрран, а все наработки по нейросети, в том числе по ретрансляции, уничтожены, он шагнул к нему вплотную. К нему, развалившемуся на диване, хотя Кроунгарда уже не должно было быть в природе.

— Какой взгляд! — восхитился отчим. — Знал бы, что она настолько тебе небезразлична, продумал бы речь заранее.

Желание придушить эту тварь стало еще сильнее. Настолько, что пришлось на мгновение прикрыть глаза, чтобы стряхнуть с себя липкую паутину мыслей, в которой его пальцы сжимались на плотной шее поверх вязи сковывающего пламя узора. Только мысли об Авроре — воспоминания о ней, о том, как она прижалась к нему, когда он уходил, ее легкий поцелуй, вытряхнули из этой тьмы. Аврора стала его светом, и он никому не позволит его погасить. Никому.

— Правда, жаль, что ты не можешь меня убить? — все так же насмешливо, хотя на его запястьях красовались наручники, спросил Кроунгард. — Такой был бы международный скандал...

— Руки марасть противно, — оборвал его он. — Спрашиваю в последний раз: какого набла ты хотел меня видеть?

Вот теперь самоуверенное, довольное лицо отчима все же изменилось. Кроунгард скривился, на мгновение, но тут же снова расслабился.

— Услышал, что ты собираешься жениться, не мог не поздравить лично. И не сказать, что продолжение рода тебе не светит... если ты, разумеется, не заведешь себе иртханессу, способную выдержать беременность твоим отпрыском. Ну или если не захочешь для своей

женушки участи Солливер Ригхарн. Ты ведь помнишь Солливер Ригхарн, Бен?

Неизвестно, что полоснуло сильнее: имя из прошлого, собственное имя, так Кроунгард обращался к нему всегда, с самого детства, или его слова. Слова, в которые он не поверил. Разумеется, к Солливер Ригхарн Аврора не имеет никакого отношения. Солливер Ригхарн забеременела случайно, от психопата с черным пламенем, который отправился к праотцам. У Солливер Ригхарн наверняка не было маркера черного пламени в крови, маркера отца ребенка, и она определенно не могла выносить драконенка с такой мощью и остаться в живых. Она — это совершенно иной случай. И все же сейчас он судорожно прокручивал в памяти все, что помнил про Ригхарн, все, что знал про ее случай.

— Вижу, ты заинтересовался, — Кроунгард усмехнулся.

— Нет.

Он развернулся, чтобы выйти. Это все было лишено смысла: лишено смысла предполагать, что у Эстфардхара есть какая-то стоящая информация, все, что ему нужно было — поглумиться. Его тошнит от скуки, жизнь ему, конечно, сохранили, но от его влияния, свободы и вседозволенности не осталось даже следа. Так что возможно Халлоран был прав, отказавшись от казни.

— Я же сказал, передавай привет Ландерстергу, — ударило в спину. — Будешь с ним разговаривать, не забудь попросить подробные медицинские отчеты по ферне Ригхарн. Особенно как она страдала на последних месяцах, перед самой смертью.

Еще одно отличие от хорошего номера — отсутствие окон и дверь толщиной в полметра, как и стены. За эту дверь он вышел, коснувшись панели разблокировки, отозвавшейся на его временный допуск, сканирование сетчатки. Передернул плечами, стремясь избавиться от ощущения, такого же мерзкого, как оставшийся за этой дверью иртхан.

Коридоры здесь определенно не напоминали добротный отель, металл и холод, давящий холодный свет, и Бен в очередной раз подумал, что Халлоран был прав. Кроунгарду здесь самое место: здесь, посреди бушующей стихии, где больше никого и ничего, а его единственные посетители — молчаливые охранники, доставляющие еду.

Халлоран дожидался его в кабинете начальника тюрьмы, при его появлении последний поспешно вышел.

— Он сказал что-то ценное?

Озвучивать то, что ему сказал Кроунгард, Бен не хотел. Потому что, озвучив это, он признает правоту его слов, признает или хотя бы допустит на мгновение, что это правда. Что такое действительно возможно, что у них с Авророй никогда не будет детей. Эта тварь определенно знала, куда бить, и определенно знала, как в нем зародить сомнения. Через семью. Через то, о чем он всегда мечтал. О ком он всегда мечтал.

Настоящая семья. Большая.

Семья, которую у него отняли, когда он был совсем ребенком.

— Нет.

— Тогда зачем он тебя позвал?

— Соскучился.

Халлоран нахмурился. Этот ирлехан, несмотря на проблески седины в висках, с пронзительным взглядом ярко-зеленых глаз, уже долгие годы был бессменным Председателем Совета Аронгары и решающим голосом Мирового сообщества. Желание все контролировать настолько въелось в него, в его суть, что он мало чем отличался от своего предшественника, Гердехара Аррингсхана, с которым был связан весьма интересный скандал. Закапываться в политику другой страны, в мнение ее правящего или в его резоны Бену сейчас совершенно не хотелось. Ему хотелось назад, к Авроре.

— Я спрашивал совершенно серьезно, Бенгарн.

— Я тоже ответил совершенно серьезно. Как по мне, ты зря его кормишь, все самое интересное он тебе рассказал сразу, чтобы спасти свою шкуру. Его информация по нейросети и ретранслятору уничтожена, а даже если он и утаил что-то серьезное, что вполне вероятно, лучше скорми его драконам, пока он этим не воспользовался.

Халлоран шутки явно не оценил.

— Он пригласил тебя, чтобы не сказать ничего важного?

Бен посмотрел на него в упор.

— Чтобы сказать, что в моем браке невозможны дети.

— То есть? Это представляет угрозу?

— Он имел в виду, что обычная женщина не способна выносить драконенка с черным пламенем. На примере Солливер Ригхарн.

Халлоран слегка расслабился.

— Аврора Этроу. Ты всерьез рассматриваешь эту девочку? Алера инд Хамир вполне перспективный и гораздо более подходящий тебе вариант. Сила ее рода в настоящий момент будет очень кстати для объединения с мощнейшим пламенем.

— Если ты так считаешь, сам на ней и женись.

Этого Халлоран не оценил еще больше.

— У меня есть жена, риамер Вайдхэн. Не думал, что об этом стоит напоминать.

— А у меня есть невеста, местр Халлоран. На этом предлагаю закрыть тему нашей оказавшейся совершенно бесполезной встречи.

— Информацию в любом случае нужно проверить, — холодно произнес Председатель совета Аронгары. — Я запрошу отчет по Солливер Ригхарн у ферна Ландерстерга.

— Удачи.

От всего этого разговора было тошно. Он все еще не верил Кроунгарду. Все еще не верил. Но если он ему не верит, то почему в голове настойчиво крутится мысль: позвони Ландерстергу, позвони Ландерстергу, позвони Ландерстергу.

Сейчас выходные. Плюс разница во времени.

Это странное тянущее чувство, не дающее покоя.

«Я же сказал, передавай привет Ландерстергу».

Наблов ублюдок знал, что так будет. Знал, что ему достаточно посеять сомнения, отравить его этой дрянью. Позвонить Ландерстергу — чтобы признать его правоту? Или чтобы раз и навсегда избавиться от мерзкого давящего чувства в груди?

Он сам не знал, что его так зацепит. Не представлял, не верил, потому что для него Аврора была важнее всего. Так ли уж это важно, будут у них дети или нет? Так ли важно, чтобы у них был их общий драконенок? Или драконята?

Бен поймал себя на мысли, что сжимает пальцы с такой силой, что они леденеют. Поэтому, когда они с Халлораном прошли через телепорт и распрощались, попросил направить флайс не к зданию телепорта, где для него должны были открыть дипломатический переход в любое время, а в сторону города. Мэйстон — город на островах, Гельеррский залив сверкал в лучах зимнего солнца раскаленным свинцом, золотились от тянущихся к ним лучей высоты

и мосты. Золотились, напоминая о совершенно другом городе, о совершенно другой стране, в которой он провел почти всю свою жизнь.

«Передавай привет Ландерстергу».

Он взял смартфон и коснулся мгновенно ожившего экрана. Просить Аврору соединить его с Ландерстергом было бы особенно изощренно, поэтому он набрал его сам. Личный номер. Слушал длинные, растягивающие время гудки, пока в трубке не щелкнуло.

Аврора Этроу

Ну разумеется. Только этого мне для полного счастья не хватало — разговора с Алерой. Их там в Лархарре, в школе для благородных породистых иртеханесс разве не учат, что прежде чем сесть к кому-то за столик, стоит спросить, хотят ли с тобой проводить время? Правда, ничего из проносящихся у меня в голове мыслей оформиться не успевает: Алера выкладывает свой смартфон на стол и разворачивает дисплеем так, чтобы мне было лучше видно. На дисплее благодаря современным технологиям очень качественная «живая» много-Д фотка. Я всматриваюсь в лицо молодой женщины, и до меня доходит, кто это.

Лаура Хэдфенгер-Ландерстерг, основательница аэрошоу, по совместительству первая ферна Ферверна. Но для меня она все же основательница аэрошоу, я всегда была больше по искусству, чем по политике, эта ее ультрасовременная постановка недавно прогремела на весь мир. Правда, я совершенно не понимаю, к чему тут она, то есть ее фотка, и поднимаю взгляд как раз в тот момент, когда Алера продолжает:

— Это — первая любовь риамера Вайдхэна, — сообщает она. — Посмотри повнимательнее. Никого тебе не напоминает?

Я уже собираюсь послать Алери куда подальше — то есть сказать, что я занята, и что мне некогда с ней обсуждать ее странности, когда фото сменяется (там, видимо, замедленное слайд-шоу), и мой взгляд притягивает хрупкая девушка уже с совершенно другим макияжем. Светловолосая, с голубыми глазами, легкая... как сегодня сказал стилист обо мне. Это кажется невероятным, но в ее чертах я с каждой минутой все больше и больше узнаю себя. Нет, мы не близнецы, и

даже не двойники, но мы очень похожи. Очень. Это тот самый случай, когда принято говорить «один типаж».

— Лаура Хэдфенгер была человеком... какое-то время, — сообщает Алера, постукивая пальцами по столу. Наш крайне странный дуэт привлекает еще больше внимания, но я смотрю на девушку на фото. — До тех пор, пока не выяснилось, что над ней проводили эксперименты, то есть не над ней, а над ее матерью, когда та была беременна ей. Так вот — Лаура Хэдфенгер таким образом заимела пламя в крови и человеком быть перестала. Как бы там ни было, Вайдхэн был влюблен в нее по уши и даже сделал ей предложение. В Рагране она носила его кольцо. Недолго, правда. Тем не менее вся эта история очень прочно засела в его голове, если он собирается жениться на женщине, на нее похожей. Спустя пару месяцев после знакомства.

Алера подтягивает к себе смартфон, убирает его в клатч.

— Это все, что я хотела сказать. Не веришь мне — можешь поискать в сети, но я думаю, ты девушка умная, поймешь, что к чему. Ты для него всего лишь замена Лауры Хэдфенгер, ныне Ландерстерг. И ваши истории совпадают вплоть до того, что на ней он хотел жениться, когда она была беременна от другого.

Иртеханесса поднимается так же грациозно, как и опустилась за мой столик.

— Хорошего вечера, Аврора. Я не могла об этом молчать, а как дальше поступишь ты — решать тебе.

Она уходит, в легком длинном платье в пол, с открытой спиной. Жемчужно-перламутровый цвет контрастирует с ее смуглой кожей, без преувеличения многие мужчины провожают ее взглядами. Да и женщины тоже, а я сижу, пытаюсь избавиться, или, точнее сказать, выбраться из-под камнями навалившихся на меня слов: «Ты всего лишь замена Лауры Хэдфенгер, ныне Ландерстерг».

Нет, я не вчера родилась и прекрасно понимаю, что от благих намерений здесь ноль даже без ободка, а просто дырка. Алера хотела сделать мне больно, хотела меня уязвить, хотела меня зацепить, и ей это удалось. Не потому, что она это сказала, а потому, что это могло оказаться правдой. Вполне. Я и сама задавалась вопросом — что во мне такого, что такого особенного, что могло зацепить Вайдхэна? Да, я красиво танцую, и я в принципе красивая женщина, но... мало ли

красивых женщин? А много ли женщин типажа Лауры Ландерстерг с маленькими детьми?

В голове творится какой-то бардак. Чтобы с ним справиться, я достаю из клатча уже свой смартфон. Алера была бы счастлива: я проверяю информацию, но мне нужно ее проверить. Мне просто необходимо узнать, что из того, что она сказала, правда, а что нет. В прошлом Вайдхэна основательно покопались, поэтому, когда я набираю «Лаура Хэдфенгер и Бенгарн Вайдхэн», мне выдает много чего. В основном это скандальные статейки желтой прессы, некоторые из которых уже прикрыты, и неудивительно. В некоторых пишут, что их роман продолжается до сих пор, приходится тщательно поискать, чтобы найти правду. Но правда есть, и Алера в общем-то не сказала ни слова лжи.

Есть правда о том, что Лаура Хэдфенгер сбежала в Рагран вместе с Вайдхэном, будучи беременной от своего будущего мужа. Есть правда о том, что он делал ей предложение, и даже фото кольца, которое он купил. Столько всякого грязного белья даже в официальных источниках, что меня начинает тошнить. Я закрываю все вкладки и поднимаюсь из-за стола.

Ко мне тут же подбегает официант:

— Риам Этроу, вы хотите сделать заказ?

— Нет, простите, я ухожу. — Непонятно, за что я извиняюсь. Выхожу из ресторана так поспешно, насколько возможно — чтобы это не казалось бегством. Впрочем, оно так или иначе выглядит бегством, потому что оно является бегством для меня.

Оставшиеся в роскошном холле вальцгарды если и удивляются, то виду не подают, а вот администратор, стильная девушка в форменном деловом костюме спрашивает:

— Все хорошо, риам Этроу? Вам что-то не понравилось?

Да. Не надо было пускать в ваш ресторан Алеру инд Хамир. Вслух я этого, разумеется, не говорю, только киваю:

— Все хорошо.

В лифте у меня начинает болеть голова: теперь уже от духоты, хотя в этом отеле духоты не может быть априори. Тем не менее меня будто что-то душит, и я влетаю в номер, швыряю клатч на кровать и устремляюсь на свежий воздух. Относительно свежий — напитанный влажностью настолько, настолько густой, прогретый жарким, горячим

солнцем, что кажется, я могу видеть то, что вдыхаю. Но нет, чтобы его видеть, нужны прочие примеси, а с экологией в Зингсприде как раз все более чем хорошо.

Я опускаюсь в шезлонг, нисколько не заботясь о состоянии платья и прически, прикрываю глаза.

Где же ты, Бен? Мне так нужно с тобой поговорить...

Черное пламя Раграна

— В течение пятнадцати минут все анализы будут у тебя.

Ожидать столь быстрого содействия от Ландерстерга он не мог, но тем не менее сейчас дела обстояли именно так. Он не просто рассказал все, что касалось беременности Солливер Ригхарн, он рассказал все в деталях. И то, что Ландерстерг говорил, не сильно отличалось от слов Кроунгарда.

Эта женщина забеременела от «синтезированного» иртхана, то есть от человека, которого накачивали черным пламенем, и у которого оно в принципе было значительно слабее пламени изначального, то есть того, которым мог бы поделиться дракон. Солливер Ригхарн была на сто процентов человеком, как и Аврора, и когда она забеременела, ее организм не принимал никакого пламя. Женщин, рожаящих от иртханов, обычно поддерживали пламенем во время беременности, чтобы они могли выносить ребенка и пережить роды, но в случае с Солливер ее организм отторгал любые «вливания» — как естественного пламени, так и синтетического, хоть черного, хоть алого, хоть ледяного.

Ребенок внутри нее развивался, подпитываясь за счет собственного пламени, распространяя его по кровеносной системе матери, вытягивая из нее силы и не давая ей умереть до тех пор, пока он не сможет существовать самостоятельно.

— Я бы назвал ее беременность паразитарной, — произнес Ландерстерг, — по сути, она таковой и была. Он ее высосал и убил, она знала о последствиях на раннем сроке, но отказалась делать аборт. Все остальное ты найдешь в медицинских заключениях.

В отличие от Халлорана, Ландерстерг никаких советов не раздавал, а то, что в его голосе, в его интонациях звучало «Я бы не советовал тебе в ближайшее время думать о наследниках» — с наибольшей вероятностью это звучало в его собственной голове.

Поэтому по завершению их разговора, он просто бездумно смотрел на арку моста, выгнувшуюся как готовая играть или напуганная виари. Не в силах заставить себя оторваться от нее, не в силах сосредоточиться на чем-то еще, на какой-то еще мысли, кроме одной.

Он действительно надеялся, что у них с Авророй будут дети.

Общие дети.

Его сын или дочь, которого или которую он возьмет на руки после первого крика. Его ребенок с глазами Авроры и темными волосами, или наоборот — все это неважно. Сама мысль о том, что всего этого не будет, душила, мешала дышать. Еще сложнее стало дышать, когда пришли обещанные анализы, и когда он увидел то, что увидел.

Солливер Ригхарн была человеком на сто процентов, но в ее крови обнаружили маркер черного пламени. Маркер черного пламени непостоянный, не делающий ее иртеханессой. Сопоставить образцы ее крови с образцами Авроры было уже невозможно по понятной причине, но он все-таки отправил результаты еще и в свою лабораторию. Откуда получил ответ, что да, с наибольшей вероятностью это была та же переменная, что сейчас появляется и исчезает в крови риам Этроу.

Только в Авроре она от него.

А в Ригхарн была от ребенка, которого она носила. От паразита. От убившего ее существа, отчаянно цеплявшегося за жизнь.

От всего этого стало жутко настолько, что, пожалуй, впервые за долгое время он просто утратил контроль. Нахлынувшие на него чувства были настолько острыми, резкими, болезненными, настолько раздирающими на части, что дыхание зацементировалось в груди, как остов фундамента дома вокруг стержней арматуры.

Он не мог думать ни о чем, кроме цифр и показателей Ригхарн, кроме показателей ее угасающей жизни, тогда как внутри нее набирала силу новая, маленькая. Сказать, что было бы, будь жив «синтезированный» отец ребенка, не мог никто, но это было и неважно. Если существует хоть малейшая вероятность того, что такое может произойти с Авророй... детей у них не будет.

Никогда.

Он вынырнул из этого, как в свое время из глубокого забытья после того, как его организм справлялся с силой черного пламени, подаренного ему в пустошах Ферверна. Едва снова начал осознавать

себя — сидящего с каменным лицом на заднем сиденье флайса, сдавившим смартфон до хруста, как последний ожил.

Звонила Аврора. Стоило немалых усилий выровнять свой голос до привычного и ответить буднично и легко:

— Аврора? Что-то случилось?

— Я... нет. Да... я думала, что-то случилось у тебя. Я просто почувствовала... что-то странное.

Почувствовала. Разумеется, она его чувствовала. Из-за черного пламени. Из-за проклятого черного пламени, не будь которого в его венах, они могли бы иметь детей!

— Что именно? У меня все хорошо.

— Хорошо. Хорошо, — она повторила это два раза, будто пыталась убедить себя. Или его.

Возможно, и его, и себя, потому что все, что только что пережил он, пережила и она. Чем дольше она остается одна, тем больше будет в этом вариться. Поэтому Бен сказал то, что сказал:

— Готовься к ужину и поднимайся в ресторан. Я немного задержусь, мне нужно кое о чем переговорить с Халлораном. Потом освобожусь — и сразу к тебе. Ни о чем не думай и отдыхай.

Ему нужно было время. Время, чтобы пережить то, что он только что узнал. Время, чтобы справиться с чувствами и снова запереть это внутри себя, или же... просто принять. Просто принять тот факт, что их драконята отменяются. Навсегда.

— Я дождусь тебя в номере.

— Не стоит. Я могу задержаться и не хочу, чтобы ты сидела в номере после того, как тобой занимались вайшеррские стилисты.

— Кто?

— Команда стилистов, которая работает на съемках вайшеррских проектов. В том числе они делали грим для эпика Ильеррской, который снимал Гроу и... не помню, как зовут второго режиссера. Неважно. Я обещал, что у тебя будет все самое лучшее, Аврора, и у тебя оно будет. Поэтому сейчас, когда образ будет готов, поднимайся в ресторан и начинай отмечать один из самых лучших дней своей жизни. Я к тебе присоединюсь.

Он нажал отбой раньше, чем Аврора успела ответить, потому что слышать ее голос было невероятно тяжело. До наблова Кроунгарда он думал только о том, как к ней вернуться, а сейчас понимал, что пока не

готов. Не готов с ней встретиться, не готов смотреть ей в глаза, не говоря уже о том, чтобы поднимать тему, что у них никогда не будет детей. Для Авроры дети важны, но она переживет. Должна пережить. Тем более, что у нее уже есть Лар.

А у него?

Эти мысли заставляли сознание метаться по клетке разума, как загнанного браконьерами в ловушку дракона. Поэтому он отдал приказ высадить его в центре и ждать на парковке, а сам отправился просто бродить по Мэйстону. Бездумно, сворачивая с одной улицы на другую, смешиваясь с толпой, совсем как когда-то. Его безопасности явно были в шоке, но у них был приказ. Как хорошо, когда можно просто отдать приказ — и тебя оставят в покое.

Первые недели и даже первый триместр беременности у Солливер Ригхарн прошли относительно нормально. Не считая токсикоза, слабости и прочих побочных эффектов самой обычной беременности, а вот когда ребенок начал набирать силу... Он отбросил от себя все эти мысли, отрезал, отсек, углубляясь в суету улиц аронгарского мегаполиса.

Понемногу привычка уходить из сознания в глубину силы и контроля сработала. Он уже думал обо всем этом в другом ключе: во-первых, у Авроры действительно будет все самое лучшее. Он позаботится о том, чтобы ни она, ни Лар никогда ни в чем не нуждались. Во-вторых, у них уже есть семья. Лар — чудесный малыш, которому нужен отец, и в конце концов, нет разницы, есть ли в нем частичка его биоматериала, потому что отцовство строится не на этом. У Кроунгарда были другие цели, отчим из него был, как из дракона балерина, но он сам и не хотел становиться отчимом. Он будет отцом.

Лучшим отцом для Лара.

Лучшим мужем для Авроры.

У него уже есть семья.

С этой мыслью он вернулся на парковку, с этой мыслью покидал Мэйстон. Пришлось чуть подождать: окно дипломатического перехода открыли сразу после двух перекрестных массовых рейсов, но, едва оказавшись в Зингсприде, Бен узнал, что Аврора ушла из ресторана сразу после разговора с Алерой.

Что вообще дочь инд Хамира делает в Зингсприде, дракон ее подери?!

Он поднялся в номер, но, чтобы найти Аврору, пришлось выйти на террасу, где она неподвижно сидела в шезлонге. Туфли валяются на полу, а она сидит — худенькая, хрупкая, обхватив себя руками, будто мерзнет, но его словно почувствовала — тут же обернулась и поднялась.

— Бен, ты хочешь на мне жениться, потому что я напоминаю Лауру Ландерстерг?

Глава 21

Ну вот я это и спросила. Вопрос крутился у меня в голове, должно быть, все то время что я ждала его в номере, а вот задать его оказалось сложно, как будто гирю к языку привязали. Или как будто каждое слово весило как дракон, взрослый — тот, при котором мне сделали предложение. Слишком быстро, пожалуй, если не сказать, скоропалительно. Это выбивало из колеи: то, что Алера могла оказаться права, но еще сильнее из колеи выбило:

— Что за бред?! — сказанное таким тоном, словно мои чувства были пустышкой.

Если бы я это просто так, для красного словца спросила, потому что не знала, как завязать светскую беседу.

— Это не бред. Это мои чувства, — ответила я. — И очень простой вопрос, Бен. Неужели на него так сложно ответить?

— Сложно понять, откуда в твоей голове берутся такие мысли, Аврора. Хотя предположить я могу: разговор с Алерой. Это она выдала тебе это шедевральное предположение? В которое ты с радостью и очень быстро поверила.

На миг я даже опешила, почувствовав его ярость. Такую ярость, от которой в глазах слегка потемнело и зашумело в ушах. Ярость, направленную... на меня?

— Я ни во что еще не поверила. Поэтому и решила спросить тебя. Решила задать вопрос тебе.

— Вопрос. Мне.

— Именно так.

Он шагнул ко мне вплотную:

— Я выбивал из тебя согласие на брак, Аврора, не помню сколько. Хотя любая другая на твоём месте была бы счастлива. Я вытряс его из тебя исключительно потому, что Лаура Ландерстерг все еще в моем сердце. Сама подумай над тем, что ты говоришь!

— Подумай над тем, в каком тоне говоришь ты. — В мои планы не входило заводитьсь, но видимо, у нас даже ярость теперь была на двоих. — И уж прости, что я не оправдала твоих надежд по радостным воплям: на мне хочет жениться Черное пламя Раграна, пойду

праздновать. Да, в моей жизни не все так просто, о чем я тебе говорила сразу. Сейчас же мне просто важно услышать ответ от тебя — ты ее любишь? Лауру. Ты видишь во мне ее? Просто ответь, и мы поставим на этом точку.

— Для тебя. Но не для меня. Женщина, которая постоянно заставляет меня сомневаться в себе и в своих чувствах — это очень интересный опыт.

Я отшатнулась. Не столько от злости, с которой в меня ударили его слова, сколько от самого их смысла. Похоже, он тоже это понял, потому что шагнул ко мне:

— Аврора. Я не это хотел сказать.

— Но ты именно это сказал. — Я обхватила себя руками, сдерживаясь из последних сил. Я ведь собиралась ему говорить о том, что нас ждет... счастье! Нас ждет счастье, наш драконенок. По крайней мере, до настоящего момента я в это верила.

— Знаю, что сказал. Но моя встреча прошла не очень. Я слегка... раздражен, — он произнес это, протягивая мне руку. — Понимаешь ли, мой отчим — не самый приятный в общении ирллан, и, если бы не черное пламя, информацию о котором он обещал, я бы точно никогда к нему не поехал. Но я поехал, и все так получилось... как получилось, Аврора.

— Что он тебе сказал?

Он плотно сжал губы.

— Неважно.

— Настолько неважно, что ты срываешься на мне?

Бен глубоко вздохнул.

— Я расскажу тебе. Позже. Когда буду готов. Просто эта информация не из приятных, и она касается нас двоих, но у нас сейчас выходные. Маленький отпуск. Мы его уже почти испортили, поэтому давай сейчас просто обо всем забудем, а потом вернемся домой и поговорим.

— Я не хочу ждать, — сказала я. А если быть точной, не могу. Что там еще за информация, о которой мне нужно думать до завтрашнего вечера и до начала следующей недели? — Бен, мне важно все, что касается нас. Поэтому я спросила о Лауре Ландерстерг. Поэтому я хочу, чтобы ты рассказал мне, что произошло. Не знаю, как для тебя, но для меня наша помолвка — это очень и очень серьезно. Да, я уже не

девочка, чтобы думать исключительно о романтике и о том, как пройдет церемония на много сотен гостей. Я думаю еще и о том, что будет после. О том, что у нас будут дети. И когда у нас будут дети, все станет еще серьезней.

Внутри потемнело. Если можно так выразиться, потому что я просто почувствовала, как внутри меня сгущается даже не черное пламя, а тьма.

— Твоя проблема в том, что ты слишком много думаешь, Аврора, — произнес он. — О том, что будет, если оно вообще будет.

— Что значит — если будет вообще?

— Значит исключительно то, что сейчас ни о каких детях речи не идет. Сейчас речь идет о том, чтобы наслаждаться отпуском, а по возвращении начинать готовиться к свадьбе. — Он чеканил слова так резко, что будь мы в помещении поменьше, меня бы уже изрикошетило их острыми жалами. Хотя по ощущениям, именно так было сейчас.

— Ты говорил, что хочешь детей, — напомнила я, холодея. — Драконят. Помнишь?

— Да. Говорил, — это прозвучало сухо и резко. — И я хотел. В перспективе.

Хотел?

— Это как-то связано с тем, что сказал твой отчим?

— Драконы, Аврора, ты меня вообще слушаешь?! Я говорю, что я хочу наслаждаться каждой минутой рядом с тобой, а ты твердишь мне о детях.

Я сглотнула почему-то ставший еще более густым и вязким воздух. Еще он был горьким — как то чувство, пугающее и тянущее, что сейчас поселилось внутри.

— Я хочу провести с тобой всю свою жизнь, Аврора. Какое отношение к этому имеет Лаура Ландерстерг? Какое отношение к этому имеет мой отчим? Почему ты все время ищешь проблемы там, где их нет?!

— Потому что у меня проблемы, — напомнила я. Меня снова знобило, но теперь уже не уверена, что от него. Скорее всего, это были мои чувства — хотя мы стояли посреди жаркой зингспридской ночи. Посреди влажного тропического воздуха, который еще утром казался мне настолько сладким, насколько это возможно. Настолько пьянящим, теплым, обволакивающим. Утром. Но не сейчас. — Ты сам сказал,

Бен. Моя проблема в том, что я слишком много думаю. Моя проблема в том, что я женщина, которая постоянно в себе сомневается, что для тебя интересный опыт.

А еще в том, что я беременна и хотела тебе об этом сообщить.

— Но я такая, какая есть. И ты это прекрасно знаешь, а если даже не знал, то узнал сейчас.

Он снова глубоко вздохнул. Шагнул ко мне еще ближе, перехватил меня за предплечья. По ощущениям — с желанием хорошенько встряхнуть, но к счастью, трясти не стал. Я же застыла: ведь я его так ждала. Какая разница, что сказал ему отчим, какая разница, что там было с Лаурой Ландерстерг... в этом Бен был абсолютно прав. Но в этом разговоре открылось два новых вопроса, ответы на которые мне жизненно важно было услышать.

— Насколько я понимаю, тебя все устраивает? Во мне. Иначе бы ты не сделал мне предложение.

Бен опустил взгляд.

— Где мое кольцо, Лаура?

Я вздрогнула.

Дернулась в сторону. Он не разжал пальцы, поэтому получилось больно, наверняка останутся синяки. Потому что его руки соскользнули с моих стальных браслетами, почти как наручники. В воцарившейся между нами тишине я сейчас слышала, как колотится мое сердце — отчаянными, рваными рывками. Правду говорят: не задавай вопросов, на которые не хочешь услышать ответов. На которые не готов услышать ответы. Проще всего было бы сейчас убежать, но бежать было некуда — сзади бассейн, впереди — Черное пламя Раграна, которое выжигало меня изнутри.

— Аврора...

— Не надо, — я подняла руку. — Твое кольцо там. На туалетном столике, где мне делали макияж. Стилист посоветовал его снять, потому что оно не сочетается с образом. На самом деле оно не сочетается не с образом. Оно не сочетается со мной.

«Адэйн Ричар» дарил на первую помолвку Торн Ландерстерг своей будущей жене. Я успела полистать страницы их истории, страницы истории любви знаменитой фервернской пары, и, хотя многие говорили, что Лаура вышла замуж по расчету, чтобы вернуть себе и семье былое положение в обществе, и много чего еще, в

частности — чтобы продвигать свое шоу, и все такое, глядя на их пару, я понимала, что они — пара. Они пара, а мы с Беном — нет. Мы настолько не пара, насколько можно себе представить.

Эта мысль отдалась во мне такой болью, что я чуть от нее не задохнулась. Вдвойне больнее было смотреть в лицо стоявшего напротив мужчины, с которым я... с которым у нас... слезы, душившие меня изнутри, вдруг собрались страшным комом у горла. Тьма, раздирающая мою грудь, вырвалась наружу и облаком растеклась перед глазами, стирая из сознания и Бена, и Зингспридскую ночь, и отель. Я ухнула в нее с такой радостью, с какой никогда и никуда раньше. Ведь в этой глубокой непроглядной тьме мне совсем не было больно.

В себя я пришла от мерного пиликанья аппаратов и от приглушенных голосов. Сознание возвращалось какими-то странными урывками, этапами, я будто плавала в полусне, стремясь поднять веки, но они были невыносимо тяжелыми. Насколько, что как бы я ни старалась их разлепить, мозг отказывался содействовать и управлять телом, и я опять начала проваливаться в то, на чем сейчас лежала. Когда услышала голоса:

— ... сильнейший стресс, судя по тому, что я вижу. — Голос был мужской, незнакомый — по всей видимости, это говорил врач.

— Хорошо. Я вас понял. — Это Бен. Бен сейчас тоже воспринимался как сквозь какое-то странное полузабытье, словно он стоял далеко-далеко, а его слова приносило ветром и эхом.

— Вашей женщине необходим отдых, риамер Вайдхэн.

— Моей невесте.

— Вашей невесте. Насколько я понял, она расстроилась из-за разговора о детях.

— Да.

— Ваша невеста не может быть в положении?

— Нет. Это исключено. Мои лучшие медики регулярно делают все анализы, и, если бы что-то такое было, я бы узнал первым.

Меня поразило как скупое и жестко прозвучало его слово. А еще — это его «что-то такое», именно оно отозвалось во мне неправильностью, иррациональностью происходящего и спустя мгновение я вспомнила почему.

— Все же я бы рекомендовал провести дополнительную серию тестов. Если женщина так переживает из-за детей, возможно, это не просто так.

— Возможно, вы лезете не в свое дело? — Теперь в его голосе зазвучал металл. — Моя невеста не в положении.

— Я говорил исходя из вероятности...

— Которая стремится к нулю. Даже если бы такое случилось, особенно сейчас, Риам Этроу сделала бы аборт. В настоящее время дети в наши планы не входят.

Последние слова прозвучали так ясно, словно я не валялась полувсплывшим от ударной волны браконьера драконом, а пребывала в твердой памяти и ясном сознании, как обычно. Меня затрясло так, что аппараты заверещали, а глаза распахнулись сами собой, без посторонней помощи.

— Риам Этроу, — высокий потолок тут же заслонила голова медика, — как вы себя чувствуете?

— Отлично. — Голос был не моим, тоже хриплым и вязким. Своим я бы не выдавила «отлично». Горло першило, как после океанской воды, но океанская вода тут была ни при чем, слезы по-прежнему консервировались в груди, как и черное пламя, которое долгое время было моей второй сутью. Когда надо мной склонился еще и Бен, я закрыла глаза, не могла на него смотреть. Не могла, не хотела и с чувствами не сумела справиться.

Особенно теперь.

Если мой самый страшный кошмар мог сбыться, он только что сбылся.

— Что-то не так? Голова кружится? Что-то болит? — по-своему истолковал мой жест медик.

— Нет. Просто устала.

Поразительно, как легко дается ложь, когда рядом тот, кому ты не хочешь говорить правду. А как ему сказать правду? О том, что он станет отцом? В отличие от Карида, у него не будет просто пожелания и обещания денег, он избавится от этого ребенка, как избавился в свое время от Лизы и от тех охранников, и... ему не нужен ребенок от меня. Все, что ему когда-либо было нужно — это Лаура Ландерстерг, он до сих пор ее помнит.

«Где твое кольцо, Лаура?»

Я бы хотела стереть из памяти этот вопрос. Хотела бы стереть из памяти то, что услышала сейчас. Что произошло с тем, кто говорил мне о драконятах? Ложь? Но зачем? Затем, что ты помешана на Ларе, Аврора. И так было бы проще всего уломать тебя на скорый брак и вызвать ответные чувства.

Мир рассыпался осколками и собирался снова, в какое-то уродство, которое я даже объять мысленно была не в силах. Это было настолько отчаянно больно, что я с трудом сдерживалась, чтобы не закричать. Узор на моей руке, кажется, раскалился добела, но, когда я все же рискнула открыть глаза, увидела просто черную загогулину, которая даже не думала искрить.

Ненавижу черное пламя.

Ненавижу Черное пламя!

Но сейчас самое главное — это удержать лицо и не дать ему понять, что врач, который, очевидно, оставил нас наедине и вышел, был прав.

— Аврора, мы с тобой наломали дров...

— Не мы. Ты и я. — В меня словно анестезии закачали, потому что я ощущала себя пьяной. Пьяной, а еще больше ничего не болело, словно умение чувствовать временно атрофировалось. — Нас нет и никогда не было.

— Не надо так, — он оперся ладонями о медицинскую койку. Таковую же шикарную, большую, как и палата. Таковую же, как и все, что его окружало. И меня он хотел превратить в такую же шикарную, в такую же роскошную, в такую же соответствующую его статусу, как даже этот медицинский ВИП-блок в отеле. Уверена, что он ВИП.

— Да. Ты прав. Не надо. Хотя бы из уважения ко всему, что между нами было.

— Было. Есть. И будет.

— Нет, не будет. Не будет, Бен. Ты мне врал. Ты женишься на мне, но ты хотел бы жениться на Лауре. Это кольцо для нее. Не для меня.

— Я не врал тебе никогда, — он повысил голос, его ноздри раскрылись — того и гляди в дракона превратится.

Чешуец отелю, подумалось мне. Хотя... плевать мне на этот отель.

— Хорошо, значит, не договаривал, — покладисто согласилась я.

Как я могла быть такой дурой? Второй раз на хвост тому же дракону... ладно. Со своими чувствами я как-нибудь разберусь, не

впервой.

— Хорошо, что это произошло сейчас, — добавила я. — Что мы с тобой вовремя выяснили, что к чему, и что ты не хочешь детей в том числе. Потому что я хочу. Для меня это важно. Для меня важно, чтобы у меня была семья с любимым мужчиной. С любимым и с тем, который будет любить меня. Но это не наша история, Бен, согласись.

На краткий миг мне показалось, что он сейчас рассмеется, скажет, что все это ерунда, что он меня разыграл. Что конечно же он хочет от меня детей, а Лаурой назвал не случайно, на автомате, а чтобы подразнить, но он промолчал. Промолчал и даже отступил, и опустил в кресло рядом с кроватью, а я перевела взгляд на окно. Его запечатали жалюзи, но где-то там, за этими полосками кипела жаркая яркая жизнь. Зингсприд — что дневной, что ночной, был средоточием жизни. Пламенем, огнем, силой, мощью.

Яростной, настоящей, кипучей, не как топкая мощь черного пламени, которое чуть было не превратила меня в пепел. Не превратила, и ладно. Все, что связывало нас с Беном — это то самое черное пламя, которое останется в прошлом, когда я перееду сюда. А я перееду и начну все сначала. Здесь, в Зингсприде.

С Ларом и его братом, и его отец, в отличие от Карида, никогда не узнает, что у него мог бы быть сын.

Почему-то я была уверена, что у меня опять будет мальчик. Малыш, который не унаследует от своего отца ничего, кроме черного пламени. Невыносимо похожий на Лара и на меня.

Глава 22

Зингсприд, Аронгара

Месяц спустя

Поразительно, как быстро можно переехать, когда у тебя есть цель. Цель у меня была: увезти моего еще неродившегося сына от его отца, который не хотел детей в ближайшее время. Возможно, он их вообще не хотел, а все что было сказано — было сказано для меня, но я не стала в этом разбираться. Одно дело иметь за спиной бывшего, который бизнесмен, требующего аборт, совсем другое — правящего страны, в которой, к слову, аборт запрещены.

Да, можно было бы сыграть на этом, можно было бы пойти к журналистам, развернуть все так, чтобы его репутационные риски перевесили его нежелание иметь детей или иметь детей от меня, но я просто не хотела. Не хотела всей этой грязи, всей этой гадости — мне хотелось сохранить остатки того, что между нами было нетронутым и чистым. Хотелось смотреть в глаза своему сыну и не отворачиваться, хотелось, чтобы он знал, что для меня все было в любви.

Лар категорически не хотел уезжать и устроил целый скандал: кричал, что не хочет расставаться с Нией и Беном, что хочет ездить к Зои, Дагу и Кати. Не знаю, что бы я делала в такой ситуации, если бы не Зои — она меня поддержала. И в моем решении просто уехать, и во всех истериках Лара, в которых подруга всегда вставала на мою сторону. В одну из последних встреч они проговорили с Ларом около часа. Я хоть и сидела в гостиной так и не ставшей мне родной квартиры, рядом с ними, в разговоре не участвовала. Зато очень хорошо запомнила ее слова, когда Лар опять начал возмущаться, что не будет видаться с ними.

— Мы будем видаться, обязательно. Я буду приезжать.

— Одна?

— Нет, с Дагом и Кати.

— Но мама не хочет, чтобы мы виделись часто!

— Твоя мама всегда делала так, как лучше для тебя. Позволь ей хоть раз в жизни сделать так, как будет лучше для вас двоих, — Зои взглянула на меня, быстро, коротко — и в ее глазах я прочла «троих»:

кроме подруги пока о ребенке не знал никто, — а еще лучше, для всех нас. Представляешь, мы приедем к вам в гости, и все вместе пойдем в самый большой и классный аквапарк в мире!

— Аквапарк? — Лар живо заинтересовался происходящим.

— Да, и будем кататься с горок, там, где всегда-всегда тепло! Классно же!

— Классно! — Сын запрыгал на диване, а на меня посмотрел уже не так обиженно и недовольно. — Да! Да! Да!

Надо будет сводить его в аквапарк, подумалось мне в то время. А еще показать побережье, он должен увидеть его таким, каким его увидела я. Правда, пока я не представляла, что сама буду чувствовать на побережье — все, что связано с Беном, все «общие» воспоминания так или иначе вызывали боль. Такого, на удивление, с Каридом никогда не было. Когда я приняла решение расстаться с ним, то как отрубилась, а здесь, стоило на минутку позволить себе слабость и лишние мысли, как в груди начинало жечь. Увы, не от пламени.

Мы объявили о разрыве помолвки сразу после возвращения из Зинсприда, создав еще один инфоповод, взбудораживший всю общественность. Потом последовала очередная волна звонков от журналистов и прочей прелести, но мне на них было уже наплевать. Я почти не заходила в сеть, избегала новостных лент, всего, что может напомнить о том, что пока еще слишком больно. С Беном мы тоже больше не встречались, но он, узнав о переезде, поставил условие, что я уеду только после того, как в моей крови не останется пламени. Я пришла в ужас, на первые анализы шла в такой тряске, что меня чуть не вывернуло наизнанку, но... анализы его медиков вновь не показали ни намека на беременность, повергнув меня в глубокий шок.

Я даже начала сомневаться в результатах тестов, но мои обязательные «не беременные» дни так и не приходили, кроме того, тесты, которые повторно притащила Зои, показали все то же самое. Я не представляла, что и думать, на вторые анализы шла все с той же опаской, но чуть поспокойнее, и... опять ничего. Третьи, четвертые и пятые тоже ничего медикам Бена не показали, а на заключительной серии тестов, которые проводили, чтобы убедиться в том, что черного пламени во мне не осталось, что маркер ушел окончательно, мне сказали, что мои результаты сейчас в точности такие же, какими наверняка были перед встречей с Вайдхэном.

После этого мне разрешили выехать, и я не стала откладывать. С каждым лишним днем, проведенным в Рагране, я все больше боялась остаться. Потому что здесь *о нас* напоминало абсолютно все, даже несбывшееся, и это было настолько непростительно больно, отчаянно, глубоко, что пару раз мне в голову приходили мысли: а вдруг мы тогда ошиблись? Вдруг все, что сейчас происходит — неправильно?

Но потом я вспоминала про аборт, про Лауру, а заодно и про то, что Бен сразу же согласился на расторжение помолвки, и понимала, что правильно.

Квартиру, которую он мне подарил, я продала. Сочла справедливым взять эти деньги на первое время для ухода за его сыном, который наверняка потребует гораздо больше вложений, чем даже мой быстро растущий Лар. Я смутно представляла себе, как растут ир்தханята, я вообще мало что знала про детей ир்தханов, но одно я знала точно, ребенку-полукровке точно потребуются особенная няня, плюс на первое время после переезда, на обследования и достойные роды деньги точно потребуются мне.

По крайней мере, именно так я это себе представляла, когда выставляла квартиру на продажу. На деле же все оказалось еще круче: квартира действительно оказалась очень стоящая, и помимо того, что я озвучивала себе в мыслях, я смогла даже зарегистрировать и открыть школу балета в Зингсприде. Правда, пока небольшую, но у меня уже были планы, как ее развивать. Уютный зал с очень красивым оформлением для самых маленьких балерин (почему-то я решила, что заниматься хочу именно с детьми) готовили по заказанному дизайн-проекту, уже запустили рекламу, и к моему приезду школа будет готова принимать первых учениц.

На сайте, к моему удивлению, уже оставили около сотни заявок — возможно, не последнюю роль сыграло то, кто именно открывал школу, наш скандальный короткий роман с Беном, но я решила на этом не заморачиваться. Если начну, так и буду заморачиваться всю оставшуюся жизнь, потому что эта история будет всплывать постоянно, тут и там, и везде. В моих и только в моих силах доказать всем, что моя школа — это нечто большее, чем имя Авроры Этроу, у которой был роман с Черным пламенем, а сейчас... сейчас надо просто радоваться тому, что есть.

Так что ехала я отнюдь не на пустое место, как боялась моя мама. С ней мы ненадолго пересеклись в кафе перед отъездом, и она пожелала мне удачи.

— Ты же знаешь, что всегда можешь обратиться ко мне, Аврора, — сказала она.

— Знаю, — тактично ответила я.

Но обращаться не собиралась. В глубине души я так и не нашла в себе сил до конца простить ее за то, что она выбросила меня из жизни. Да, она пожертвовала своей, чтобы со мной ничего не случилось, но все это не отменяло того, что было. Все мои попытки сгрызть себя за то, что не получается быть хорошей любящей дочерью разбивались о годы одиночества, школьные драки, упреки отца, постоянно пенявшего, что я — истинная дочь своей матери, бессонные ночи с Ларом, в которые я укачивала и кормила сына с мыслью о том, что рассталась с ней навсегда, и, видимо, я просто была не готова к этой встрече. Не готова к тому, что спровоцировал Бен, и погружаться в наши несостоявшиеся отношения еще больше мне сейчас не хотелось.

Впереди меня ждала совсем другая жизнь и воспитание теперь уже двух детей, которые никогда не смогут сказать, что их матери рядом не было.

Сложности заключались разве что в том, что моему ребенку был нужен «отец». То есть мужчина, которого можно записать отцом, чтобы ни у кого не возникало лишних вопросов. Увы, но я пока не представляла, что с этим делать. Точно так же, как не представляла, что делать со своей очень странной беременностью.

Во-первых, у меня полностью прошел токсикоз. Я чувствовала себя так, как раньше, правда, ела как не в себя. Во-вторых, мне нужно было показаться врачу, но врачам мой ребенок показываться отказывался — а даже если представить, что что-то в этом отношении изменилось, то есть если не сдавать анализы, а идти сразу на УЗИ, я смутно представляла, что говорить врачам: любой нормальный врач тут же определит срок, а срок — прямое указание на того, кто отец ребенка. Понятно, что существует врачебная тайна, и все такое, но я не хотела даже думать о том, что будет, если Бен обо всем узнает.

С одной стороны не хотела, а с другой...

Из мыслей меня выбил звонок в дверь, мелодичным эхом разнесшийся по дому.

— Привет, Аврора, — с улыбкой поздоровалась Эла, наша новая няня. В отличие от Нии, она была молодая, светловолосая и такая солнечная, что я после одной беседы и знакомства с Ларом сразу остановила выбор на ней.

— Привет. Лар еще спит. Никак не привыкнет ко времени после переезда.

Два часа разницы, а мой сын изображает тураску[1]. Милую такую тураску, которая спит почти до обеда.

— Ничего. Я пока как раз завтрак приготовлю. Ты знала, что дети просыпаются на вкусные запахи?

— О-о-о да, — рассмеялась я. — Еще как знала.

Тем более что я сейчас тоже с радостью просыпалась на вкусные запахи и умудрялась сочетать несочетаемое, вроде чипсов и мармелада одновременно. Или бекона с джемом из литтоновых ягод.

— Ты надолго?

— Нет, на пару часов. Сегодня последний день перед открытием школы, хочу убедиться, что все готово.

— Да, это дело такое, важное, — Эла кивнула. — Тогда до встречи.

— До встречи.

Я забежала к себе в комнату, чтобы взять сумочку, бросила быстрый взгляд в окно. Квартиру в Зингсприде я снимала, небольшую, но достаточно уютную, а главное, в хорошем районе, неподалеку от здания, где располагалась моя школа. Две спальни (моя — с панорамными окнами), внизу — кухня-гостиная-холл, вот и вся квартира, но мне нравилась. В Аронгаре такая планировка была очень популярной и распространенной, местные архитекторы любили двухэтажные квартиры.

Разумеется, вид здесь был попроще, чем у меня в Рагране — на город, петли аэромагистралей, другие высотки. Тем не менее именно эта квартира показалась мне очень-очень уютной, и я остановилась на ней. Сейчас я была уверена, что в ней мы с Ларом и с его братиком будем счастливы.

Заказанный флайс прибыл очень быстро, и спустя пару минут я уже летела к своей школе, на которую возлагала очень большие надежды. Помимо того, чтобы преподавать там самой (пока позволяет мое состояние), я собиралась пригласить двух преподавателей, а еще

— после того, как рожу и восстановлюсь, планировала вернуться в балет. Да, разумеется, над этим придется потрудиться, но...

Мысленно улыбнулась, представив свою сбывшуюся мечту. У меня все будет хорошо и даже лучше. Обязательно будет!

В Зингсприде как обычно была жара, но для поездки в школу я надела блузку с длинным рукавом. Во-первых, так солиднее, а во-вторых... во-вторых, она скрывала узор. Потухший, спящий, лишенный черного пламени, но запечатлевшийся на мне, как клеймо. Медики Бена разводили руками и говорили, что узор, скорее всего, останется навсегда. Они даже предлагали мне его свести: на попытки как-то на него воздействовать узор больше не реагировал, но я отказалась.

Сама не знаю, почему. Глупо, наверное, но свести узор в тот момент было как выдрать частичку меня, а я и без того достаточно из себя выдрала этим расставанием. Иногда мне казалось, что сохранив его, я сохраню связь с Беном, но, разумеется, это мне просто казалось — потому что я больше его не чувствовала. Ни Бена, ни узор, ни в линиях на моей руке, ни во мне больше не было пламени, он стал самой что ни на есть обычной татуировкой, которую можно сделать в любом салоне.

С этой мыслью я вышла из салона флайса на пышущую жаром внешнюю парковку офисного центра, где располагалась моя школа. Поспешила к дверям, чтобы не успеть прожариться до хрустящей корочки, когда услышала за спиной:

— Привет, соседка.

Насмешливое, знакомое, ехидное.

Обернулась и увидела идущего ко мне Элегарда Роу.

[1] Зверек, обитающий в подземных пещерах пустошей Лархарры, отличающийся тем, что постоянно спит.

Конец второй книги